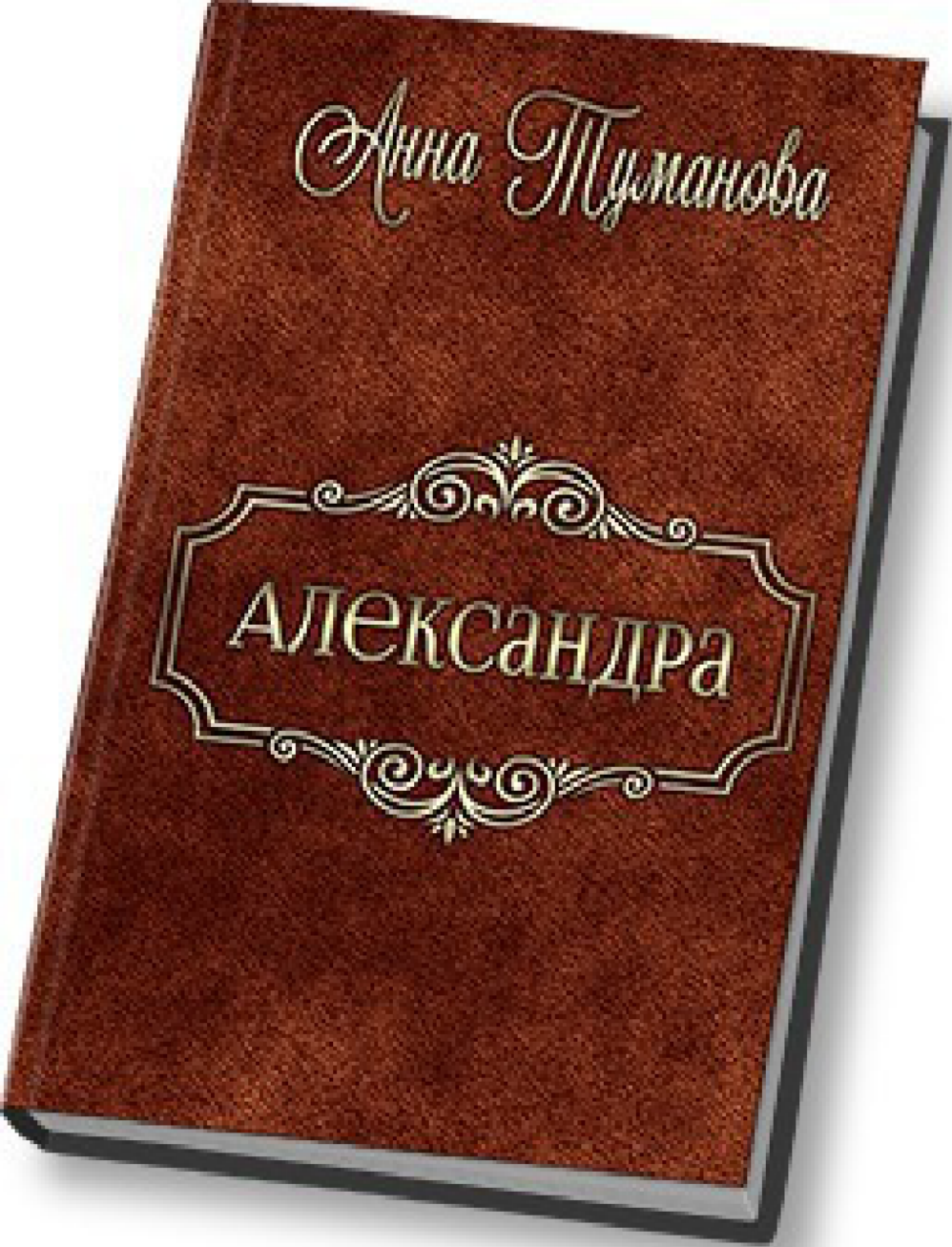
Анна Туманова
Александра

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Что остается делать девушке, потерявшей работу и обремененной долгами? Правильно, искать новую работу. И Александра нашла такую. Что ждет ее в уединенной лесной усадьбе? Только ли работа? А, может быть, судьба?

Предупреждение: любителям светлых и добрых историй, а также, приверженцам деления мира на черное и белое это произведение лучше пропустить. Помните — ответственность за то, что вы нарушите данную рекомендацию, будет лежать исключительно на вас.))

- Анна Туманова
  -
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
  - Глава 24
  - Глава 25
  - Глава 26
  - Глава 27
  - Эпилог

Анна Туманова
Александра

Метель набирала силу. Деревья сливались в одну сплошную белую стену, снег слепил глаза, забивался под воротник тонкой куртки, колючими льдинками вспарывал замерзшие щеки и холодил онемевшие губы… Саша, из последних сил, пыталась идти вперед. Только не останавливаться, только бы суметь найти дорогу! Сколько она уже бредет так? По колено в сугробах, сбившись с тропы, задыхаясь от режущего ветра и слепящего глаза снега? Час?.. Два?.. Или больше? Погони еще нет, но надолго ли хватит ее везения? Да, и можно ли, вообще, говорить о везении в ее ситуации? Шаг, еще шаг… «Давай, ты сможешь, еще немного… Кажется, среди деревьев мелькнул просвет…» Но измученное тело больше не способно бороться… Неловко подвернувшаяся нога, и… теплые снежные объятия встретили уставшую беглянку… «Спи… Все пройдет… Все забудется…» — тихо шепчет метель, укрывая потерявшую сознание девушку…

Глава 1

Александра прислонилась к стенке лифта, и устало прикрыла глаза. Еще один день прошел впустую. Три… три!.. собеседования провалились. Если так пойдет и дальше, то ей останется позабыть про свой красный диплом и браться за любую подвернувшуюся работу.

Лифт натужно заскрипел, словно в унисон ее грустным мыслям, а потом, дернулся пару раз и остановился. Как раз между двенадцатым и тринадцатым этажами, не доехав до нужного Саше всего этаж. Ну, собственно, это и не удивительно, с ее-то везением.

Помощи пришлось ждать долго. Когда девушка, наконец, закрыла за собой дверь квартиры и обессиленно опустилась на банкетку, ей показалось, что подняться она не сможет. Три собеседования в разных концах города, тянущее чувство голода, потеря кошелька и проделанный пешком путь домой… Тяжелый день подошел к концу. Саша поднялась на ноги, со вздохом, глянула на свое отражение в зеркале и натянула меховые тапочки. Продрогшие ноги утонули в жаркой глубине, и девушка зажмурилась — как же хорошо!

Дом встретил ее теплом, тишиной и запахом выпечки. Повесив в шкаф свою легкую курточку, Саша прошла прямиком на кухню.

Маленькое помещение, сияющее чистотой, успокаивало и настраивало на оптимистичный лад. Ну, и что, что сегодня не повезло? Вот, сейчас она поест, примет душ — да-да, именно в такой последовательности! — и ей сразу станет легче. Забудутся злые глаза менеджера по персоналу в последней фирме, и тот озабоченный дядька, на заводской проходной, и проливной дождь, намочивший ее единственные туфли, и утерянный кошелек… Как же хорошо дома!..

Небольшая однокомнатная квартирка, в новом панельном доме, была для Саши средоточием всех ее устремлений. Маленьким оплотом уверенности в разваливающейся на части жизни. Александра решительно отодвинула в сторону тарелку с пирогом и взялась за свежие газеты. Она еще поборется! Жилье — это единственное, что у нее есть, и девушка не позволит себе опустить руки. За свой дом стоит биться до конца… Небольшое объявление в конце страницы привлекло ее внимание.

«Да, нет…» — прочитав его, подумала Саша. Быстро пролистала оставшиеся газеты и снова задумчиво уставилась на три короткие строчки. «А, в конце концов, почему бы и нет?»

Алексей Николаевич Метельский раздраженно потер переносицу. Три недели. Три долгих недели он проводит эти злосчастные собеседования. В ущерб основной работе, в ущерб планам на отпуск… Как же не вовремя, Оборский озаботился этой старой развалюхой! От нее одни проблемы, что в прошлом, что сейчас…

И, ведь, вроде бы, были несколько подходящих работниц, так, нет же — не прижились, и одного дня не выдержали в доме.

Проклятье! Ненавистная усадьба!

И, как всегда, — Глебу взбрела в голову блажь, а отдуваться приходится, ему, Метельскому.

Мужчина решительно придвинул бумаги и быстро просмотрел последнее, на сегодня, резюме.

— Зоя, пригласи следующую, — велел он секретарше.

Дверь медленно открылась, и в кабинет вошла молодая девушка.

Алексей Николаевич окинул ее цепким взглядом.

Длинная рыжеватая коса, скромный костюм, туфли на низком каблуке и ни грамма косметики на лице. Если верить резюме — Станкевич Александра Павловна, собственной персоной.

— Добрый день, — вежливо поздоровалась девушка.

— Скорее уже — вечер, — поправил ее Метельский и указал на ближайший стул, — присаживайтесь.

Александра аккуратно присела на самый краешек и стиснула руки.

От Алексея Николаевича не укрылось ее волнение, но он сделал вид, что ничего не заметил.

— Итак, Александра Павловна, я хотел бы понять, что заставило вас, бухгалтера с неплохим образованием, искать места домработницы?

— Я посчитала, что смена вида деятельности благотворно скажется на моей жизни, — спокойно ответила девушка, — к тому же, я, действительно, люблю вести хозяйство и имею соответствующее дополнительное образование.

— Да-да, я вижу ваши свидетельства, — перебирая бумаги, отозвался мужчина. Он просматривал документы, но, краем глаза, следил за собеседницей.

— А почему уволились с последнего места работы? — поинтересовался он.

— Предприятие обанкротилось, — односложно ответила Александра.

— Ах, да, «Символ»… Как же, наслышан, скандал был громким… — внимательно поглядел на соискательницу Алексей Николаевич.

«Волнуется, но держит себя в руках. Это хорошо, можно даже сказать, отлично, особенно учитывая все обстоятельства… Не набивает себе цену и не кокетничает, — Метельский поморщился, вспомнив череду предыдущих претенденток, пытающихся всеми силами привлечь его внимание… — молода… а вот это, скорее, минус… Но, что-то в ней есть. Цельность какая-то… Рискнуть? Поверить интуиции?»

Он неторопливо отложил в сторону резюме Александры и подвел итог.

— Не могу сказать, что меня все устраивает, но, вам, практически, повезло. У нас очень мало времени, и искать кого-то еще просто нет возможности. Давайте договоримся так. Я беру вас на испытательный срок, скажем, на месяц. Если справитесь — заключаем контракт на год. Нет — оплачу издержки, и мы попрощаемся. Устроит вас такой вариант?

— Я бы хотела узнать, что будет входить в мои обязанности, и сколько я буду получать, — Александра пристально посмотрела на Метельского, и тот оторопел. Огромные васильковые глазищи уставились на него, и мужчина почувствовал, как у него резко пересохло во рту. Алексей Николаевич сбился с мысли.

— Что? — переспросил он.

— Оплата, — повторила девушка, — мне нужно знать, сколько я буду получать. И мои обязанности…

— А, да, оплата… — протянул мужчина, — вот эта сумма вас устроит?

Он показал Саше договор, с проставленными цифрами, превышающими ее последнюю зарплату вдвое.

— Вполне, — стараясь не показывать своих эмоций, ответила девушка. Саша не могла поверить, что ей так повезло. Хотя, возможно, она рано радуется. Нужно еще узнать, в чем будет заключаться ее работа.

— Да, должен уточнить, что, во время испытательного срока, выходные не предполагаются. Работать начинаете с завтрашнего дня. В ваши обязанности будет входить ведение домашнего хозяйства в загородном имении: готовка, уборка, стирка, в общем, все, что требуется, для нормального функционирования большого дома. Проживаете по месту прописки?

Саша кивнула.

— В таком случае, завтра в восемь, я за вами заеду. Подождите пару минут в приемной, пока Зоя внесет в договор ваши данные и внимательно прочитайте все пункты, перед тем, как подписывать, во избежание недоразумений, так сказать. Все, идите.

Девушка поднялась со своего места и, поблагодарив

Метельского, вежливо попрощалась.

Едва за ней захлопнулась дверь, мужчина хмыкнул: — «Ни одного лишнего слова не сказала. Удивительно для женщины»

Он собрал документы и нажал кнопку:

— Зоя, зайди ко мне.

В кабинет впорхнула аккуратненькая блондиночка и преданно посмотрела на босса.

— Передай Осокиной, чтобы оформила Станкевич на месяц, а дальше посмотрим. Ты билеты заказала?

— Да, Алексей Николаевич. Шестнадцатого в двадцать два, как вы и просили.

— Хорошо. Завтра меня не будет, перенеси Ходырева на четверг, и передвинь мое расписание, с учетом предстоящей поездки.

— Будет сделано, Алексей Николаевич. Что-то еще?

— Нет, на сегодня все, — устало произнес Метельский, — будем надеяться, что эта каторга с собеседованиями закончилась, и я, наконец-то, смогу работать.

Зоя сочувственно посмотрела на начальника.

— Ну, последняя, вроде бы, приятная девушка. Только, уж, больно молоденькая, — с сомнением произнесла она, — не боитесь?

— Посмотрим, — уклончиво ответил Алексей Николаевич, — сама понимаешь, времени у нас в обрез, через месяц Глеб Александрович вернется, нужно успеть привести дом в порядок. За десять лет там полное запустение наступило… Странно, что Оборский, вообще, о нем вспомнил… — задумчиво произнес мужчина, но, тут же опомнился, — все, Зоя, иди.

Секретарша кивнула и тихонько прикрыла за собой дверь кабинета.

Саша вышла из здания корпорации и почувствовала, что у нее подгибаются ноги.

В прошедшем собеседовании не было ничего страшного, но напряжение, в котором девушка жила последние три недели, сейчас схлынуло, и она почувствовала, как противно дрожат руки и предательски подгибаются колени.

Договор, который подписала Александра, ничем не отличался от любого стандартного документа подобного типа. Перечень ее обязанностей уравновешивался гарантиями неплохого денежного вознаграждения и наличием нескольких свободных часов в неделю.

Немного смущало то, что ей предстояло сменить социальный статус. Прислуга… Что ни говори, а гордость отзывалась на это слово неприятным покалыванием, нашептывая, что Саша

совершает ошибку. Еще бы! Тяжело пойти в услужение, после вольной и независимой жизни. Тем более, с ее характером. Только вот, поджимающий срок выплаты по кредиту и накопившиеся долги не давали ей возможности привередничать. Трудно, но другого выхода нет. Нужно сохранить единственное, что у нее осталось — квартиру, и Саша пойдет на все, даже если ради этого придется поступиться своей гордыней.

«Так, надо успеть оплатить ипотечный взнос, убрать зимние вещи на хранение, разобраться с коммуналкой и продумать, что взять с собой… И попросить Веру Ивановну присматривать за квартирой. Но это все потом, сначала — в банк» — решила Саша и торопливо направилась к остановке.

Утро встретило Александру тучами и моросящим дождем. Девушка стояла у подъезда и зябко поеживалась в тоненькой курточке. Весна не спешила радовать горожан теплом, и Саша успела замерзнуть в ожидании своего нового босса.

Ровно в восемь, перед ней притормозила машина, и, спустя пару минут, девушка уже сидела на заднем сиденье роскошного авто, ее сумка расположилась в багажнике, а невозмутимый Метельский выезжал из двора многоэтажки.

Машина плавно влилась в поток автомобилей и двинулась на запад, по кольцевой. Через полчаса они выехали из города, и мимо понеслись дачные поселки, небольшие городки и села, а потом, дорога свернула в лес, и Саша завороженно уставилась на пролетающие за окошком авто огромные сосны.

За время пути, Метельский постоянно отвечал на телефонные звонки, давал указания секретарше и сотрудникам и не обращал ни малейшего внимания на сидящую позади девушку.

Саша тайком рассматривала мужчину. Тяжелый подбородок, упрямый рот, цепкие стальные глаза, коротко стриженый ежик темно-русых волос… Метельскому можно было дать и тридцать, и сорок пять. Моложавая внешность и умные, взрослые глаза, выдающие зрелость и мудрость… странное несоответствие…

Саша засмотрелась на своего работодателя и не заметила, как машина остановилась у витых кованых ворот. Из небольшой сторожки вышел высокий охранник и поприветствовал Метельского.

— Николай, передай Игорю, что я его жду, — бросил Алексей Николаевич, въезжая на территорию имения.

У Саши захватило дух. Длинная аллея привела их к большому двухэтажному дому. Особняк, с первого взгляда, поражал воображение красотой, присущей дворянским усадьбам позапрошлого века. Он гордо возвышался в окружении заросших газонов, устремляясь ввысь белокаменными колоннами,

поддерживающими украшенный лепниной фронтон.

Саша ступила на первую ступеньку каменной лестницы и почувствовала, как тревожно екнуло сердце. Что ждет ее в этом уединенном доме? Как сложится дальше ее непредсказуемая жизнь?

Глава 2

— Ну, что, Александра… Добро пожаловать, — Метельский пропустил девушку вперед и захлопнул за собой массивную дверь. Щелкнул выключатель и полутемное помещение озарилось тусклым светом хрустальной люстры. Огромное пространство холла пугало своей безжизненной пустотой.

Саша невольно поежилась. Дом, снаружи казавшийся сказочным дворцом, внутри поражал запустением и ветхостью. Давно не мытые окна почти не пропускали солнечный свет, толстый слой пыли покрывал все поверхности в просторной прихожей, старинная люстра, спускающаяся на бронзовой цепи прямо посреди холла, почти не давала света, из-за скопившейся на ней паутины и грязи.

Алексей Николаевич прошел вперед, приглашающе махнув рукой, и девушка пошла за ним, стараясь ни до чего не дотрагиваться. Они миновали длинный коридор и оказались в огромной светлой кухне.

Здесь, судя по всему, не так давно была установлена современная техника, и вид навороченной духовки согрел Сашино сердце. Именно о такой она мечтала, именно такую собиралась купить уже этой весной, если бы все планы не полетели в трубу, вместе с обанкротившимся «Символом»…

Девушка обвела глазами помещение. Красивая старинная мебель, дорогая техника, большой дубовый стол… А какой вид открывался из огромного решетчатого переплета! Высокое французское окно выходило прямо на лужайку, окруженную старыми липами. Нежная молодая листва только пробивалась и казалась невесомым зеленым пушком на толстых коричневых ветках. Саша засмотрелась на это великолепие, не замечая внимательного взгляда своего босса.

— Значит, так, — услышала она жесткий голос Метельского и вздрогнула, — Дом должен быть приведен в порядок в течение трех недель. Вымыть, вычистить, кое-что обновить, закупить все необходимое — ну, там, белье, посуду и прочие хозяйственные мелочи, — и полностью подготовить к проживанию хозяина. На вас, также, обеды и ужины для охранников. Ребята живут отдельно, но столоваться будут в доме. Чуть позже, я их вам представлю.

Саша посмотрела на Алексея Николаевича и спросила:

— А сколько всего человек проживает в усадьбе?

— Шестеро, — коротко ответил Метельский, — и сразу хочу предупредить — никаких отношений ни с кем из них. Если узнаю,

что крутишь хвостом, — выгоню сразу, без объяснений. Понятно?

Девушка кивнула. Да, уж, понятно.

— Еще одно. На рабочем месте — никакой косметики, духов и нескромных нарядов. Все должно быть предельно просто и незаметно. Если пройдешь испытательный срок — пошьем тебе форму. Пока будешь ходить в своем. Да, чтобы ночью из дома — ни ногой. Увижу, что ошиваешься около моих ребят — не взыщи, попрощаемся сразу и без расчета. Поняла меня? — сурово сдвинул брови мужчина.

Саша согласно кивнула, внутренне съежившись. Неужели, ее приняли за шлюху? Резкий переход начальника на ты и несправедливые подозрения всколыхнули старые страхи, но девушка нашла в себе силы спокойно выслушать Алексея Николаевича.

Она смотрела на Метельского и пропустила тот момент, когда на кухне появился еще один мужчина. Высокий, темноволосый, с искорками смеха в живых карих глазах.

— О, у нас пополнение! — игриво протянул он.

— Игорь, — предупреждающе посмотрел на него начальник, и весельчак моментально посерьезнел.

— Простите, Алексей Николаевич, — мужчина чуть склонил голову, но Саша успела заметить, как слегка шевельнулись крылья его крупного носа, выдавая упрямый нрав.

— Знакомься, Александра. Это Игорь — главный охранник и, по совместительству, ответственный за порядок в имении.

Саша иронично обвела глазами захламленное помещение.

— Да, уж, порядок, — вполголоса протянула она.

— Это ты зря, красавица, — усмехнулся охранник, — я отвечаю за порядок иного рода. А здесь — твоя епархия, тебе и чистоту наводить.

— В общем, так. Игорь будет помогать тебе с обустройством дома. Также, он оплатит все необходимые покупки. Завтра поедете в ближайший город и закупите все необходимое. По любым возникающим вопросам обращаться только к нему, — Метельский задумчиво посмотрел на девушку, — да, и выбери себе любую комнату на первом этаже. Второй этаж — хозяйский, приведешь его в порядок в первую очередь. Что еще?.. Ах, да… Держи, — Алексей Николаевич протянул Саше телефон, — здесь два номера — мой и Игоря. Мне звонить только в крайнем случае. Старайтесь все вопросы решать сами. Понятно?

Александра кивнула. Метельский еще раз прошелся по ней внимательным взглядом и добавил:

— Я уеду на несколько дней, обустраивайся пока, обживайся. Знакомься с рабочим местом. Вернусь — проверю, что у тебя

получилось. Игорь, проводи меня, — приказал он, и охранник безмолвно вышел вслед за своим начальником.

А Саша осталась на кухне, недоуменно рассматривая дорогущий телефон. Надо же, какая расточительность! Прислуге — и такой девайс выдать! Да, ее хозяин не экономит на своих работниках.

Решив не обращать внимания на причуды нового босса, девушка еще раз внимательно огляделась. Просторно, светло и, если все отмыть и привести в порядок, будет даже уютно. Саша усмехнулась и принялась инспектировать шкафы. Их содержимое не порадовало. Из необходимой кухонной утвари в наличии был только небольшой набор кастрюль и сковорода. Ни разделочных досок, ни острых ножей, ни половника. Зато, обилие фарфоровых сервизов и дорогущих бокалов с вензелями в красивом дубовом буфете. Александра удивленно покачала головой — странные представления о быте были у хозяйки этой кухни.

— Смотрю, ты уже освоилась? — Игорь возник за ее спиной, и девушка вздрогнула. Как он умудряется появляться так незаметно?

— Ну, не то, чтобы освоилась, просто пытаюсь понять, за что браться в первую очередь.

— Могу помочь, — улыбнулся мужчина, — в первую очередь, мы идем знакомиться с обитателями усадьбы. Во вторую — принимаешься за приготовление обеда, все необходимое для готовки я принесу из нашего дома, ну, и, в третьих, тебе необходимо составить список покупок на завтра. Утром съездим в ближайший молл, закупим все необходимое.

Игорь уверенно смотрел на Александру, вынуждая ее согласиться с его программой.

— Хорошо, — кивнула Саша, — что там у нас первым номером в списке значится? Знакомство с остальными жильцами? Идемте, — и она решительно направилась к двери.

Знакомство с охранниками прошло быстро и как-то скомкано. Пятеро мужчин, по очереди, представились Александре, выслушали ее заверения, что ей очень приятно, синхронно кивнули и молча разошлись по своим делам. Саша недоуменно смотрела им вслед.

Поразительно! Ни тебе заигрываний, ни шуточек…

То, чего она опасалась с самого начала, узнав, что придется жить в окружении шестерых мужчин, оказалось пустыми страхами.

Похоже, подчиненных Метельского она просто не интересовала.

Ну, и замечательно! По крайней мере, можно не опасаться

ненужного внимания с их стороны.

Игорь насмешливо наблюдал за ее реакцией.

— Что? — не выдержала Саша.

— Ты забавная, — усмехнулся мужчина, — тебе никто не говорил, что у тебя все мысли на лице написаны?

— Можно подумать, вы что-то сумели прочитать, — уязвленно ответила девушка.

— Я ж говорю — забавная, — хмыкнул Игорь и направился к дому.

Саша, недовольно насупившись, пошла за ним. Вот, опять! Ну, почему она не умеет скрывать свои эмоции?

Чуть позже, Игорь принес необходимые продукты, и Саша выбросила из головы все неприятные мысли — нужно было успеть приготовить обед. За привычными хлопотами, девушка успокоилась, и сама не заметила, как принялась напевать свою любимую песню. Вскоре, на плите уже тихонько булькал бульон для борща, а в духовке жарились окорочка с картошкой. Александра решила не заморачиваться, и приготовить самые простые и сытные блюда. То, что нужно для шестерых голодных мужчин.

Она как раз дорезала овощи для салата, когда на кухню зашел Игорь и поинтересовался, скоро ли будет готов обед.

— Еще пять минут, и я накрою на стол, — заверила его девушка.

Ровно через пять минут, в кухне возникли все охранники, во главе со своим начальником. Они молча расселись вокруг огромного стола и принялись за еду.

Саша, волнуясь, поглядывала на мужчин, пытаясь понять, нравится ли им ее стряпня. Однако ее ждало разочарование — невозмутимые физиономии работников не отражали никаких эмоций.

Поев, охранники поблагодарили девушку за обед и ушли.

Вот, и думай — то ли не понравилось, то ли…

Так начались ее рабочие будни.

Каждый день, ровно в пять утра, Александра просыпалась, приводила себя в порядок и торопилась на кухню, чтобы успеть приготовить еду, а потом принималась за уборку. Дом был невероятно запущен, и девушке пришлось постараться, чтобы привести его в надлежащий вид. Саша, в шутку, сравнивала себя с археологом. Слой за слоем, она счищала грязь, и на свет появлялись шедевры. Оказалось, что старый особняк таит множество сюрпризов. В гостиной, под ветхими чехлами, обнаружилась изящная мебель, в спальнях, как выяснилось, скрывались дорогущие ковры и картины, в столовой, под слоем

пыли, долгое время прозябали резные ореховые горки, заполненные старинной посудой. Девушка с интересом рассматривала редкие по красоте вещи и недоумевала, как можно было так запустить дом.

Дни шли за днями. Особняк преображался. Метельский, пару раз, приезжал в имение и одобрительно отмечал благотворные перемены, а Саша радовалась, что ее работа не вызывает нареканий. Она, понемногу, привыкла к старой усадьбе, к неспешному течению жизни, да, даже к молчаливым охранникам. Те, по-прежнему, не общались с Сашей, но она перестала переживать по этому поводу. Молчат — ей же проще!

Зато, они помогали во всем, стоило только попросить. Огород вскопали — любо-дорого посмотреть! А сад как расчистили?! Да, и мебель тяжелую передвигали играючи…

Несколько раз Александра выбиралась в ближайший город. Игорь, без возражений, соглашался свозить ее и в магазины, и на большой оптовый рынок. Он ненавязчиво опекал девушку, не позволяя поднимать тяжелые сумки, всегда оказывался рядом, когда нужно было помочь, и Саша постепенно привыкла к его молчаливой поддержке.

Иногда, ей чудилось в глазах мужчины странное, какое-то голодное выражение, но, присмотревшись внимательнее, она понимала, что ошиблась. Как ни странно, Саша доверяла старшему по усадьбе, сама удивляясь этому. Обычно, она старалась избегать мужчин, а тут…

Прошли три недели ее новой жизни, но девушке казалось, что она живет в лесном имении уже очень давно. Размеренная жизнь, свежий воздух, отсутствие посторонних людей завораживающе действовали на Сашу. Ей казалось, что сотни невидимых нитей привязывают ее к уединенному особняку и его обитателям. Вся прежняя жизнь отошла куда-то далеко, заставляя забыть и шумный мегаполис, и бывшую работу, и, даже, свою уютную маленькую квартирку.

В один из дней, приведя в порядок кухню, Саша прихватила ведро и тряпку и отправилась на чердак. Из всего дома он один остался неисследованным. Тяжелая деревянная дверь, со скрипом, открылась, и Александра оказалась в пыльном и затхлом помещении. Косые лучи солнца падали из высокого сводчатого окна на сваленную в беспорядке старую мебель, сундуки, картины, пустые деревянные рамы. Девушка, освободив небольшой пятачок для ведра с водой, принялась за уборку. Время летело незаметно, солнечные лучи меняли направление вслед за светилом, а Саша все воевала с окружающим беспорядком. Спустя несколько часов, она, наконец,

удовлетворенно оглядела помещение. Все, с грязью покончено! Девушка присела на продавленную оттоманку и бездумно посмотрела на составленные у стены портреты. Ее взгляд зацепился за один из них. Темноволосый мужчина, в старинном сюртуке, смотрел прямо на нее. Сашу поразили его глаза. Они, словно живые, следили за ней. Девушка, как завороженная, подошла поближе и опустилась на пол перед портретом. Странная сила заставила ее поднять руку и прикоснуться к холсту. Саша почувствовала, как сильнее забилось сердце, как горячая волна прошлась по телу и, в испуге, отшатнулась от строгих, внимательных глаз незнакомца. Они не отпускали, проникая прямо в душу, заставляя забыть себя и поддаться магии янтарного взгляда… Звук подъехавшей к дому машины, заставил девушку недоуменно покачать головой. Померещится же такое! Подивившись собственной фантазии и бросив последний взгляд на портрет, Саша взяла ведро и швабру и закрыла за собой дверь чердака.

Глава 3

— Тебя в город? Или в поселке в магазин заедем? — Игорь пытливо взглянул на Александру.

— Давай в город. Мне еще на рынок нужно заскочить, за рассадой, а потом, в гипер.

— Как скажешь, — не стал спорить мужчина.

Он открыл перед Сашей дверцу внедорожника и легко подсадил девушку. Крепкая, горячая рука охранника заставила ее невольно поежиться. Александра никак не могла перебороть неприязнь к чужим прикосновениям, хотя, очень старательно скрывала это.

Нет, Саше, конечно же, хотелось почувствовать чью-то поддержку и внимание, но… Вот, об это «но» и разбивались все ее мечты… Ну, да, ладно. Разве плохо ей живется?

Игорь, одним движением, оказался внутри джипа и машина выехала за ворота. Александра искоса посматривала на мужчину. Большой, крепкий, надежный. Крупные руки уверенно держат руль, веселые, прищуренные глаза внимательно следят за дорогой.

— Ну, и как тебе у нас? — не оборачиваясь, спросил охранник, — не тянет в город, к цивилизации?

— Да, нет, — задумчиво ответила Саша, — что я там видела? Дом и работа. Уходила затемно и возвращалась по темноте. Не до городских красот было.

— А в выходные? — уточнил мужчина.

— Тоже работа, — невесело усмехнулась девушка.

— А парень-то у тебя есть? — поинтересовался Игорь, — как он к твоей бесконечной работе относился?

— Никак, — спокойно ответила Саша, закрывая тему, — ты сможешь остановиться у пекарни?

Мужчина кивнул и прекратил расспросы. Понятливый…

Александра вздохнула. Ни парня, ни друга, ни бойфренда… Ни к чему они ей. Жила как-то раньше, и сейчас проживет!

Несмотря на браваду, девушке было очень одиноко. Не хватало дружеского общения, близких людей, их поддержки и помощи. И так хотелось ощутить рядом тепло живого существа… Собаку, что ли завести? Эх, мечты…

А на обратном пути из города, судьба, будто подслушав грустные мысли Александры, подарила ей подарок.

Когда машина свернула с трассы на лесную дорогу, Игорь чертыхнулся и съехал на обочину.

— Что-то случилось? — поинтересовалась Саша.

— Топливная система барахлит, надо глянуть, — немногословно ответил мужчина, открывая дверцу джипа.

Спустя мгновение, Игорь поднял капот, и следующие десять минут до Саши доносились только еле слышные ругательства. Устав сидеть в машине, девушка вышла размяться. Недавний дождь оставил небольшие лужи, с деревьев срывались крупные капли, в воздухе непередаваемо остро пахло весной. Саша отошла совсем недалеко от внедорожника, когда услышала жалобное поскуливание. Прислушавшись, девушка прошла еще немного вперед и вскоре наткнулась на источник тоскливых звуков — дрожащего, темно-серого щенка. Мокрый комок шерсти прижимался к дереву, неловко подвернув пораненную лапу, и еле слышно подвывал. Александра присела на корточки.

— Ты откуда здесь взялся, малыш? — она просунула руку под худенькое пузико и ощутила мелкую дрожь, сотрясающую тощее тельце.

Щенок скулил и смотрел на девушку испуганным взглядом блекло-синих глаз. Пронзительная жалость шевельнулась в душе Александры. Такой маленький и беспомощный… Видно, кто-то из деревенских завез в лес и оставил тут умирать.

Скинув свою ветровку, Саша аккуратно завернула найденыша и прижала его к себе. У нее не возникло ни капли сомнений — малыша она не бросит. Когда девушка подошла к машине, Игорь кинул короткий взгляд на ее куртку, хмыкнул, но ничего не сказал. Саша тоже упрямо молчала. Так они и доехали до дома. А там, щенок был отмыт, рана на его лапе — перевязана, найденыш с жадностью вылакал миску молока и довольно засопел в импровизированном гнездышке, сделанном Александрой из старого покрывала.

Ночью девушка проснулась от того, что под боком у нее кто-то копошился. Щенок довольно устраивался рядом с хозяйкой, и у Саши не хватило мужества вернуть нахаленка на подстилку.

«Ладно, — подумала она, — пока у него не заживет лапа, пусть спит рядом».

Так, у Александры появилась верная тень. Тошка всюду ковылял за хозяйкой, спал исключительно на ее постели и, ни на минуту, не выпускал девушку из вида.

А еще, он ревниво относился к окружающим Сашу мужчинам. Стоило кому-нибудь из охранников подойти к его хозяйке поближе, как щенок начинал угрожающе скалиться. Правда, его агрессия была безмолвной — ни разу Саша не слышала, чтобы Тоша тявкнул или зарычал. Вот, и сейчас, он молча наблюдал за Игорем и недоверчиво скалился, а Александра сноровисто доставала из духовки пирог, стараясь не обращать внимания на

сидящего за столом охранника.

— Не боишься, что сбежит? — прищурившись, спросил мужчина, кивнув на Тошку.

— А разве он может сбежать из дома, где его вкусно кормят? Да, малыш? — Саша обернулась к щенку.

— Ну, как говорится, сколько волка не корми… — усмехнулся Игорь.

— Так, то ж, волка, а Тошка у меня — пес, — беспечно отозвалась девушка.

— Уверена? — насмешливо поинтересовался мужчина.

Саша в недоумении посмотрела на охранника.

— Волчонок. Самый настоящий, — утвердительно кивнул Игорь.

— Не может быть… — растерялась Александра, — а почему сразу не сказал?

— А что бы это изменило?

— Да, в общем-то, ничего, — задумчиво протянула Саша.

— Вот, и я о том же. Да, и интересно было посмотреть, как щенок себя поведет. Он где спит — в твоей комнате?

Александра кивнула.

— На подстилке?

Саша смущенно покраснела.

— Только не говори, что с тобой, — Игорь пристально уставился на девушку.

Та отвела глаза.

— Ну, поздравляю. Похоже, ты теперь — его стая, — усмехнулся мужчина, — значит, никуда он от тебя не денется.

Тошка, словно что-то почувствовав, подошел к хозяйке и поставил свою лапу ей на ногу.

— Ишь, собственник, — хмыкнул Игорь.

Саша подхватила щенка на руки и прижала к себе. Тошка затих и блаженно прижмурил глаза.

«Ну, и что, что волк? Главное, он мой» — упрямо подумала девушка.

А через несколько дней, к ним прибилась Анфиса — пушистая рыжая кошка с очень независимым характером. Александра обнаружила ее однажды утром, под дверью. Голодную, со свалявшейся шерстью и порванным ухом. Несчастный вид рыжухи растопил Сашино сердце, и она присела на корточки рядом с нечаянной находкой.

— Ты-то откуда здесь взялась? — девушка разглядывала кошку, пытаясь понять, как та оказалась в лесу, так далеко от деревни.

Рыжая бестия одарила Сашу очень красноречивым взглядом и

сделала шаг к двери.

— Ну, пойдем уж, красавица, — вздохнув, Александра запустила кошку в дом и подхватила ее на руки. Недовольное шипение стало ответом на проявленную доброту.

— Ты мне еще пошипи, — улыбнулась Саша, — вот, приведу тебя в нормальный вид, тогда и отпущу. Терпи.

Анфисе, как сходу назвала кошку новая хозяйка, пришлось вытерпеть и помывку, и обработку ран, и вычесывание колтунов. А когда измученную процедурами красавицу, наконец-то, принесли на кухню и покормили, рыжуха успокоилась, облюбовала себе место в мягком кресле у окна и задремала. Так, усадьба пополнилась еще одним обитателем.

Животинка оказалась с характером, в руки никому не давалась и только Сашу подпускала к себе близко. На всех же остальных неприязненно шипела и презрительно щурила красивые зеленые глаза.

— Тоже мне, аристократка, — ругнулся как-то Игорь на строптивицу, когда та пренебрежительно повернулась к нему хвостом.

— Саш, вот зачем ты ее в дом пустила? — спросил он у Александры, — она же никого не любит. Даже тебя. Только и делает, что шипит, да царапается.

— Может, у нее жизнь такая была, что не верит она никому, — тихо ответила девушка и невесомо погладила кошку. Та вытерпела прикосновение, но умудрилась всем своим видом показать, что не очень-то и нуждается в хозяйской ласке.

— Ну, что-то тебя на философию потянуло. Кошка, она и есть кошка — должна мышей ловить, да у печки мурлыкать. А эта — так, одно название, — Игорь махнул рукой и вышел из кухни.

Саша присела на корточки и протянула Анфисе кусочек ливера.

— Ешь, моя хорошая, и не слушай никого. Что эти мужики понимают? Мурлыкать должна… А если жизнь такая, что выть хочется?

Она машинально поглаживала кошку, а мысли ее витали далеко от старой усадьбы…

Метельский, приехавший с очередной проверкой, скептически покосился на новых «жильцов», но ничего не сказал.

— Алексей Николаевич, вы не против животных в доме? — уточнила Саша.

Начальник остро взглянул на девушку и коротко бросил:

— Пусть живут.

Потом, приподняв волчонка, посмотрел ему в глаза и усмехнулся.

— Не боишься? — спросил он у девушки. — Это тебе не игрушка. Хищник, все-таки…

— Он ручной, — заступилась за питомца Саша, — Тошка никого не тронет.

— Ну-ну… — начальник еще раз поглядел на равнодушную Анфису, на погрустневшего, отчего-то, волчонка и вышел из кухни.

Александра облегченно вздохнула. Что ни говори, а Метельский мог отругать домработницу за самоуправство, и выставить ее «зоопарк» на улицу.

День прошел в привычной суете, а вечером, босс вызвал девушку к себе и сообщил, что, с завтрашнего дня, у нее намечается пара выходных. Саша растерялась.

— Но, как же…

— Тебя что-то не устраивает? — мужчина вопросительно приподнял бровь.

— Нет, но…

— Вот, и отлично, — заключил он, — приготовь еды на два дня. Завтра утром Игорь отвезет тебя домой.

— Хорошо, — Саша не стала спорить. К тому же, непредвиденные выходные оказались очень кстати.

Алексей Николаевич выдвинул ящик стола и достал конверт.

— Здесь аванс, — сказал начальник, протягивая ей деньги, и добавил: — в четверг ты должна быть на рабочем месте.

Александра согласно кивнула, попрощалась и вышла из кабинета. Выходные — это хорошо, только, вот, придется потрудиться, чтобы обеспечить едой остающихся мужчин. Идя на кухню, Саша лихорадочно соображала, что можно приготовить. До поздней ночи, она жарила, варила, запекала… Результат порадовал — большая кастрюля щей, пюре, котлеты и запеченные в духовке голубцы. Вроде бы, этого должно хватить, чтобы охранники смогли пережить отсутствие домработницы. Девушка внимательно осмотрела кухню. Все на месте — холодильник полон еды, чистая посуда аккуратно расставлена на столе — бери и пользуйся, — в широком блюде блестят боками свежие фрукты, а в большом кувшине остывает свежесваренный компот.

Глава 4

Рано утром Александра покинула особняк. Уезжали в спешке, но, перед отъездом, девушка оказалась невольным свидетелем странного разговора между Метельским и Игорем. Нет, она не собиралась подслушивать, просто, так получилось — мужчины остановились неподалеку от ее комнаты, а ветер донес их тихие голоса в приоткрытое окно. Услышанное заставило Сашу задуматься. И теперь, сидя на заднем сиденье джипа и машинально поглаживая Тошку, Саша изредка бросала на Игоря внимательные взгляды. Уж больно не походило то, что ей довелось подслушать, на то, что она видела.

В коротком разговоре, Метельский предупреждал охранника держаться от домработницы подальше.

— Только этих проблем нам и не хватало! — с угрозой в голосе, говорил начальник. — Смотри у меня. Еще раз увижу твой интерес — не обижайся, отправлю отсюда подальше. Девочка хорошо работает, искать другую на ее место я не собираюсь, так что, придержи свои желания. И ребятам передай — узнаю что-нибудь, им не поздоровится! Понял меня?

— Так точно, — четко ответил Игорь.

— Свободен, — отрывисто бросил Метельский, — да, довезешь Александру до дома — проводи до квартиры, ну, и глянь, что там и как. И без глупостей.

Мужчины разошлись, а Саша еще долго пыталась успокоить тревожно бьющееся сердце. Это что же получается, Игорю она не безразлична? Ничего себе! Он же никак этого не проявляет!.. Зато, стало понятно, почему остальные охранники с ней не общаются. Еще бы, с таким-то суровым боссом…

Полтора часа пути, за размышлениями, пролетели незаметно, и для Саши оказалось неожиданностью, когда джип остановился у ее подъезда.

— Приехали, — объявил Игорь, ловко выскальзывая из машины. Охранник открыл дверцу, и Саша, придерживая одной рукой Тошку, выбралась наружу. Ярко-желтые стены дома весело отражали солнечные лучи. Весна.

Проводив ее до квартиры и убедившись, что все в порядке Игорь постоял на пороге, словно хотел что-то сказать, но, так и не решившись, развернулся и сбежал по лестнице. Безо всякого лифта. «Инструкцию выполнил дословно!» — усмехнулась Александра.

— Ну, здравствуй, милый дом! — девушка радостно огляделась вокруг. Родная, уютная квартирка! Саша даже не

представляла, что так соскучилась по ней! Тошка настороженно обошел территорию, заглянул во все углы, всюду сунул свой нос и, удовольствовавшись осмотром, забрался на мягкий угловой диван.

— Тош, а ты не обнаглел? — рассмеялась девушка.

Щенок обиженно посмотрел на нее из-под лапы.

— Ну, что мне с тобой делать? Пойдем, посмотрим, что у нас из еды есть.

Саша направилась на кухню, и Тошка, бодренько соскочив с дивана, потрусил за ней — волшебное слово «еда» всегда безотказно действовало на маленького проглота.

Вечером, расслабленно устроившись с ногами в глубоком кресле и смакуя кофе, Александра наслаждалась отдыхом. Она даже не подозревала, что, оказывается, устала от каждодневной тяжелой работы и так соскучилась по дому. Только сейчас, оглядывая родные стены, поняла, как же ей не хватало всего этого: теплого уюта маленькой кухни, мерного звука настенных часов, медленно убегающих минут в тишине и покое родного дома и аромата свежесваренного кенийского кофе…Для полного счастья, не доставало только Анфисы. Своенравная кошка успела занять местечко в душе хозяйки, и теперь, Саша переживала, не забудут ли мужчины покормить рыжую бестию.

Два дня пролетели незаметно. Александра прошлась по магазинам, оплатила кредит и коммуналку, убрала квартиру и, наконец-то, выспалась. Вот, чего-чего, а пяти часов сна в обычные рабочие дни ей было мало. И сейчас, она от души наслаждалась отдыхом. Тошка радовался тому, что хозяйка никуда не торопится, и подставлял свою лобастую голову под ее руки, выпрашивая ласку. А еще, он с любопытством ходил с Сашей на прогулки. Ну, как ходил? Ошейник и поводок, купленные Александрой, поначалу, не встретили понимания со стороны волчонка, но великая сила любви… к мозговой косточке растопила несговорчивого Тоху, и он смирился со странным изобретением. Подумаешь, поводок! Зато, по вечерам, хозяйка укладывает его на колени и смотрит какие-то странные движущиеся картинки, почесывая своего любимца за ухом. Волчонок не вникал в происходящее, он наслаждался ласковыми поглаживаниями доброй руки…

Игорь объявился рано. Саша только успела позавтракать и накормить Тошку, как раздался звонок мобильного. Оказалось, что машина уже ждет ее во дворе. Заторопившись, девушка мгновенно собралась и выскочила из квартиры.

— Саш, это тебя, что ли, хахаль на джипе ждет? — раздался ехидный голос из-за ее спины.

«Ленка… Вот, принесла нелегкая» — обреченно подумала девушка, поворачиваясь к соседке.

— Это по работе, — невозмутимо ответила Саша.

— Ну-ну, знаем мы такую работу, — подмигнула полноватая блондинка, — в прошлый раз на мерсе увезли, в этот — на джипе… Не, ну, а что! Правильно, Сашка, сколько можно монашкой жить! Еще бы приодеть тебя по-человечески… Ну, да, хахали, небось, помогут. Или ты им скромницей нравишься, а?

— Лен, извини, но тебя моя жизнь не касается, — Александра развернулась и направилась к лифту, — Тоша, идем!

— Какие мы гордые, — протянула соседка.

Саша, не обращая на нее внимания, запустила волчонка в подъехавшую кабинку и нажала кнопку первого этажа.

Игорь ждал возле подъезда. Вот, интересно, как Ленка умудряется узнавать все происходящее в их дворе? В секунду, сопоставила стоящий у подъезда джип и выходящую из квартиры Сашу. Талант, однако!

— Привет, — поздоровалась она с мужчиной, открывая заднюю дверцу.

Игорь кивнул и, дождавшись, пока девушка заберется в машину, плавно тронулся с места. Ехали в тишине. За окном мелькали указатели, небольшие поселки, города, потом, джип свернул на проселочную дорогу, и мимо понеслись огромные ели. Сашу напрягало затянувшееся молчание. Игорь глядел вперед и не обращал никакого внимания на пассажирку. Девушка внимательно присмотрелась к нему. Мужчина, как всегда, был одет в свою любимую черную футболку и узкие джинсы, смуглые руки уверенно держали руль, коротко стриженные волосы казались слегка влажными, словно, Игорь недавно принимал душ, а толстая серебряная цепь подчеркивала мощную шею.

— Насмотрелась? — иронично поинтересовался охранник. — И каков вердикт?

Саша смутилась. Глаза у него на затылке, что ли?!

— Просто красавчик, — невольно съязвила она, — на дорогу лучше смотри!

— Не переживай, не разобьемся, — хохотнул мужчина.

— Надеюсь, — проворчала Саша.

На этом разговор и закончился.

Усадьба встретила их тишиной. Двор был пуст, ветер шелестел молодой листвой липовой аллеи, окна сумрачно поблескивали в хмуром свете весеннего утра.

— Ну, что, добро пожаловать домой, — усмехнулся Игорь и открыл дверцу джипа, помогая Саше выбраться.

Он оставил девушку у крыльца, а сам снова сел за руль.

— Поставлю в гараж, — объяснил на ходу, и машина сорвалась с места.

Александра кивнула и вошла в притихший особняк, не заметив бросившуюся под ноги кошку.

— Анфиска, ты чего творишь? — испуганно выдохнула Саша. — Соскучилась, что ли?

Кошка истошно мяукала и вилась вокруг хозяйки.

— Ты голодная, да? — пожалела ее Саша, — ну, пойдем, покормлю тебя.

Тошка ревниво вышел вперед и посмотрел на хозяйку.

— Ну, и тебя, конечно же, — засмеялась Александра, — как я могла забыть про второй завтрак?!

Девушка, улыбаясь, пошла на кухню, и «зверинец» дружно двинулся следом.

Помещение сияло чистотой. Интересно, кто наводил порядок в ее отсутствие?

— Удивляешься? — вопрос вошедшего Игоря заставил ее вздрогнуть. «Господи, ну, как можно так подкрадываться?!»

— Ну, да, — ответила Саша, — я-то уже приготовилась все отмывать.

— Дэн дежурил. Он тот еще чистюля, — усмехнулся мужчина.

— Спасибо что сказал, буду знать, кого благодарить, — улыбнулась Александра.

— Забудь об этом, — жестко отрубил Игорь, — я сам передам ему твою благодарность. И, вообще, держись от ребят подальше. Так будет лучше.

Он развернулся и вышел из кухни, а девушка осталась недоуменно смотреть ему вслед. Что за странные порядки в этом доме? Неужели, нельзя общаться нормально? Ее размышления прервал звук подъехавшей машины. Метельский — безошибочно определила Саша. Только он имеет привычку подъезжать к самому парадному.

Хлопнувшая входная дверь подтвердила ее догадки.

— Работаешь? — заходя на кухню, поинтересовался босс.

— Доброе утро, Алексей Николаевич, — поздоровалась Саша, — собираюсь готовить обед. Вы что-то хотели?

— Зайди ко мне в кабинет. Это ненадолго, — Метельский внимательно огляделся вокруг, отмечая идеальный порядок и чистоту помещения. Да, его интуиция не ошиблась — несмотря на молодость, Александра оказалась ценным приобретением. Алекс самодовольно улыбнулся. Что ж, не зря он решил рискнуть — все его ожидания оправдались в полной мере. Опыт, что ни говори — великая вещь…

— Хорошо, — кивнула Саша, захлопывая дверцу духовки и

выставляя температуру.

— Жду через пять минут, — бросил мужчина и вышел из кухни, а девушка сполоснула руки и быстренько привела себя в порядок — все-таки, вызов к начальству на ковер не каждый день случается…

Метельский облюбовал для работы маленькую комнатку на первом этаже. На втором, хозяйском, были и большой кабинет, и библиотека, но ими никто не пользовался. Видимо, владелец особняка не разрешал вторгаться на свою личную территорию.

Саша постучала в дверь кабинета и вошла. В комнате царил полумрак — плотные шторы были почти до конца задернуты, оставляя лишь небольшую щель, сквозь которую пробивались солнечные лучи. Алексей Николаевич стоял у стола, спиной к окну, и перелистывал какие-то бумаги. Свет, падающий сзади, мешал рассмотреть лицо начальника, но девушка заметила, что, за время, прошедшее с их последней встречи, мужчина немного осунулся. Черты лица Метельского стали резче, под глазами залегли тени, и весь вид босса говорил об усталости.

Алексей Николаевич несколько минут молчал, разглядывая Александру, и, наконец, приглашающе указал на кресло:

— Присаживайся.

Саша насторожилась — в голосе начальника проскользнули стальные нотки. Неужели, она в чем-то провинилась?

— Нам предстоит разговор о твоей дальнейшей работе, — Метельский удобно устроился в кресле напротив и задумчиво посмотрел на Сашу, — Я доволен тем, как ты справляешься со своими обязанностями, и хочу предложить тебе подписать годовой контракт. Он стандартный. Условия остаются теми же, но твоя зарплата будет чуть выше, чем указано в предыдущем договоре. Есть лишь одно небольшое условие — ты должна будешь подписать бумаги о неразглашении всего, что здесь увидишь. Глеб Александрович не любит, когда подробности его личной жизни становятся известны общественности, так что, это мера вынужденная. А еще, он не выносит, когда ему перечат, поэтому, если останешься, придется хорошенько запомнить свое место и никогда не спорить с хозяином. Ты — прислуга, и должна вести себя соответственно. Даю тебе время до вечера. Если не передумаешь — жду после семи с подписанными бумагами.

Метельский вручил растерянной девушке папку с документами и кивнул на выход, давая понять, что больше не задерживает ее.

Саша взяла увесистую папку и вышла из кабинета. В голове на все лады звучало слово «прислуга». Метельский умудрился вложить столько уничижения в это определение, что девушке

захотелось кинуть документы куда подальше и исчезнуть из этого дома прямо сейчас.

Но… нельзя. Слишком хорошо платили за унизительное звание, слишком нужны были эти деньги Александре…

До вечера она успела просмотреть документы. Ну, что сказать? Контракт устраивал ее полностью. Щедрая оплата, страховка, соцпакет, два выходных в месяц — любые дни, на усмотрение начальства, — премии на праздники… Просто сказка. Причем, как поняла Саша, это был стандартный договор рядового сотрудника корпорации «Трансарт». А, вот, со вторым документом было не все так гладко. Помимо подписки о неразглашении, от нее, так же, требовалось подчинение корпоративной этике. А уж там было столько пунктов…

Саша догадалась, почему среди охранников царит железная дисциплина. Если они подписали подобный контракт, то, удивляться их поведению не стоит — беспрекословное послушание начальству прописывалось в первых строках этого документа.

Повздыхав и подумав, Александра поставила свою подпись на каждом листе. Ладно, всего-то год потерпеть! Зато, денег накопит. А потом, найдет нормальную работу и забудет об этой вехе в своей биографии!

Вечером она отнесла подписанные бумаги Метельскому, и, после небольшого инструктажа, вышла из его кабинета полноправной работницей корпорации «Трансарт».

Глава 5

— Тоша, отдай сейчас же! — Александра пыталась забрать у щенка щетку для обуви. Как уж он умудрился открыть шкаф и стащить оттуда лохматую «игрушку» оставалось загадкой. Тошка смешно рычал, но добычу не отдавал.

— Тоша, фу! Брось гадость! — девушка безуспешно уговаривала упрямца.

Куда там! Волчонок вошел во вкус и понял, что игра с хозяйкой гораздо интереснее, чем добытый трофей. Теперь, он, и подавно, не бросит интересную пушистую штуку!

— Развлекаетесь? — раздался ироничный вопрос. Метельский, спускаясь по лестнице, неторопливо осматривал поле битвы.

Саша замерла рядом с Тохой, а тот, выпустив щетку, быстренько юркнул за хозяйку и, уже оттуда, настороженно поглядывал на мужчину.

— Простите, мы не нарочно, — попыталась оправдаться девушка, — я сейчас все уберу.

Последние клочки выдернутой из щетки щетины оседали на натертом до блеска полу.

— Еще раз увижу подобное — накажу вашего зверя, — лениво процедил Метельский.

— Простите, — еще раз извинилась Саша и подхватила Тошку на руки. Волчонок прижался к ней, и девушка почувствовала, как быстро бьется его маленькое сердечко. Интересно, он-то как понял, что ему грозит?

Алексей Николаевич кинул взгляд на часы и заторопился к выходу, на ходу доставая телефон.

— Да, Константин, уже еду. Пусть подождут. Передай, чтобы без меня не начинали, — быстро говорил он в трубку.

Дверь, с громким стуком, закрылась за начальником, и Саша облегченно выдохнула. Пронесло…

Время до вечера тянулось медленно. Девушка переделала всю обычную работу, приготовила на завтра обед, а унылые сумерки все никак не желали переходить в темноту ночи.

Сегодня Александре повезло — Метельский забрал с собой четверых охранников, оставив в усадьбе только Игоря и Николая, и ужин отпал за ненадобностью. Оставшиеся мужчины прихватили с собой на дежурство бутерброды и ушли в сторожку, а девушка осталась в доме, решая, на что потратить неожиданно образовавшееся свободное время. Хотя, что тут решать? Уютное кресло у окна, теплый плед и интересная книга — что может быть

лучше прохладным весенним вечером?

Тошка уютно устроился в ногах у хозяйки и прикрыл глаза.

Тишину комнаты нарушали лишь шорох перелистываемых страниц, да тихое дыхание волчонка.

Саша погрузилась в роман и не замечала ничего вокруг. Скрип двери заставил Тоху настороженно приподняться, правда, он тут же расслабленно улегся обратно, увидев вальяжно шествующую Анфису. Рыжуха, с гордым видом, вспрыгнула на подоконник и свернулась клубком. Вся компания оказалась в сборе — кошка, хоть и демонстрировала свою независимость, но не любила надолго оставаться вдали от хозяйки.

Тихий вечер плавно перешел в ночь, а Саша так и сидела в кресле, листая затрепанный томик. Рядом тихонько сопел Тошка, Анфиса лениво поглядывала на хозяйку, за окном шелестел легкий весенний дождь. Мерный стук капель убаюкивал, и Александра сама не заметила, как задремала.

Разбудил Сашу шум, доносящийся с кухни. Решив, что это кто-то из охранников пришел за едой, девушка отправилась посмотреть, не нужна ли ее помощь. Тоха встряхнулся и неторопливо потрусил за хозяйкой — куда ж она, без его-то охраны?

На кухне горел свет. Дверцы шкафов были открыты, буфет тоже оказался распахнут настежь, а за столом сидел незнакомый, офигительно-красивый мужчина и преспокойненько поглощал приготовленные на завтра обед и ужин. И заготовки для завтрака.

Саша, вместо того, чтобы испугаться, возмутилась такому произволу. Это что же получается?! Она весь день готовила, а какой-то тип забрался в дом, и, с отменным аппетитом, уничтожает ее труды?!

— Вы как здесь оказались? — рассерженно уставившись на мужчину, спросила Александра. Невозмутимая физиономия красавчика вызывала в ней неконтролируемое желание вцепиться в нее ногтями. — Кто позволил вам взять еду?

Незнакомец поперхнулся и изумленно уставился на девушку.

— Ты кто такая? — прожевав, поинтересовался он.

— Не ваше дело, я тут живу. А, вот, как вы сюда забрались, еще надо разобраться! — наступала Саша. Она не заметила, что подошла слишком близко к незваному гостю, не увидела, что тому достаточно протянуть руку, чтобы дотронуться до нее, не поняла, как рискует… нет… Все это пришло позже. А сейчас, она смотрела на незнакомца и гневно отмечала, сколько еды исчезло в его прожорливом желудке и сколько пустых тарелок громоздится вокруг. Судочки с салатами, жаркое в глубоком горшочке, блюда с буженины и мясным рулетом, креманки с

английским десертом… — все это пало жертвой проглотистого незнакомца, и о первоначальном виде выставленной на скатерти посуды напоминали лишь жалкие остатки былого великолепия. Да, отсутствием аппетита товарищ не страдал: содержимое холодильника оказалось уничтоженным полностью, и ее сегодняшние труды пропали даром — эта наглая морда умудрилась съесть все, даже не до конца застывшее желе! Саше стало обидно. Ну, почему?.. Почему единственный свободный вечер принес такие проблемы?.. Отдохнула, называется… А потом, она пристально всмотрелась в неприятного красавчика и замерла. Минута, другая… и, постепенно, Александра сникла под прохладной улыбкой сидящего напротив мужчины и попятилась назад. Запал прошел, включилось чувство самосохранения и до нее медленно дошло… Ночь. Тишина. Одинокая усадьба. И беззащитная девушка в обществе незнакомца… «Мама…»

— Так, и я здесь живу, — спокойно проговорил мужчина и, кивнув на Тошку, спросил: — твой?

Александра не ответила. Она судорожно нащупала в кармане телефон и, вытащив его дрожащими руками, набрала номер Игоря, молясь, про себя, чтобы охранник отозвался. «Ну, давай же, возьми трубку…»

Незнакомец усмехнулся, наблюдая за эмоциями, отражающимися на лице девушки, поднялся из-за стола и неторопливо направился к волчонку. Вальяжный, уверенный, знающий себе цену… Он смотрел на щенка и как-то странно улыбался, пугая Сашу блеском холодных глаз, а девушка, словно завороженная, не могла сдвинуться с места. «Все. Доигралась… Уже невесть что мерещится…»

Тошка, забившись в угол, испуганно наблюдал за приближающимся мужчиной и загнанно дышал. Волчонок съежился, шерсть на его загривке встала дыбом, а потом, неожиданно для Саши, щенок тонко и тоскливо заскулил. Вой Тохи вышел тихим и каким-то обреченным, и Саша, не в силах слушать жалобные звуки, отключила телефон и сорвалась с места.

— Не трогайте! — крикнула она, закрывая собой питомца. Мобильный выскользнул у нее из рук и оказался под столом.

— Отойди, — властно приказал незнакомец.

— Нет, — помотала головой девушка.

— Я сказал — в сторону. Или пожалеешь.

Саша не отошла. Она подхватила Тошку на руки и с вызовом посмотрела на мужчину. «Не подходите» — предупреждал ее настороженный взгляд. Правда, внутри у девушки все сжалось, и мелкая, противная дрожь незаметно охватила ставшее

непослушным тело, но Александра не сдавалась. «Страшно… Господи, как страшно…»

Звонок сотового разрушил напряженную тишину кухни — «Игорь…» Девушка отчаянно смотрела на горящий синим экран, но не могла дотянуться до него. «Боже, хоть бы охранник догадался зайти в дом… Если он не успеет… Что она делает? Дура… Бежать надо…» — эти мысли вихрем проносились в голове Саши, но ноги отказывались двигаться с места, и единственное, на что ее сейчас хватало, так это уверенно смотреть на незваного гостя и молиться, чтобы не случилось ничего плохого. «Я справлюсь. Все будет хорошо. Он меня не тронет…» — словно заклинание, повторяла Александра. Мужчина нависал над ней, подавляя ростом и властной силой, а девушка прижимала к себе Тошку и надеялась на чудо.

Звенящую тишину нарушил чуть слышный звук шагов, и Александра с облегчением увидела входящих на кухню Игоря и Николая.

— Саш, что у тебя случилось? Почему на звонки не отвечаешь? — спросил старший охранник и тут же попятился.

— Глеб Александрович, простите, — Игорь побледнел и взволнованно уставился на незнакомца, — мы не хотели мешать.

Саша недоуменно перевела взгляд с одного мужчины на другого, увидела попытавшегося скрыться Николая и тут до нее дошло.

— Глеб Александрович… — неуверенно протянула она, — Игорь, это что, и есть тот самый хозяин?

Девушка умоляюще смотрела на охранника, надеясь, что ошиблась.

Игорь кивнул.

— О, нет, — прошептала Саша и опустилась на стул. Ноги совершенно отказывались ее держать, подведя в самый неподходящий момент. Тошка плотнее прижался к хозяйке и тоскливо заскулил.

— О, да, — издевательски передразнил ее «тот самый хозяин», — а вы, стало быть, и есть та самая — выделил он голосом, — новая домработница?

— Да, — кивнула девушка, — была.

— А почему в прошедшем времени? — поинтересовался мужчина.

— Думаю, вы меня уволите, — тихо ответила Саша, — после такого-то…

— А что «такого-то» произошло? Еда неплохая, в доме, вроде бы, тоже порядок… А в остальном… Посмотрим. Вот, кстати, прямо сейчас можете приступать к своей работе — подготовьте

мою спальню. А вы — свободны, — обернулся он к охранникам.

Саша торопливо подобрала Тошку, повисшего безвольной тряпочкой в ее руках, и поспешила ретироваться вслед за мужчинами. Ее запоздало трясло от пережитого страха.

Занеся волчонка в свою комнату, Саша опрометью кинулась наверх. В хозяйской спальне она перестелила постель, задернула шторы, повесила в ванной свежие полотенца, внимательно огляделась и быстренько захлопнула за собой дверь. Все. Успела. Незаметно прошмыгнув к себе, девушка, наконец-то, перевела дух. Руки продолжали мелко подрагивать, внутри все тряслось и тяжелое, давящее чувство чужого присутствия не отпускало ни на секунду. Да, уж, приезд хозяина она запомнит надолго…

Тошка грустно смотрел на нее из угла, куда забился, стоило ему попасть в комнату, и тихо, жалобно подвывал. Этот вой проникал Саше в самое сердце.

— Тошенька, родной… Ну, что с тобой? Все хорошо, малыш, чего ты так испугался? — девушка присела на корточки, прижала волчонка к себе и успокаивающе погладила дрожащее тельце.

— Если он не прекратит выть — выкину из дома, — раздался голос у нее за спиной.

Саша медленно повернулась.

У двери, лениво привалившись к стене, стоял Глеб Александрович Оборский, собственной персоной.

— А знаете что? — распрямилась девушка. — Выкидывайте. И меня вместе с ним. Я сейчас соберу вещи, и мы уйдем. Лучше уж в лесу ночевать, чем с вами в одном доме.

Саша подошла к шкафу и принялась выкладывать свои нехитрые пожитки. Она торопилась, руки не слушались, но девушка упрямо собирала сумку. Объявившийся хозяин усадьбы вызывал у нее неконтролируемое раздражение.

Мужчина молча наблюдал за Александрой.

Собравшись, Саша подхватила Тошку, все еще пребывающего в странной тоске, и направилась к двери.

Выход преградил владелец дома.

— Далеко собралась? — тягуче произнес он.

— Домой, — кратко ответила девушка.

— Я тебя не отпускал.

— Мне это и не нужно, — удивленно подняла на него глаза Саша, — я свободный человек.

— Уже нет, — лениво процедил Глеб Александрович.

Александра вопросительно уставилась на мужчину.

— Контракт, — коротко пояснил он, — ты не можешь расторгнуть его в одностороннем порядке, если не хочешь выплачивать неустойку.

Саше поплохело. Это как же она не заметила такой пункт в договоре?! Ведь все прочитала, и не один раз! Вот, идиотка!

— Вижу, ты все поняла, — усмехнулся Оборский, — ну, и славно. Будь добра, положи вещи на место и постарайся быть умницей. Дай сюда своего зверя.

— Пожалуйста, не трогайте Тошку, — взмолилась Александра, — он сейчас замолчит… Он успокоится и больше не будет вам мешать.

Девушка прижала к себе волчонка и умоляюще посмотрела на мужчину.

— Вот, дура, — ругнулся Оборский, — не собираюсь я его обижать. Ладно, пусть сидит у тебя на руках, только, постарайся не двигаться.

Мужчина наклонился к Тошке и пару минут пристально смотрел ему в глаза. А потом, улыбнулся и потрепал волчонка за ухом.

Саша удивленно застыла. Улыбка преобразила Глеба Александровича до неузнаваемости. Жесткое, волевое лицо смягчилось, в уголках глаз появились добрые морщинки…

Девушка засмотрелась на Оборского, но тут ее внимание привлек Тошка. Он вывернулся в руках Александры и потянулся к хозяину усадьбы. Ее дикий волчонок, ее Тоха, который никого не подпускал к себе близко, ластился к Глебу, выпрашивая ласку. Чудеса…Саша взглянула на мужчину и наткнулась на его напряженный взгляд. Девушка задержала дыхание.

Казалось, глаза Оборского обжигают, обдавая расплавленным металлом. Александра невольно поежилась. Ей стало страшно, но она была не в силах отвернуться.

Горячая лава вынуждала ее смириться, забыть обо всем, подчиниться стоящему напротив мужчине…

Нет… Саша не сдалась. Она не имела права поддаваться на подобное принуждение. Ее нельзя было сломать так легко.

Девушка с вызовом смотрела в глаза Глеба Александровича и не собиралась отводить взгляд.

— Завтра в восемь принесешь мне завтрак, — прервал затянувшееся молчание Оборский.

Саша кивнула, а мужчина, еще раз окинув ее взглядом, вышел из комнаты.

Девушка в изнеможении опустилась на кровать. Ну, и денек… Александра с усилием сжала виски.

Голова просто раскалывалась.

А, вот, Тошка чувствовал себя отлично. Он заметно повеселел и теперь прыгал вокруг Саши, пытаясь привлечь внимание.

— Да, уж, Тоха, влипли мы с тобой, — задумчиво протянула

девушка, — называется — встретили хозяина…

Она вздохнула и направилась на кухню — устранять последствия стихийного бедствия под названием «незапланированный ужин господина Оборского»

Глава 6

Утро следующего дня началось для Саши гораздо раньше обычного. После краткого осмотра оставшихся в холодильнике запасов, девушка пришла к неутешительному выводу — вчера, по всей видимости, здесь отужинала целая компания голодных мужчин. Ну, это если судить по количеству съеденного.

«И куда в него столько влезло?» — удивленно размышляла Александра, вспоминая подтянутую, спортивную фигуру хозяина.

Саша машинально чистила овощи, а сама продолжала думать о неожиданно приехавшем владельце усадьбы. И о своей глупости, вышедшей боком — вчера ночью, еще раз внимательно просмотрев копию контракта, она увидела мелкую строку об условии досрочного расторжения договора. В тот день, вымотанная и разобиженная на Метельского, она не вникла в мелкий шрифт до конца — смотрела, а строчки расплывались перед глазами, и вот теперь, расплачивается за свою невнимательность. Хотя, с другой стороны, куда бы она делась, все равно бы подписала. Выбора-то особо и не было… Ну, что теперь делать… Придется как-то выкручиваться…

Александра уже поняла, что прежняя размеренная жизнь закончилась. И это ее пугало. И не только это. Ночью, ворочаясь без сна в своей постели, она не могла избавиться от образа темноволосого мужчины — ей мерещились глаза цвета расплавленного янтаря, четко очерченные губы, мягкая ямочка на подбородке…

Взглянув на часы, Саша заторопилась — не в ее интересах опаздывать. Ровно в восемь, она постучала в дверь спальни Оборского. Раз, другой, третий… Тишина. На ее стук никто не откликался. Александра тихонько приоткрыла дверь и вошла. В комнате царил полумрак, шторы были задернуты, на смятой постели лежал шелковый халат, а из-за двери ванной доносился шум воды. Девушка поставила поднос на прикроватный столик и уже собралась уходить, но тут, как назло, открылась дверь ванной, и на пороге появился хозяин.

Глеб Александрович был обнажен, лишь небольшое полотенце прикрывало бедра. Саша невольно застыла, разглядывая сильное мускулистое тело, с капельками воды на ровной, загорелой коже.

— Нравится? — услышала она издевательский вопрос Оборского.

— Простите, — Александра повернулась, чтобы уйти.

— Ты не ответила на вопрос, — лениво протянул мужчина, —

и я тебя не отпускал. Так что — нравится?

— Думаю, вы и сами знаете, что довольно привлекательны, — спокойно произнесла девушка.

— Я-то знаю. Но ты так и не ответила, — продолжил Глеб Александрович.

— Нет, не нравится, — выпалила Саша, — теперь я могу идти?

В комнате воцарилась тишина. Через несколько томительных минут раздался резкий вопрос:

— Почему ты не в форме?

Александра удивленно посмотрела на мужчину.

— Я спрашиваю, почему ты не в униформе? — в голосе хозяина послышались злые нотки.

— У меня ее нет, — ровно ответила Саша.

— Можешь идти, — резко бросил Оборский, беря с комода телефон. Закрывая за собой дверь, Александра услышала властный голос мужчины:

— Алекс, почему домработница ходит по дому в каких-то лохмотьях?

Вспыхнув от унижения, девушка поторопилась спуститься вниз. Никакие на ней не лохмотья, а вполне приличная одежда. Вот же…

На кухне она перевела дух и постаралась успокоиться. Теперь Саша понимала, о чем предупреждал ее Метельский, наказывая не спорить с хозяином. Никаких сил не хватит пререкаться с Оборским. Тяжелая, мощная волна, исходящая от мужчины, заставляла беспрекословно подчиняться ему, не пытаясь противоречить. И то, что Саша отстаивала свое мнение, обходилось ей очень дорого. Даже спустя полчаса после разговора, она никак не могла успокоить бешено колотящееся сердце…

Девушка привычно готовила обед, когда услышала короткий приказ:

— Прибери в моей комнате, там осталась грязная посуда, — Оборский стоял в дверях кухни и холодно смотрел на свою домработницу.

Саша, ставившая пирог в духовку, испуганно вздрогнула. Да, что ж такое-то?! Как они все умудряются настолько неслышно передвигаться?

Медленно распрямившись и закрыв дверцу духовки, Александра послушно отправилась выполнять указание хозяина. Но ее покорность была лишь внешней, внутри — все просто кипело от негодования. «Надо же было так вляпаться?! А она-то, дура, радовалась, что нашла хорошую работу… Как продержаться

рядом с подобным типом целый год, если и полдня кажутся вечностью?»

Молниеносно прибравшись в хозяйской спальне, девушка поняла, что придется пересматривать распорядок дня. Размеренная прежде жизнь терпела катастрофические перемены, и Саша оказалась к ним абсолютно не готова. Ну, да, делать нечего, придется подстраиваться под изменившиеся обстоятельства. Что же, не впервой…

Пытаясь избавиться от грустных мыслей, девушка переключилась на приготовление еды. Руки привычно порхали над плитой, помешивая, добавляя ингредиенты и специи, убавляя огонь и переставляя кастрюли. Не помогло. Мысли никуда не делись…

— Саш, ты чего возишься, где обед? — Александра вздрогнула, услышав голос Игоря. Обернувшись, она увидела входящих на кухню охранников.

— Сейчас, — девушка принялась накрывать на стол, — вы рассаживайтесь пока, я быстро.

Саша ловко расставила тарелки, выставила супницу, поставила в центр стола свежеиспеченный мясной пирог и салат.

Пока мужчины уничтожали еду, она, из-под ресниц, рассматривала собравшееся за столом общество. Сегодня парни были еще более молчаливы, чем обычно. И ни один не поднял на нее глаз. Да… Видимо, все уже знали, какую встречу она вчера устроила хозяину…

Слово «хозяин» Саша произносила теперь про себя не иначе, как с интонацией Горлума из любимого фильма.

А ближе к вечеру, в доме появился Метельский и привез ее новую униформу — два темно-синих платья и туфли на небольшом каблуке. Когда Саша увидела это «обмундирование», то упрямо сжала губы.

— Что-то не так? — поинтересовался Алексей Николаевич.

— Платья слишком короткие, — ответила Александра.

— Ничем не могу помочь, это стандартная форма. Так, что, иди, переодевайся.

Мужчина был спокоен, но Саша видела, что спорить нет смысла — все равно будет так, как он сказал.

Обреченно вздохнув, девушка взяла коробку с обувью и плечики с одеждой и отправилась к себе. Сняв блузку и длинную юбку, Александра натянула новую форму и подошла к зеркалу. Ну, что сказать?.. Отражение слишком сильно напомнило Саше ту девушку, какой она была когда-то — короткое приталенное платье подчеркнуло фигуру, обнажило стройные ножки, оттенило глаза и заставило рыжую косу засверкать золотыми искрами. Да,

раньше Александра любила глубокий синий цвет. Он выявлял все ее достоинства. А теперь, девушке хотелось спрятать все то, что оказалось на виду — и нежный цвет лица, и васильковые глаза, и соблазнительную фигуру… Саша судорожно вздохнула и отвернулась от своего отражения. Главное — не вспоминать…

Она вернулась на кухню и удостоилась одобрительно-задумчивого взгляда Метельского.

— Ужин накроешь в столовой, — распорядился он, — и постарайся больше не злить Глеба Александровича.

— А у него есть повод на меня злиться? — не удержавшись, уточнила девушка.

— Зря ты показываешь характер, он этого не любит, — негромко проговорил начальник, — помни свое место, Саша. Ты здесь для того, чтобы убирать и готовить, а не для того, чтобы портить настроение хозяину. Да, и еще. С этого дня будешь готовить только для Глеба Александровича.

— А как же охранники?

— У них в доме есть кухня, будут дежурить по очереди, как раньше. Ну, можешь завтраками их кормить, это не особо обременительно.

— А…

— Так, Саша, хватит вопросов. Запомни главное — ты должна делать все, чтобы Глеб Александрович был доволен. Остальное — не твоя забота. И постарайся больше не перечить.

Мужчина вышел, а Александра расстроенно посмотрела ему вслед. Ну, не виновата она, что с самого начала все пошло не так! И как не злить Оборского, если он сам ее цепляет? Может, правда, в Горлума превратиться? «Хозяин хороший…Хозяин заботится о нас…» Девушка фыркнула, представив эту картину, и ей стало легче. Ничего, она привыкнет. Главное, постараться поменьше попадаться Глебу на глаза, а там, глядишь, он и сам перестанет ее замечать.

Успокоенная этими мыслями Саша отправилась накрывать на стол. После того, как столовая была приведена порядок, здесь стало очень уютно. Красивые горки с посудой, дубовые панели по стенам, небольшой камин с изящной решеткой, картины, причем, среди них несколько подлинников голландских мастеров — все это девушка отчистила и отмыла, и комната заиграла новыми красками.

На льняной скатерти не было ни складочки. «Безупречная обстановка для безупречного хозяина» — Саша смешливо фыркнула и принялась расставлять посуду и закуски. Она едва-едва успела закончить сервировку, как в столовую вошли мужчины. Н-да… Дорогие костюмы, белоснежные рубашки, на

манжетах сверкают драгоценные запонки… — все выглядело так, будто хозяин с другом собрались на званый ужин.

— Ты помнишь Ясенева? Он звонил на днях по поводу… — Оборский не договорил и на мгновение остановился, глядя на Сашу. Непонятное выражение проскользнуло в его глазах, но тут же сменилось на обычное, равнодушное.

— Александра, чтобы больше я твоих балахонов не видел. С этого дня, ходишь только в форме. Понятно? — строго спросил он.

Саша кивнула и вышла, стараясь не поднимать глаз. Лучше уж молчать, пока опять чего-нибудь не ляпнула. Ей тяжело давалась подобная покорность, но, что делать?

— Так вот, по Ясеневу. Разберись с поставщиками, там явно что-то неладно. Он жаловался, что грузоперевозки уменьшились вдвое…

Мужчины углубились в разговор, не обращая внимания на Александру. А та была и рада этому. Она незаметно прислуживала за столом и с нетерпением ждала окончания ужина.

Уже поздно вечером, возвращаясь в свою комнату, девушка услышала доносящийся из приоткрытой двери гостиной разговор. Метельский хвалил домработницу и рассказывал Глебу, скольких кандидаток пришлось отвергнуть, прежде чем попалась подходящая.

— А почему из наших никто не захотел? — недовольно спросил Оборский.

— Издеваешься? Это ниже их достоинства. За такую работу ни одна барышня не возьмется, а замужних, и подавно, никто не отпустит.

— Да, изменились времена, — протянул хозяин, — раньше за честь считали, а сейчас… Ладно, когда Рональд приедет? Ты уже обговорил все детали?..

Разговор свернул на неизвестных Саше людей, и она быстренько ретировалась к себе, пока никто не обнаружил ее под дверью гостиной.

Ночью, лежа без сна и прижимая к себе Тошку, Александра пыталась отогнать подальше мысли о будущем. И об Оборском. Слишком сложно давалось девушке общение с хозяином, слишком много эмоций пробуждал он в своей прислуге. Стоило Саше закрыть глаза, как перед ней появлялось лицо Глеба. Высокий лоб, красиво вылепленные скулы, четко очерченные губы, жесткие черные волосы… И холод в янтарных глазах… Поежившись, Александра покрепче прижала к себе волчонка и уткнулась в его теплую шерстку.

Глеб задумчиво смотрел на горящие дрова. Бом, бом, бом… Старинные часы гулко пробили три раза. Дом, погруженный в сонную тишину, давно уже спал, и лишь его хозяин не торопился покинуть гостеприимное кресло в гостиной. Ночь. Время, когда из дальних уголков памяти прорываются забытые воспоминания и желания, когда навсегда ушедшие лица вновь обретают реальные черты, когда прошлое сплетается с настоящим и шепчет: — «Будь с нами, мы рядом, мы ждем…».

Темноту комнаты рассеивали лишь неяркие всполохи камина, да безжизненный свет луны. Тихий треск рассыпающихся от жара поленьев и искры, падающие на каменную плиту перед огромным зевом очага, умиротворяюще действовали на сидящего в кресле мужчину. Он прикрыл глаза и погрузился в воспоминания.

Большая зала сверкает огнями, звуки женского смеха сливаются с гулом мужских голосов, веера, эполеты, летящие платья… — все мешается в танце, кружится, пролетает мимо… А потом, расплывается и исчезает, оставляя после себя дым пожарищ, ржание коней, пыль дорог и топот копыт…Ростов, Екатеринодар, бескрайние станицы… отступление и беженцы… А дальше — Севастополь, месиво тел на причале, гудки кораблей, тревожный шум и крики раненных… Страшная пульсирующая боль в кровоточащей ране…

Глеб поморщился, ощутив отголоски той боли. И тут же, перед ним возник другой образ, виденный не так давно. Неброская красота и врожденное благородство…

…Войдя в столовую сегодня вечером, он на миг запнулся. Саша, в красивом атласном платье, с диадемой в изящно уложенных волосах, улыбалась ему, нежно и чувственно. Тонкая рука в светлой перчатке прикасалась к низкому вырезу на груди, поправляя скользнувшую туда подвеску. Выразительные глаза, смеясь и поддразнивая, скрывали в своей глубине тайну и обещание… Легкий цветочный аромат кружил голову, заставляя забыть обо всем… Оборский потянулся к дивному видению, но…

Оно исчезло, уступив место реальности, в которой домработница, в синем форменном платье, торопливо накрывала на стол, не поднимая глаз на вошедших в столовую мужчин.

Девушка поставила последнее блюдо и выскользнула из комнаты, оставив разочарованного Глеба досадовать на свое странное воображение.

И сейчас, сидя перед потухшим камином, Оборский дивился причудам неуемной фантазии. Привидится же такое…

Глава 7

Весь следующий день Саша провела на кухне — вечером в усадьбу должны были приехать гости, и девушка торопилась приготовить ужин на десять персон. Она немного волновалась, но надеялась, что все будет хорошо. По крайней мере, ей хотелось в это верить.

К семи часам, к парадному входу стали подъезжать машины. Компания приезжих оказалась сугубо мужской. Импозантные гости, оставив охрану во дворе, проходили в дом, здоровались с хозяином и направлялись в гостиную. Судя по всему, расположение комнат им было хорошо знакомо. Оборский встречал прибывающих в холле, а Саша торопилась расставить на столе закуски, впервые сожалея, что у нее нет помощников.

— Глеб Александрович, дорогой, как же давно мы не виделись! — громкий баритон разнесся по особняку гулким эхом.

— Арам Тигранович, рад видеть вас в своем доме, — услышала Александра голос Оборского.

— Да-да, я помню эту усадьбу. Здесь ничего не изменилось, — пророкотал его собеседник, — все так же красиво и уединенно…

За последним гостем захлопнулись двери гостиной, и Саше только и оставалось, что дожидаться начала ужина. Она нервничала, в волнении расхаживая по кухне. Хоть бы, все прошло хорошо!

А потом, время понеслось с бешеной скоростью. Девушка едва успевала разносить блюда, менять посуду, выставлять на стол напитки…

Гости не обращали на нее внимания. Разговор велся, в основном, на английском, что удивило Александру и заставило присмотреться к сотрапезникам повнимательнее. Странное общество… Вальяжные, уверенные в себе, богатые и успешные. В их глазах сквозили непонятные ей эмоции. Саша не могла определить, к какой категории отнести этих людей. На большинство современных нуворишей они не были похожи, хотя, чувствовалось, что сидящие за столом мужчины занимают не последнее место в обществе — они, прямо-таки, излучали ауру уверенности и власти. И, тем не менее… Было в гостях нечто, что отличало их от современного «бомонда». Какой-то врожденный аристократизм, что ли…

Пили мужчины весьма умеренно, ели с аппетитом, но без обжорства. Саша терялась в догадках — кто эти люди?

На нее никто не смотрел. Вот, будто, она пустое место.

Лишь однажды, девушка поймала на себе взгляд высокого блондина, сидящего по правую руку от Оборского.

— Глеб, где ты нашел такой цветочек? — глядя на Александру, спросил он у хозяина по-французски.

— Все вопросы к Алексу. Это он занимается подбором персонала, — усмехнулся Глеб Александрович, разделывая цыпленка.

— Не одолжишь мне ее на месяц? — продолжал спрашивать гость, лаская взглядом Сашину фигуру.

А девушка, в этот момент, старалась не показать, что понимает, о чем идет речь и, с замиранием сердца, ждала ответа Оборского. Он не может так поступить с ней!..

— Прости, Рон, но я привык к ее стряпне, поэтому не горю желанием расставаться со своей прислугой. А женщину мы тебя организуем. Любую, на выбор, да, Алекс? — обратился он к своему заму. Метельский кивнул.

— Жаль, — покачал головой блондин, — есть в твоей служанке что-то такое… — он сделал неопределенный жест рукой и добавил: — Ну, да, ладно, если ты так ее ценишь…

Кто-то из гостей окликнул Оборского, и тот отвлекся от разговора с Роном, а Саша поторопилась выйти из столовой.

Вот, она — та часть работы, о которой девушка не подумала, устраиваясь на место домработницы. Ей и в голову не приходило, что зависимое положение прислуги вызывает у мужчин определенные мысли и желания. А теперь, поздно метаться. Надо постараться продержаться отведенный срок и забыть об этом способе заработка раз и навсегда.

Александра тряхнула головой и отодвинула неприятные мысли подальше.

Гости разъехались за полночь. Уставшая домработница добросовестно навела порядок и, наконец-то, отправилась к себе. Девушка думала, что стоит только дойти до кровати, как она моментально провалится в сон, но… Час шел за часом, а Саша не могла уснуть. Перед глазами стояли равнодушные глаза Оборского, его усмешка, небрежные жесты сильных рук… Александра почувствовала, как внутри все замерло, а потом, странный жар стал охватывать ее тело, проникая все глубже, заставляя гореть и плавиться от непонятного желания, скручивая сладкой болью… Саша соскочила с постели, нечаянно разбудив Тошку, и бросилась в ванную. Умывшись холодной водой, девушка уставилась на себя в зеркало. Ну, и видок! Щеки полыхают румянцем, глаза лихорадочно блестят, губы припухли… Александра не понимала, что с ней происходит. Тело плавилось, по венам бежала раскаленная лава вместо крови…

Саша застонала и опустилась на холодный пол. Ей было и хорошо, и плохо одновременно…

Полночи она боролась с собой и, лишь под утро, провалилась в вязкий сон, который совсем не принес ей облегчения. Странные картины преследовали девушку — она видела особняк, но он выглядел иначе, чем обычно. Высокие клены окружали лужайку позади дома, липовая аллея шелестела молодой листвой, фронтон особняка был выкрашен светло-зеленой краской, и белые колонны ярко выделялись на его фоне.

Саша шла по дому и заглядывала в знакомые комнаты в непривычном антураже. Вот, гостиная, с нежно-голубым шелком на стенах, картинами Эдуарда Мане и плотными гардинами на окнах. А дальше — столовая. Длинный стол, сидящие за ним люди в старинной одежде, звон бокалов, французская речь… Один из обедающих поворачивается в ее сторону, и Саша видит точную копию своего хозяина. Он что-то говорит стоящей рядом горничной в белой наколке, и та, присев в каком-то подобии книксена, торопится выйти из комнаты. Александра идет вслед за девушкой и оказывается на своей кухне. Ну, точнее, не совсем своей. Толстая румяная женщина покрикивает на суетящихся вокруг молоденьких девчонок, на большой печи исходит ароматным паром готовящаяся еда, а на месте привычного холодильника, стоит огромный буфет. Саша неверяще смотрит на знакомо-незнакомое помещение, пытается дотронуться до разделочного стола и потрогать лежащий на нем нож, как вдруг слышит отдаленный звон. Он становится все громче, неизбежнее, неотвязнее…

Александра с трудом разлепила глаза и недовольно скривилась — будильник.

Застонав, девушка дотянулась до надоедливого «аппарата», от всей души ударила рукой по западающей кнопке, и поднялась с постели. Тело было непослушным и чужим. Кое-как приведя себя в порядок, Саша натянула форменное платье и поморщилась. Кожа неприятно горела, каждое движение доставляло неудобство. «Ну, точно — утро добрым не бывает» — думала она, идя на кухню.

Привычная обстановка напомнила ей о странном сне. Привидится же такое!

Охранники за завтраком изредка бросали на нее любопытные взгляды, и тут же отводили глаза. Александра не понимала, чем привлекла их внимание. Сегодня, мужчины казались какими-то взбудораженными — они громче, чем обычно вели себя за столом, спорили, а Николай даже умудрился высказать комплимент ее стряпне. Чудеса!

Метельский, зайдя на кухню, запнулся на пороге, зачем-то глубоко втянул воздух и замер. А потом, витиевато выругался и подошел к Саше.

— За мной. Быстро, — коротко приказал он.

Девушка покорно пошла за ним следом, не переставая удивляться бесконечным странностям. Заведя ее в гостиную, Алексей Николаевич закрыл дверь и тихо спросил:

— У тебя есть мужчина?

Саша поперхнулась.

— Что? — удивленно переспросила она.

— Я спрашиваю, есть у тебя кто-нибудь? — нетерпеливо пояснил Метельский.

— По-моему, вас это не касается, — тихо, но решительно ответила Александра.

— Ошибаешься, — мягко поправил ее начальник, — ты должна мне сказать, это в твоих же интересах.

— Нет у меня никого, — вспыхнула девушка.

В комнате повисла тишина.

— Так, слушай внимательно, — Метельский серьезно смотрел на домработницу, — сейчас ты быстренько готовишь еду, накрываешь в столовой обед, и мы с тобой едем в город.

— Зачем? — недоуменно спросила Саша.

— Все потом, — отмахнулся от нее начальник, — накорми свой зверинец, мы вернемся поздно. Завтрак Глебу Александровичу я отнесу сам, а ты с кухни — ни ногой, пока я не приду. Поняла?

Девушка растерянно кивнула. Алексей Николаевич не дал ей времени на раздумья. Просто, подтолкнул к выходу и велел поторопиться.

Через час они покинули дом, а вернулись только поздно вечером. Саша так и не поняла, чем была вызвана эта поездка. Метельский не захотел отвечать на ее вопросы. Целый день они мотались по городу из одного торгового центра в другой, закупили кучу продуктов и хозяйственных мелочей, весь вечер убили в отделе тканей, выбирая новые портьеры сразу для нескольких комнат, но Саша понимала, что начальник просто тянет время. Не было великой необходимости в сегодняшней поездке. Да, и никогда еще Метельский не возил ее по магазинам лично. Для этого был Игорь. А тут… Не нравилось Александре все происходящее. От нее что-то скрывали, а быть дурой, Саше ой, как не хотелось. Нет, она, конечно же, пыталась расспросить Алекса, как мысленно называла начальника, обо всем происходящем, но тот очень натурально делал вид, что не понимает, о чем идет речь. Вот, так и проездили они до ночи

непонятно зачем. Лишь когда Саша окончательно выдохлась, Метельский удовлетворенно заметил, что пора возвращаться домой. Сам он был бодр и свеж, как будто и не провел целый день в многолюдных моллах.

А утром следующего дня, начальник, чуть свет, поднял Сашу на пробежку. Просто зашел бесцеремонно в ее комнату, раздвинул шторы, впустив в комнату первые робкие лучи, и кинул на кровать спортивный костюм.

— Через пять минут жду тебя во дворе, — бросил он удивленной девушке и вышел.

Саша недоуменно покосилась на яркую форму и перевела взгляд на часы. Полпятого… Она застонала и зарылась в подушку. Ну, что за невезуха!

Через пять минут, сонная и недовольная девушка, поеживаясь от утренней свежести, стояла на крыльце.

Метельский ждал ее и, приглашающе кивнув в сторону леса, сорвался на бег. Александра неохотно последовала за ним. Почти до шести утра они колесили по округе. Алексей Николаевич держал ровный темп, и, постепенно, Саша не только подстроилась под него, но и испытала удовольствие от размеренного бега. Мысли пришли в порядок, странное состояние, при котором бросало то в жар, то в холод, ушло, и девушка почувствовала, как к ней вернулось спокойствие.

Уставшая, но довольная она искренне поблагодарила Метельского, расставаясь с ним у парадного входа.

— Постарайся не пропускать пробежки, — посоветовал ей на прощание мужчина, — тебе сейчас это необходимо.

Вот так — ни почему, ни зачем. Сказал — и понимай, как знаешь.

Ну, что ж, если нужно, то придется бегать. Как говорится — «если я должен, значит, я должен»

День прошел спокойно. Оборский с самого утра уехал в город, Алекс, вскоре, отправился следом, и Саша вздохнула с облегчением. Кажется, сегодня можно хоть немного расслабиться.

Вернулся хозяин только к ужину. Александра как раз накрывала на стол, когда он появился в столовой. Девушка поздоровалась и постаралась стать как можно незаметнее. Оборский, молча кивнув, сел за стол, не сводя с Саши тяжелого взгляда. Этот взгляд преследовал ее повсюду — когда она подавала еду, когда убирала со стола посуду, когда ставила перед Глебом чашечку ароматного кофе…

Саша пододвинула сахарницу поближе к хозяину, и замерла, почувствовав, как его рука опустилась на ее пальчики.

Девушка попробовала убрать свою ладонь, но не тут-то было.

Оборский поудобнее перехватил руку Александры и стиснул ее сильнее.

— Не так быстро, малышка, — довольно произнес мужчина, — думаю, ты не откажешься скрасить мой вечер? Можем даже внести в контракт дополнительный пункт, — искушающе улыбнулся он, — и поверь мне — с оплатой не обижу…

Он поднес ладонь девушки к своим губам, медленно целуя каждый пальчик. Саша, онемев от оскорбительного предложения, вырвала руку из неожиданного плена и возмущенно уставилась на хозяина.

— Я не шлюха! — еле сдерживая гнев, медленно выговорила она. — Не смейте предлагать мне подобное! То, что я работаю прислугой, еще не значит, что любой может залезть мне под юбку!

— Только не нужно набивать себе цену, — холодно процедил Оборский. — И не смей повышать на меня голос! Многие почли бы за честь подобное предложение.

— Я — не многие, — зло ответила Саша, — меня не интересуют подобные развлечения. Если вам нужна девушка на ночь, то достаточно обратиться в соответствующее заведение, и вам все организуют! По-моему, в ближайшем городе нет проблем с эскорт-услугами, — она разгневанно смотрела на хозяина, вскипая все больше, — и я очень попрошу избавить меня от подобных предложений. Если вас не устраивает моя работа — можете уволить, но греть вашу постель я не нанималась, не та у меня квалификация!

Саша сама понимала, что ее понесло, но не могла остановиться. Слова Оборского задели давно и надежно похороненные воспоминания, и она не удержалась.

Глеб внимательно наблюдал за распалившейся домработницей.

Девушка была восхитительно хороша в своем гневе. Щеки окрасил румянец, глаза лихорадочно блестели, длинную косу Александра нервно перекинула за спину, и Оборский почувствовал острое желание распустить ее волосы, ощутив их тяжелую мягкость, пропустить эту яркую рыжину через пальцы, собрать в кулак и намотать на руку…Представив девушку в своих объятиях, он судорожно вздохнул. Теплое, манящее тело, соблазнительная грудь, тонкая талия…

— Я могу идти? — раздался голос Александры.

— Да, конечно, — очнулся мужчина.

Саша, собрав посуду, мгновенно покинула столовую.

Глеб опустил на руки тяжелую голову. Он не мог понять,

почему так реагирует на свою прислугу. Как только ее увидел, все внутри словно огнем обожгло. Яростное желание поднималось и грозило сжечь его дотла. Хотелось прикоснуться к девушке, заглянуть в ее загадочные синие глаза… Бред… Ни одна женщина не могла пробить броню его равнодушия, он привык брать то, что ему хочется и не терпел отказов. Да, их и не было. А теперь вот, сидя здесь, в столовой своего дома, он пытался понять, как эта пичуга осмелилась ему отказать. Ладно бы, хоть что-то из себя представляла, а то, ведь, так… прислуга… Глупая дурочка с глупыми принципами…

Оборский забористо выругался, пытаясь прогнать надоедливые образы — он, она, спальня… а может быть, и не только спальня…Diable!

Глеб достал мобильный и нашел нужный контакт.

— Ната, через час за тобой заедут, — резко сказал мужчина и нажал отбой. Оборский попытался представить знойную брюнетку, которая через полтора часа будет отжигать в его спальне, но все заслонял собой образ проклятой недотроги… Merde!

Глава 8

Саша уткнулась в подушку и старалась не вслушиваться в раздающиеся над головой звуки. Получалось плохо. Угораздило же ее выбрать себе комнату, как раз под апартаментами Глеба! Нет, когда она остановила свой выбор на просторной спальне в приятных бежевых тонах, девушке и в голову не могло прийти, что ее соседом сверху будет сам хозяин. В то время, второй этаж пустовал, да и Игорь ее уверил, что Оборский вряд ли будет подолгу оставаться в загородном доме. А теперь, слушая нескончаемые стоны, Саша ругала себя за недальновидность…

Да, что ж такое-то?! Сколько можно?! Эта мадам когда-нибудь замолчит?

Злость и раздражение не давали Александре успокоиться. Казалось бы, какая ей разница, что и как происходит в хозяйской спальне?

Никакой! Однако зашевелившийся глубоко внутри червячок не давал девушке покоя. Странное чувство охватывало Сашу, стоило только представить Глеба с приехавшей накануне роскошной брюнеткой.

— Тоха, подвинься, и так жарко, — Александра недовольно отпихнула волчонка.

Тошка заворчал и снова уткнулся ей в бок. За последнее время волчик сильно подрос и теперь занимал большую часть Сашиной кровати. Девушка потрепала его по холке и призналась себе, что жарко ей вовсе не из-за растянувшегося рядом питомца. Вот же… Ругаться Александра так и не научилась, а как сейчас пригодилось бы какое-нибудь крепкое словцо!

Тело вновь начало наливаться жаром, внутри все скрутилось в тугой узел, кожа горела… Холодный душ и открытое окно смогли погасить начинающийся пожар, и Саша, в очередной раз, сумела побороть странное состояние.

Ровно в восемь утра девушка открыла дверь хозяйской спальни. Как ни хотелось ей сегодня отказаться от неприятной обязанности, но нарушить приказ Оборского Саша не посмела. В комнате было сумрачно, на шелковых простынях виднелись два переплетенных тела, а в воздухе витал запах духов и страсти. Тихо поставив на прикроватный столик поднос с завтраком, Александра собралась уходить, но не удержалась и кинула взгляд на постель. Смеющиеся медовые глаза издевательски наблюдали за ее усилиями казаться невозмутимой. Оборский пристально смотрел на свою прислугу, и на губах его расползалась довольная улыбка.

— Доброе утро, Глеб Александрович, — смутившись, поздоровалась Саша.

— Доброе, — хозяин кивнул и небрежно вытащил руку из-под лежащей на ней девушки, совершенно не заботясь о том, что может разбудить красавицу.

— Глебушка, иди ко мне, — раздался сонный голос, и брюнетка, приоткрыв глаза, потянулась к мужчине.

— Спи, Ната, — равнодушно ответил Оборский и сел на постели.

Александра, скользнув взглядом по обнаженному торсу хозяина, неловко потупилась и поторопилась покинуть комнату.

Нет, если так пойдет и дальше, придется выучить пару особо забористых ругательств. Сколько можно смущаться!

Саша захлопнула кухонную дверь, словно отрезая от себя происходящее сейчас в хозяйской спальне и сердито кинула на стол полотенце. На душе было муторно и тоскливо. «Меня не касается личная жизнь Оборского. И точка, — пыталась убедить себя девушка, — и вообще, какая разница, с кем он проводит ночи?» Она подошла к окну и невидяще уставилась на липовую аллею. «Вот, и все. Уже легче. Вдох. Выдох… И совершенно безразлично все происходящее… Еще немного, и я выкину этого невыносимого мужчину из головы. И выдру крашеную тоже…»

Но, вопреки всем намерениям Саши, увиденная недавно картинка так и стояла у нее перед глазами.

«А на месте этой Наты могла быть ты» — искушающе шепнул ехидный внутренний голос.

«Ага. И сейчас именно на меня так равнодушно смотрел бы Оборский» — не менее ехидно ответила ему Александра.

Умом Саша понимала, что Глеб — не тот человек, о котором стоит мечтать женщине. Более того, она прекрасно знала, что, как только он наиграется новой игрушкой, так тут же выкинет ее за ненадобностью. Но какая-то неведомая сила влекла ее к мужчине, заставляла тело плавиться от желания и мечтать о прикосновениях и поцелуях Глеба. Саша презирала себя за эту слабость, ненавидела ночи, превратившиеся в пытку, но ничего не могла поделать. С каждым днем, ее все сильнее тянуло к хозяину. Девушка устала себя обманывать. С той самой ночи, когда она увидела сидящего на кухне незнакомца, оказавшегося владельцем усадьбы, Саша потеряла себя. А может быть, и не с той ночи, а гораздо раньше… Не было больше благоразумной Александры Станкевич. Ее место заняла странная незнакомка, от которой Саша не знала, чего и ожидать. Девушку пугали собственные мысли и чувства, она боялась своей неожиданной зависимости от совершенно не подходящего ей мужчины, но поделать ничего не

могла. Нужно было честно в этом признаться, хотя бы себе самой. «Неужели прав был Виктор Семенович?.. Неужели, она и впрямь…»

— Анфиса, хоть ты что-нибудь мяукни… Что делать-то будем? — невесело усмехнулась Александра, высыпая корм в миску вьющейся у ее ног кошки.

Рыжуха дернула ухом и захрустела своим любимым «Royal Canin».

— Ну, да, как же, дождешься от тебя сочувствия, — Саша посмотрела на пушистую предательницу и отвернулась к окну. Отстраненно заметила, что солнце с каждым днем пригревает все теплее, и вздохнула. Отпуска в этом году ей, похоже, не видать.

— О чем мечтаешь? — Оборский неслышно возник за ее спиной. Александра испуганно вздрогнула. Мужчина подошел так близко, что Саша почувствовала, как шевелятся, под его дыханием, выбившиеся из ее прически завитки. Глеб не притрагивался к девушке, но это было и не нужно. Она ощущала исходящий от него жар, чувствовала, как заполошно забилось сердце, и с ужасом понимала, что не может сопротивляться отнимающей волю силе.

— Тебе не кажется, что это не очень хорошая привычка? — искушающий шепот ударил по оголенным Сашиным нервам.

— Какая? — хрипло спросила она.

— Не отвечать на мои вопросы, — тихо ответил мужчина, — так, о чем размышляла?

— Об отпуске, — как на духу, выпалила Александра. И тут же почувствовала, как похолодел воздух за ее спиной.

— Забудь об этом, — резко произнес Оборский, и девушка испуганно вздрогнула, — никаких отпусков! Заменять тебя никто не будет, поняла?

Саша кивнула. Говорить что-либо она не стала, не надеясь на свой голос.

— Ната хочет апельсиновый сок, отнеси ей и забери поднос с посудой, — распорядился хозяин, выходя из кухни.

«Вот так вот, Александра Пална, спуститесь с небес на землю и топайте за грязной посудой» — горько усмехнулась девушка.

Она отнесла любовнице Оборского сок, выслушала кучу претензий — видите ли, мадам пьет только охлажденные свежевыжатые соки, а не «эту бурду из пакета» — полдня терпела капризы Наты и, на радостях, что та, наконец-то, уезжает, чуть не помахала ручкой вслед отъезжающему джипу, увозящему красавицу в город.

Весь день Саша успешно избегала Оборского, а вечером, перед ужином, приехал Алексей Николаевич, и друзья

разговорились о делах, не обращая внимания на мелькающую в столовой прислугу.

Лишь выходя из комнаты, Глеб вдруг остановился и, обернувшись к другу, спросил:

— Алексей, а ты предупреждал Александру не пользоваться духами?

— Да, конечно, — кивнул Метельский.

— И объяснил, что бывает за нарушение правил?

Алексей Николаевич промолчал, только искоса посмотрел на Сашу. Та замерла, в ожидании разъяснений.

— Предупреждаю первый и последний раз — никаких духов на рабочем месте, ясно? — гневно спросил Оборский. — Александра, ты меня слышала?

— Так, я и не пользуюсь духами, — недоуменно ответила девушка.

— Мне без разницы, чем ты пользуешься — духами, дезодорантом, туалетной водой… — чтобы больше этого не было! Поняла?

Саша кивнула, догадываясь, что спорить бесполезно.

Мужчины вышли из комнаты, а девушка расстроенно посмотрела им вслед. Ну, что за вожжа под хвост Оборскому попала? Нет у нее никаких духов. И дезодорант без запаха. Вот, что не так?

А Глеб не мог успокоиться. Весь дом пропах Сашиными духами — тонкий цветочный аромат проникал повсюду, от него невозможно было скрыться…

— Чего ты к девочке привязался? — попытался образумить его приятель, — никаких правил она не нарушает, и так, как мышка тут живет.

— Хоть ты ее не защищай, — отмахнулся Оборский, — у нее заступников и без тебя достаточно. Почему Игорю мозги промыть не смог?

— А что Игорь? — настороженно переспросил Метельский.

— А то… Просил моего разрешения ухаживать за Александрой. Можешь себе это представить?

— А ты что?

— Рассказал, куда он отправится, если только попробует притронуться к ней.

— Ну, может и не стоило так сурово. Игорь к прислуге с первого дня неровно дышит, да, и возраст у него… Может, пусть попробует? Заодно, и Сашу привяжем к дому. Никуда не денется. Хороших работниц сейчас поискать, а тут, не девочка, а золото.

— Совсем с ума сошел?! Как ты себе это представляешь?

— Ну, когда-то нужно что-то менять…

— Давай, сделаем вид, что я ничего не слышал. Все, вопрос закрыт. Узнаю, что кто-то из наших за ней увивается, пожалеете. Ты — в первую очередь, — Глеб серьезно посмотрел на своего зама.

— Как скажешь, — только и ответил Алексей.

Утро следующего дня для Саши началось с традиционной уже пробежки. Благодаря Метельскому, девушка потихоньку втянулась в новый распорядок дня. Ей нравилось ощущать под ногами пружинящую траву, слышать птичий гомон, вдыхать свежий, прохладный воздух… Размеренный бег успокаивал и помогал настроиться на предстоящий день.

Добежав до крыльца, Саша сделала несколько упражнений на растяжку и разгоряченная заскочила в дом, торопясь в душ. Время близилось к шести, нужно было успеть приготовить завтрак. Александра захлопнула дверь и, снимая на ходу спортивную куртку, кинулась к своей комнате.

— Ой, — девушка не успела заметить вышедшего из гостиной Оборского и налетела прямо на него, — простите, Глеб Александрович.

Крепкие руки подхватили ее, не давая упасть. Саша замерла, почувствовав, как мужчина прижал ее к себе. Крепкое мускулистое тело хозяина казалось литым. Александра невольно прильнула к Глебу плотнее, ощущая, как под ее щекой все громче раздается стук его сердца. Правда, опомнившись, она попыталась отстраниться, но мужчина не отпустил. Он уткнулся ей в макушку и зарылся в растрепавшиеся волосы. Саша окаменела. Она чувствовала, как внутри поднимается жар, как сладкая волна захлестывает ее целиком и не могла пошевелиться. Спустя минуту, в коридоре старого особняка раздавался грохот уже двух сердец.

— Глеб, ты бумаги взял? — послышалось из комнаты.

Оборский вздрогнул и разжал руки. Саша, воспользовавшись этим, выскользнула из его объятий и отступила на несколько шагов, но уйти не смогла. Так и стояла напротив мужчины, словно привязанная. Метельский, выйдя из гостиной, с удивлением посмотрел на застывших в коридоре Глеба и Александру.

Девушка испуганно смотрела на хозяина, а вот в глазах друга Алекс впервые увидел странно растерянное выражение.

— Саша, ты завтрак успеешь приготовить? — спросил он у домработницы.

Александра ойкнула и кинулась к себе, переодеваться.

— Пошли, Глеб, там еще нужно кое-что уточнить, — подтолкнул Алексей задумавшегося Оборского.

Глава 9

Саша готовила завтрак. Руки привычно держали нож, нарезали овощи для салата, смешивали заправку, выкладывали на тарелку ломтики ветчины и буженины, а мысли девушки витали далеко от кухни.

Александра размышляла над реакциями собственного непослушного тела. Те ощущения, которые охватили ее сегодня… Саша не знала, с чем их можно сравнить. Огонь? Пожар? Катастрофа?..

Порезавшись, девушка чертыхнулась и сунула пораненный палец в рот. Боль отрезвила, и Саше пришла в голову здравая мысль посетить аптеку и купить хорошее успокоительное. Хватит уже своими силами справляться, пора обращаться за помощью.

Обернувшись, девушка увидела сидящих за столом мужчин. Ну, что ж, к их бесшумным передвижениям она уже и безо всякого успокоительного спокойно относится…

За прошедшие два месяца Саша ко многому привыкла. В том числе, и к нелюдимости охранников. Нет, внешне все выглядело нормально. Они здоровались, иногда улыбались, всегда благодарили за вкусную еду… Только к себе не подпускали. Как-будто, воздвигли невидимую стену между собой и девушкой.

Саша ничего не имела против, но ей было очень одиноко в этом вакууме. Если бы не Тошка и не своеобразная привязанность Анфисы, жизнь в особняке показалась бы совсем невыносимой. А так, ничего, существовать можно…

Тряхнув головой и отогнав невеселые мысли, Александра включилась в свою обычную работу.

До самого вечера ее никто не тревожил. А после ужина, Оборский зашел на кухню и принялся снимать рубашку. Он медленно расстегнул пуговицы, по одной отстегнул запонки и неторопливо стянул сорочку.

Саша недоуменно смотрела на этот неожиданный стриптиз.

— Рукав порвался, зашей, — немногословно пояснил мужчина.

Достав коробку со швейными принадлежностями, девушка принялась за работу, удивляясь про себя, как это Оборский умудрился порвать абсолютно новую вещь.

Глеб расхаживал по кухне, смущая Сашу своим голым торсом, и цепко поглядывал на домработницу. Александру нервировало такое пристальное внимание.

— Когда у тебя выходные? — неожиданно нарушил тишину хозяин.

— Через неделю, — ответила Саша, не поднимая голову от шитья.

— И чем ты занимаешься в свободное время? — продолжал интересоваться мужчина.

Девушка пожала плечами.

— Да, так, ничем особенным. Убираю квартиру, отдыхаю, выгуливаю Тошку… ну, и отсыпаюсь…

— Одна?

Саша в недоумении подняла глаза.

— В смысле?

— Парень у тебя есть?

— Простите, Глеб Александрович, но я не обязана отвечать на подобные вопросы.

Мужчина смерил ее тяжелым взглядом.

— На мои вопросы ты отвечать обязана, — отрывисто бросил он.

— Что касается работы — да, а вот моя личная жизнь вас никак не касается, — уперлась Саша, — возьмите, — она протянула Оборскому готовую рубашку.

Хозяин взял сорочку, постоял еще немного, сверля девушку недовольным взглядом, и вышел из кухни. Александра выдохнула. Те несколько минут, что Оборский смотрел на нее, она не могла нормально вздохнуть. Тяжелая волна, идущая от мужчины, сдавливала виски, наваливалась на грудь, лишала возможности пошевелиться, наказывая за неповиновение…

Отдышавшись, девушка попыталась понять, что произошло. Как хозяину удается так влиять на нее? Или ей все просто мерещится? Нет, первым же делом — в аптеку, за успокоительным. А то, совсем «крыша съезжает»…

Оборский в гневе расхаживал по кабинету. Давно уже Глеб не чувствовал такой потребности наказать и сломать. Умом он понимал, что девчонка ни в чем не виновата, но внутри все скручивало яростное желание поставить ее на место, проучить, заставить подчиниться…

Паршивка! Придушил бы! Строит из себя недотрогу, а сама…

«Вас моя личная жизнь не касается!» — передразнил он домработницу…

«Меня касается все, что происходит в моем доме, с моими людьми!»

Он не мог совладать с черной злобой, поднявшейся в душе.

Опасное время. Контролировать себя все сложнее… Куда теперь податься? Он, ведь, и про усадьбу-то только поэтому и вспомнил, чтобы было, где отсидеться, прийти в себя… Проклятая девчонка!

Не зря он сразу почувствовал, что им не ужиться в одном доме…

Ей-то хорошо! Поедет на выходные, развлекаться с каким-то уродом… Личная жизнь у нее… Убил бы! Обоих! Бросив взгляд в окно, он увидел, как Александра о чем-то разговаривает с Игорем. Волна душной злобы поднялась внутри мгновенно.

Взяв телефон, он быстро нажал вызов.

— Да, Глеб Александрович, — ответил охранник.

— Зайди ко мне. Немедленно, — раздраженно бросил Оборский.

В окно ему было видно, как Саша улыбнулась Игорю, и тот быстро направился в дом.

— О чем ты с ней разговаривал? — не оборачиваясь к охраннику, поинтересовался Глеб, едва Игорь вошел в кабинет.

— Саша просила ее в поселок свозить, — спокойно доложил мужчина.

— Зачем?

— В аптеку.

— И что ей там нужно?

— Я не спрашивал.

— Отвези и проследи, что она покупает. Потом доложишь. Свободен, — отрывисто приказал Оборский.

Подчиненный вышел, а Глеб попытался задавить шевельнувшуюся тревогу. Чего ее в аптеку понесло? Что у нее болит? Или это только повод уехать с Игорем?..

Когда через полчаса охранник вошел в кабинет, Оборский вопросительно посмотрел на подчиненного.

— Свозил?

— Да, Глеб Александрович.

— И что?

— Саша успокоительное купила, — немногословно ответил Игорь.

— Ты не спрашивал, зачем?

— Спросил, — неохотно отозвался охранник, — говорит, спит плохо.

— А что еще рассказывает?

— Больше ничего. Я пойду, Глеб Александрович? — Игорь торопился уйти, и Оборскому это не нравилось.

— Подожди. Вы когда в городе бываете, она кому-нибудь звонит? Или, может быть, видится с кем-то?

— Нет, она ни с кем не общалась при мне. А звонить… Ну, звонила пару раз. Один раз соседке, а второй — мужчине какому-то.

— Мужчине?

— Ну, да, я особо не слушал, просто по разговору понял.

— И кто он?

— Не знаю, не спрашивал. Я еще нужен вам, Глеб Александрович?

— Свободен.

Игорь вышел, а Оборский задумчиво уставился на сгустившиеся за окном сумерки. «Все-таки, мужчина…»

Глеб, до глубокой ночи, расхаживал по кабинету, пытаясь успокоиться. Волны ярости накатывали все сильнее, скручивая тело и толкая Оборского на безумства.

Не выдержав, он вышел из дома и вслушался в тишину летней ночи. Ветер тихо шелестел листьями деревьев, где-то вдали ухал филин… Потянувшись всем телом, Глеб ступил на подъездную аллею. Прошло несколько минут, и мужской силуэт растворился в темноте ночного леса.

Саша не могла уснуть. Она ворочалась в постели, сминала и переворачивала подушку, пыталась найти удобное положение, но… все напрасно.

Называется, купила успокоительное! Еще хуже стало. Может быть, все же, к врачу? Странные у нее какие-то симптомы. То мерещится что-то, то внутри все скручивает в узел… И опять кошмары вернулись…Саше надоело лежать без сна, и она, встав с постели, подошла к окну. Луна ярко освещала все вокруг, заливая лес таинственным серебряным светом. Старые ели безмолвными стражами окружали дом со всех сторон. Девушка открыла окно и высунулась в него по пояс. Свежий воздух успокоил разгоряченную кожу, принес облегчение и покой. Как хорошо!

Саша глубоко вздохнула и…замерла. На дороге, ведущей в чащу, стоял Оборский. Мужчина был без рубашки, в одних подкатанных брюках, и в свете луны его кожа мерцала голубоватыми бликами.

Что за… Саша резко отпрянула от окна и попыталась успокоить сбившееся дыхание. В тот миг, когда она встретилась глазами с хозяином, девушка почувствовала, как внутри взорвалась боль, забирая остатки воздуха и заставляя ухватиться за стену в поисках опоры. Господи, как больно… Что же это?

Очнулась она от ощущения шершавого языка, вылизывающего ее лицо. С трудом открыв глаза, Александра увидела склоненную над ней волчью морду. Тошка…

Утром Игорь обрадовал ее известием, что хозяин уехал.

— Надолго? — не утерпев, спросила девушка.

— Не знаю. Раньше-то он, вообще, здесь не бывал, дом стоял заброшенным много лет. А в этом году вспомнил про него, велел привести в порядок. Правда, неизвестно, сколько эта блажь

продлится. Не думаю, что хозяин решит обосноваться здесь надолго.

— А где до этого жил Глеб Александрович? — не веря своей удаче, поинтересовалась девушка. Еще бы — сегодня Игорь был на редкость разговорчив, и она торопилась узнать о хозяине как можно больше.

— Последний год в Канаде провел, а до этого много путешествовал. Глеб Александрович в России уже лет пять как не живет. Так, наездами появляется, и то, все больше в столице. С чего решил про эту развалюху вспомнить — непонятно. Ну, да, наше дело маленькое, сказали — привести в порядок, мы и привели, — охотно делился Игорь.

Саша недоумевала — что случилось с обычно молчаливым охранником? Сегодня он, прямо-таки, лучился благодушием.

— Саш, а ты на выходных чем заниматься будешь?

«О, нет! Еще один!» — мысленно застонала Александра.

— Да, так, всем понемногу, — ответила она.

— Не хочешь в кино сходить? Я бы тебя пригласил, — заглядывая ей в глаза, спросил Игорь.

— Извини, но я не могу, — твердо ответила девушка. Уж чего-чего, а лишних проблем ей не нужно.

— Жаль, — расстроился мужчина, — если передумаешь…

— Прости, Игорь, но я, правда, не могу.

Она отвернулась к плите, стараясь не обращать внимания на стоящего рядом охранника. Не нужны ей никакие отношения. Главное, продержаться еще десять месяцев, а там, она забудет и об этой уединенной усадьбе, и об ее странных обитателях.

Один за другим, потянулись летние дни. Саша старалась не вспоминать невыносимого хозяина, но странная тоска, поселившаяся внутри, сводила на нет все ее усилия. Метельский изредка приезжал в усадьбу, общался с охранниками, подолгу сидел в кабинете, разбирая бумаги, а потом, обязательно заходил на кухню и расспрашивал Александру обо всем, что произошло в усадьбе в его отсутствие. Саша привыкла к нему и даже скучала, если Алекс долго не появлялся в особняке. Как-то, она осмелилась спросить об Оборском — скоро ли тот приедет?

Серьезный взгляд серых глаз заставил девушку потупиться.

— Соскучилась? — спросил Метельский.

— Нет, просто хочу знать заранее, когда ожидать Глеба Александровича.

— Не знаю, Саша. У него планы меняются очень часто, поэтому ничего конкретного я тебе не скажу.

— Вы не могли бы… В общем, когда он снова соберется сюда приехать, не могли бы вы предупредить меня? — Александра

подняла голову и посмотрела на начальника.

— Хорошо. Ты себя нормально чувствуешь? — обеспокоенно спросил Метельский, уводя разговор от интересующей Сашу темы.

— Да, — удивленно ответила девушка.

— Незаметно, — Алексей покачал головой, — какая-то ты бледненькая. Точно ничего не болит? Может быть, тебе к врачу нужно?

— Нет, что вы, со мной все в порядке, — как можно увереннее солгала Саша.

Никакого «порядка» не было. Вот уже месяц Александра не могла нормально выспаться. Кошмары, которые преследовали ее во сне, переходили в вязкую темноту, не имеющую начала и конца. Девушка ощущала ломоту и жар во всем теле, ей не хватало воздуха, и она просыпалась уставшая и разбитая. Во сне ее преследовали чьи-то ярко-желтые глаза и обнимали чужие горячие руки. А потом всплывали застарелые страхи, и все начиналось по новой — треск ткани, грохот падающей мебели, тяжелое дыхание…

Мелодия мобильного разрезала хрупкую тишину.

— Да, Глеб, — Метельский пятерней взъерошил волосы и отошел к окну. Александра настороженно прислушивалась, — Завтра? Понял, передам. А ее-то какого?.. Ладно, будем ждать.

— Ну, что ж, ты просила предупредить, когда хозяин надумает приехать. Вот тебе и ответ — завтра, — обернулся к девушке Алексей Николаевич, — и еще. Глеб Александрович едет не один. Подготовь комнаты для четверых гостей. Ну, и ужин чтобы на уровне был. Рассчитывай на семерых, включая меня.

Саша согласно кивнула, пытаясь унять пустившееся вскачь сердце. «Приедет. Уже завтра!»

Глава 10

К вечеру следующего дня дом был полностью готов к приему гостей. Саша, волнуясь, оглядывала праздничный стол. Вроде, все на месте. Только бы не произошло ничего непредвиденного! Во дворе раздался шум подъезжающих машин и звуки негромкой речи. Александра, в форменном платье и с туго заплетенной косой, приветствовала гостей, стоя у входа рядом с Метельским. Четверо приехавших мужчин поздоровались, перекинулись парой слов с Алексом и прошли в гостиную. Саша напряженно ждала, когда же появится хозяин.

— Глеб, отпусти, — раздался мелодичный голос, и Александра, с замиранием сердца, уставилась на открывшуюся дверь. В проеме появился Оборский, с красивой блондинкой на руках. Длинные платиновые волосы девушки свешивались до талии, укрывая свою владелицу роскошным водопадом, точеная ножка играла ярко-красной туфелькой, тонкая, затянутая в перчатку ручка шаловливо перебирала волосы мужчины.

— Глеб, ну отпусти же, — смеялась незнакомка, а Оборский лишь прижимал ее сильнее и целовал в пухлые губки.

— Алин, невесту принято в дом на руках вносить, — нежно протянул он и двинулся со своей ношей в гостиную, не глядя на застывшую у входа Сашу. Острая игла разочарования больно кольнула изнутри.

«Вот так-то… Невеста…»

Развернувшись, Александра медленно пошла на кухню. Нет, ну а чего она ждала? Неземной любви? Сказки, про золушку? Ерунда какая…

Весь вечер Саша провела на ногах. Подавала блюда, незаметно убирала со стола посуду, следила за тем, чтобы не заканчивались напитки… В общем, выполняла свою обычную работу. И всячески старалась не смотреть на Глеба. Это оказалось сложно. Как назло, глаза сами находили за столом темную шевелюру, и Саша не могла удержаться, изредка бросая на хозяина быстрые взгляды. Правда, тот не замечал интереса домработницы, ухаживая за своей Алиной. Подкладывал ей лучшие кусочки, подливал вина и, вообще, так ворковал с ней, что Саша удивленно засмотрелась на подобное чудо. Надо же, каким нежным может быть Оборский…

Когда гости перешли к десерту, Александра вздохнула свободнее. Осталось совсем немного. Загрузив очередной партией посуды посудомоечную машину и убрав в шкафы уже вымытую, девушка присела в кресло. Она прикрыла глаза и постаралась

разобраться в себе. Ну, что такого-то произошло? Почему ей так больно видеть Оборского с очередной красоткой?

— Простите, а можно мне чего-нибудь холодненького? — ворвался в ее размышления приятный мужской голос.

Саша взглянула на стоящего в дверях высокого брюнета. Веселый интерес искрился в глазах незнакомца.

— Да, конечно. Сок, вода?

— Только не сок, — усмехнулся мужчина. Поднявшись, девушка налила в стакан ледяной родниковой воды.

— Спасибо, — поблагодарил брюнет, — меня, кстати, Константином зовут.

— Очень приятно, — вежливо улыбнулась Саша.

— А вы — Александра, да? Я правильно запомнил?

Девушка кивнула.

— Сашенька, а не хотите познакомить меня с окрестностями? Мы могли бы погулять по округе, скажем, завтра утром, — улыбнулся Константин.

— Простите, но у меня очень много работы, — твердо ответила девушка.

— Ну, всегда можно выкроить время на небольшую прогулку…

Договорить мужчина не успел.

— Костя, тебе же ясно сказали, что у прислуги нет времени на праздные шатания по окрестностям, — раздался лениво-недовольный голос Оборского, — не отнимай рабочее время у моей домработницы, я ей не за безделье плачу.

— Глеб, ну что ты, в самом деле? Такая привлекательная девушка не может все время работать, надо же ей и отдыхать иногда, — смеясь, повернулся к Глебу Константин.

— Кость, там тебя все заждались, иди в гостиную, — веско посоветовал хозяин усадьбы.

— Ладно, иду. Сашенька, я не прощаюсь, — весело улыбнулся брюнет, покидая кухню.

— Если я еще раз увижу, как ты флиртуешь с кем-либо в моем доме — пожалеешь, — зло произнес Оборский, подходя к Саше вплотную. Девушка вздрогнула, но не отступила.

Глеб пристально посмотрел на нее и нахмурился.

— Ты, что — болела? — спросил он.

— Нет, — удивленно ответила Александра.

— А почему такая бледная? — Оборский приподнял ее подбородок. — И худая какая-то стала…

— Со мной все в порядке. Не беспокойтесь, свою работу я выполняю.

— Саша, если…

— Глеб, ну, ты где? — раздался голос Алины. Оборский чертыхнулся и отпустил девушку. — Иду, — ответил он и вышел из кухни. Александра устало опустилась в кресло.

«Вот сейчас, минуточку посижу и сразу пойду собирать посуду» — подумала она. Вошедший, спустя несколько минут, Метельский обнаружил, что девушка потеряла сознание. Взволнованный мужчина кинулся искать аптечку. Он смутно помнил, что Саша, вроде бы, хранит лекарства в одном из шкафов. Есть! Небольшой пузырек с нашатырем обнаружился быстро.

— А… Я сейчас… Я уже иду… Сейчас… — ватка с едким спиртом быстро привела девушку в чувство, и Саша попыталась встать.

— Сиди, — прикрикнул на нее Алексей, — голова кружится?

— Нет. Все хорошо, правда, — Александра умоляюще посмотрела Метельскому в глаза и добавила: — Алексей Николаевич, не говорите никому. Пожалуйста. Я просто немного устала. Это пройдет.

— Ладно, — неохотно ответил мужчина, — но к врачу, все-таки, сходи. Попроси Игоря отвезти тебя в город.

Саша кивнула и, пошатываясь, встала с кресла.

В этот момент в дверях показался Оборский.

— Ты еще долго тут прохлаждаться будешь? — накинулся он на девушку. — Кофе остыл, напитки закончились, а ты здесь лясы точишь!

— Простите, я сейчас все сделаю, — тихо ответила Саша, проскальзывая мимо хозяина.

— Глеб, чего ты на нее взъелся? — осадил друга Метельский. — Девочка старается. Попробуй, найди другую такую! Знаешь, со сколькими я собеседования проводил? До испытательного срока ни с одной дело не дошло. А тут, такая удача! Ты видел, что она из твоей берлоги сделала? Золото, а не работница. А ты то рычишь на нее, то запугиваешь… Сколько можно?

— Ладно, защитник, ничего ей не сделается. Твоя золотая работница и оплату золотую получает. Пришла деньги зарабатывать — пусть старается. Должна любой мой каприз выполнять.

— Глеб, что с тобой происходит? — тихо спросил Метельский. — Ты совсем другим вернулся. Раньше, ты бы никогда так не сказал. Саша — хороший человек и не заслуживает подобного отношения.

— Вот именно, Алекс. Человек… Всего лишь жалкий человек, — с непонятной интонацией ответил Оборский, —

ладно, пошли к гостям.

Метельский шел следом за другом и пытался понять, почему Глеб так невзлюбил Сашу. С первой минуты, с первого взгляда… Или тут что-то другое?..

Гости остались в усадьбе на неделю. Александра разрывалась на части. Ей приходилось спать лишь несколько часов в сутки, чтобы все успеть. Беззаботная компания весело проводила время, а девушка с утра до ночи убирала, готовила, стирала, гладила и пыталась угодить всем требованиям гостей. Вымотанная и уставшая она мечтала, чтобы в сутках было больше времени — Саша катастрофически не успевала воткнуть все дела в двадцать четыре часа. Недовольный взгляд Оборского постоянно преследовал ее, подгоняя и не давая расслабиться.

Приезжие относились к девушке доброжелательно, но, по большей части, не обращали особого внимания. Лишь два человека проявляли к ней интерес — Константин и Алина, оказавшаяся его сестрой. Если Костя, еще не раз, пытался заигрывать с Сашей, то Алина, почему-то, с первого взгляда, невзлюбила Александру и всячески цепляла ее.

Вот и сейчас, сидя за обедом, она не преминула затронуть домработницу.

— Дорогой, твоя кухарка отвратительно готовит солянку. Я не могу это есть, — пожаловалась она Глебу, — просто ужас какой-то. В каком агентстве ты ее нашел?

— Это вопрос к Алексу, дорогая. Именно он занимается подбором кадров, — ответил Оборский, отрезая кусок отбивной.

— Ал? — капризно протянула красавица.

— Саша пришла к нам по объявлению, — невозмутимо ответствовал Метельский.

— Так, вы, что — с улицы ее взяли?! — фыркнула Алина. — Одно слово — мужчины… Александра, у вас хоть какое-то образование есть, кроме школы? — обратилась она к девушке.

Саша серьезно посмотрела на невесту Оборского и спокойно ответила:

— Разумеется.

— И где же вы учились, если не секрет? — ехидно улыбнулась Алина.

— Саша закончила один из лучших вузов страны, — ответил вместо девушки Метельский.

— Вот как? И что же она делает в кухарках? — поинтересовалась блондинка.

— Люблю, знаете ли, готовить, — невозмутимо посмотрела на нее Саша, — еще вина?

Алина раздраженно отказалась.

Александра собрала посуду и вышла из столовой. Внутри у нее все кипело, но внешне она выглядела спокойной и уравновешенной.

Скорее бы хозяин с гостями покинул дом! Силы Саши были на исходе. Она боялась, что однажды не стерпит и, все-таки, сорвется. Да, переоценила она свою выдержку… Не для нее эта унизительная работа…

Нет, девушка не видела ничего постыдного в том, чтобы работать прислугой. Но вот отношение к ней всех этих «господ»…

Скорее бы закончился ее контракт… Скорее бы весна, а с ней и свобода…

Оборский с друзьями уехал через два дня, и все вздохнули с облегчением. Саша заметила, что даже охранники как-то расслабились и стали чаще улыбаться. А Метельский охотнее оставался на ужин в свои немногочисленные приезды в усадьбу. Александра радовалась долгожданному покою — все вернулось на круги своя, и дом зажил прежней размеренной жизнью.

Саша легко справлялась с привычной работой. И лишь по ночам ее снедала тоска, заставляя плакать в подушку и обзывать себя дурой. Девушка давно смирилась с необъяснимыми чувствами, которые въелись в ее душу. Она ругала себя и пыталась бороться, но каждый вечер сдавалась — поднималась на чердак и усаживалась напротив старого портрета. Мужчина, изображенный на нем, был похож на хозяина усадьбы, как две капли воды. Убери старинный сюртук — и вот он, Глеб Александрович Оборский. Собственной персоной.

Так незаметно пролетело лето, и осень плавно вступила в свои права. Хозяин появился в своем имении всего несколько раз, да, и то, ни с кем, особо, не общался, даже с Сашей не разговаривал, лишь смотрел на нее какими-то больными глазами и молчал. Девушку пугал такой Оборский. Он выглядел жестче, старше, опаснее. Александра чувствовала, что его что-то гложет, буквально физически ощущала останавливающийся на ней тяжелый взгляд и всячески старалась избегать хозяина. Мало ли, что он надумает…

Погода, между тем, окончательно испортилась. С середины сентября резко похолодало, зарядили нудные дожди, и редкие солнечные дни не успевали поднять настроение, падающее вслед за барометром. Саша старалась использовать каждую свободную минуту, чтобы заготовить на зиму все дары, которыми так щедро делился окружающий лес. Грибы, ягоды, травы — все шло в ход у рачительной хозяйки. А уж урожай, собранный с огорода, и вовсе радовал глаз — девушка только и успевала ставить на полки пузатые емкости с заготовками. Погреб был ее гордостью. Еще бы!

Чего там только не было!

Вдоль стен теснились крутыми боками круглые бочонки с солеными грибами, мочеными яблоками и ягодами, на полках стояли многочисленные банки с соленьями и маринадами, хрусткая квашеная капуста аппетитно поблескивала в невысоких кадушках, пышные вязанки душистых трав висели на специальных крючках…

Девушка с удовлетворением оглядывала припасы, понимая, что зимой все это, ой, как, пригодится. Она любила осматривать заготовленные впрок овощи и фрукты. В этом деле у Саши был такой же заинтересованный помощник. Анфиса. Рыжая кошка всякий раз увязывалась за Александрой инспектировать погреб и кладовку, тщетно надеясь найти там мышей. Увы. Мыши в их доме отсутствовали, как класс, и недовольная рыжуха укоризненно смотрела на свою хозяйку, всякий раз, после посещения подсобных помещений. Саша комично разводила руками.

— Ну, извини, Анфиса, нет у нас мышей. Может, игрушечных купить?

Кошка поглядывала на девушку с немым укором — дескать, такими вещами не шутят — и оскорбленно устраивалась в любимом кресле.

Время незаметно бежало вперед. Тошка давно уже вырос и превратился в огромного, темно-серого красавца-волка. Умные глаза настороженно наблюдали за всем происходящим в усадьбе, а предупреждающий оскал останавливал желающих подойти к его хозяйке поближе — вырасти-то он вырос, но вот его ревнивое отношение к Саше никуда не делось. Волк, все также, считал, что она принадлежит исключительно ему и не хотел делить внимание девушки с остальными обитателями дома. Только Метельского и Игоря Тоха признавал достойными общения и нехотя подпускал их к Александре. А еще, как ни странно, боготворил Оборского. За один взгляд хозяина усадьбы, волк готов был ползать на брюхе. Сашу сердило такое раболепие, но она ничего не могла поделать — Тошка обожал Глеба. «Весь в хозяйку» — невесело усмехалась девушка.

Оборский, между тем, перестал появляться в усадьбе. Однажды, Саша подслушала разговор охранников, обсуждавших предстоящую свадьбу хозяина. Мужчины были уверены, что теперь он здесь до лета не покажется.

— Я ж тебе говорил, что эта блажь ненадолго, — уверенно разглагольствовал Денис, — чего ему в такой глуши делать? Так, развлекся, посетил старую усадьбу, пожил здесь, да и надоело. А уж Алина, тем более, тут жить не станет. Та еще штучка.

Столичная фифа.

— Ты бы выбирал выражения, — осадил его Николай, — все-таки, будущая хозяйка.

— Зря Глеб Александрович решился на этот брак. Нехорошо это, — покачал головой Дэн.

— Нас оно не касается, — отрезал его товарищ.

Александра тихонько отошла от окна сторожки и задумчиво побрела к дому. Она забыла, зачем шла к охранникам. Новость о предстоящей свадьбе Оборского оказалась для нее неприятной. Саша жалела, что услышала не предназначенный для ее ушей разговор. Хотя, нет. Одна польза от него, все же, была — если верить ребятам, до лета Глеб в усадьбе больше не появится. А летом ее, Саши, здесь уже не будет. И все проблемы останутся позади.

Глава 11

Предупреждение: людям чувствительным и нервным эту главу лучше пропустить.

Прогноз охранников оказался неверным. Оборский приехал незадолго до Нового года. Ввалился однажды, поздним вечером, в дом — вальяжный, красивый, благоухающий дорогим парфюмом и коньяком, — и прошел прямиком на кухню.

Александра сидела там, уютно устроившись в кресле с книгой в руках, и наслаждалась одиночеством. Тошка, вопреки обыкновению, оставил свою хозяйку и бегал где-то в лесу, Анфиса мирно спала на облюбованном стуле, и тишину дома ничто не нарушало.

— Ух, ты… Кто это тут у нас? — уставился на Александру Оборский. — А, недотрога… Ну, здравствуй…

Расстегнутое пальто криво сидело на плечах мужчины, волосы были растрепаны, тяжелый мутный взгляд остановился на Саше и приковал ее к месту. Девушка боялась пошевелиться. Такой Оборский пугал ее до дрожи.

— Здравствуйте, Глеб Александрович, — обреченно ответила она.

Мужчина подошел вплотную к креслу и опустил руки на подлокотники, поймав Сашу в ловушку.

— Скучала? — он наклонился к девушке, обдавая ее горячим дыханием и запахом спиртного.

Александра испуганно вжалась в спинку кресла. Она понимала, что ни в коем случае не должна показывать свой страх, но ничего не могла с собой поделать.

— А, вот, я скучал, — не обратил внимания на ее молчание Глеб, — очень скучал…

Он наклонился ближе и шумно втянул воздух, проводя носом по лицу и волосам Саши.

— Сладкая… — отрывисто шептал он, — такая нежная и сладкая… Всю душу мне вымотала… Спать не могу, жить не могу…Откуда ты только взялась?..

Оборский говорил все бессвязнее, а потом, одним резким движением, подхватил Александру на руки и понес вон из кухни.

Девушка, онемев от ужаса, попыталась вырваться, но… Хозяин не обращал внимания на безмолвное сопротивление. Он сжимал ее все крепче, заставляя кричать от боли и страха. Саша почувствовала, как к горлу подступает тошнота и вцепилась зубами в удерживающую ее руку, но мужчина даже не заметил этого. Легко взбежав на второй этаж, он, ударом ноги, распахнул

дверь своей спальни и кинул девушку на кровать. Александра попыталась вскочить, но ничего у нее не вышло. Оборский, молниеносно сбросив пальто и рубашку, навалился на нее, впечатывая в матрас своим мощным телом.

А дальше начался ад. От ее одежды не осталось ничего — Глеб одним движением разорвал форменное платье и принялся откидывать в сторону его остатки. Крики и мольбы только распаляли обезумевшего мужчину, а попытки Саши вырваться лишь ухудшали положение.

— Что, им, значит, можно? Только со мной ты в недотрогу играешь? Только я для тебя недостаточно хорош? Да? А чем я хуже? Ну? — Оборский в ярости тряс девушку, не замечая, что делает ей больно, и впадая во все большее неистовство.

Саша плакала от боли и страха и не могла понять, чем вызвала ярость и гнев этого пьяного чудовища.

— Глеб Александрович, пожалуйста, не надо, — рыдала девушка. Она не могла поверить, что все это происходит наяву, — не надо, вы ведь не такой…

Саша не понимала, что творится вокруг, ей мерещились невозможные вещи… Лицо Оборского менялось, клыки удлинились, яркая желтизна затопила глаза горячим сплавом, хищный оскал исказил совершенные черты… А когда Саша почувствовала величину его желания, паника накрыла ее окончательно, и девушка потеряла последние остатки надежды. Она сильнее забилась в руках мужчины, чем вызвала еще больший гнев своего мучителя, заставив того глухо зарычать. Он грубо развел ее ноги своим коленом и, спустя минуту, Саша почувствовала ослепляющую боль.

Дальше все слилось для Александры в сплошной кошмар. Резкие, напористые движения, хриплые стоны, глухой рык… Глеб вколачивался в нее все сильнее, неистовее, ломая и подстраивая под себя, и эта пытка длилась и длилась… Бесконечно… Саша искусала все губы, сорвала голос от крика, но мучитель не останавливался. Он наращивал темп, вбиваясь в беззащитное тело и не обращая внимания на растекающееся на белоснежных простынях алое пятно. А потом, когда Саша уже совершенно обессилила, мужчина утробно зарычал, и ее выгнуло от острой вспышки внутри и ослепляющей боли в основании шеи. Александра, опухшими от слез глазами, посмотрела на Глеба и поняла, что сходит с ума. То, что она увидела… Этого просто не могло быть…

У мужчины, лежащего на ней, сквозь хищный оскал, виднелись окровавленные клыки, волосы на его груди стали гуще, темнее, а внизу спины отчетливо пробивался пушистый черный

хвост. Это стало последней каплей для ее измученного сознания. Девушка плавно соскользнула в темноту…Очнулась она нескоро. Открыв глаза, Саша поняла, что все произошедшее — не сон. Рядом, придавив ее тяжелой рукой, лежал Оборский. Он беспокойно ворочался и что-то бессвязно бормотал во сне. Александра с отвращением смотрела на своего мучителя.

«Ненавижу…» — отчетливо отдавалось внутри. Она попыталась осторожно выбраться из-под удерживающей ее руки. Несколько бесплодных попыток и… у нее получилось. Девушка, потихоньку, задерживая дыхание от боли, сползла с постели и побрела к двери. Коридор был пуст, тусклое бра почти не давало света, по стенам метались испуганные тени. Саша осторожно осмотрелась и пошла к лестнице. Ноги едва держали ее, в голове стоял какой-то шум, руки дрожали, а разум отказывался верить в произошедшее. Нет. Этого не могло случиться. Только не Глеб. Только не с ней…Низ живота противно ныл, во рту пересохло, тошнота подкатывала к горлу. Сцепив зубы, чтобы не стонать, Александра медленно спустилась с лестницы. Двигаться заставляла только одна мысль: — «Бежать… Как можно дальше…»

Каждый шаг доставлял боль, но девушка, все же, доковыляла до своей комнаты. Тошка испуганно уставился на нее, а потом подошел и ткнулся холодным носом в ее колени.

— Отойди, Тош, — слабо попросила Саша. Волк, вглядевшись в ее глаза, тихо отошел в сторону.

Первым делом, она зашла в ванную и долго смывала с себя следы случившегося, не обращая внимания на боль. Александре казалось, что ей никогда не отмыться от произошедшего, что тело предало ее, поддавшись Оборскому. Случайный взгляд в зеркало заставил девушку окаменеть — там отражалась страшная незнакомка.

Красные опухшие глаза, потрескавшиеся искусанные губы, бледное лицо, наливающиеся синевой пятна по всему телу и пламенеющий алым след от зубов Глеба на белоснежной коже шеи. Александра вздрогнула, наткнувшись глазами на эту метку. Ее затошнило от воспоминаний — безумное лицо Оборского, внезапно удлинившиеся клыки, хищный оскал и… боль… Всхлипнув, Саша отвернулась от зеркала и, замотавшись в полотенце, вышла из ванной. Нужно было торопиться.

Она насухо вытерлась, выпила таблетку обезболивающего и быстро оделась. Девушке казалось, что кто-то другой действует вместо нее.

Саша машинально двигалась, собиралась, а в голове была только одна мысль — все это неправда. С ней не могло случиться подобного. Ей все привиделось…

Тошка, настороженно наблюдая за хозяйкой, тихонько подвывал. Кинув в сумку документы и деньги,

Саша еле слышно позвала:

— Тошенька, пойдем. Только не шуми.

Волк понятливо шагнул за ней из комнаты.

Осторожно оглядываясь, Александра покинула дом, надеясь никогда больше сюда не возвращаться.

Снег, падающий крупными хлопьями, заметал следы беглецов, и вскоре, силуэты девушки и волка растворились в заснеженном лесу.

Оборский медленно выходил из тяжелого сна. Он открыл глаза и тут же, застонав, снова закрыл их — простое, привычное действие вызывало боль.

Глеб попробовал приподняться и с удивлением понял, что ему что-то мешает. Оглядевшись, замер в недоумении. Он, почему-то, спал одетым, причем, расстегнутые брюки болтались где-то в районе щиколоток. Простыни были смяты и покрыты бурыми пятнами, а в комнате витал тяжелый запах страсти и страха. Едкого, пробирающего до костей страха…

«Нет… Не может быть… Это сон…» — потрясенно прошептал Оборский.

Он рывком поднялся с кровати, скинув с ног мешающиеся брюки, и прошел в ванную. В зеркале отразился помятый незнакомец, с пробивающейся щетиной и разводами крови вокруг губ.

«Не может быть… Только не так…» — неверяще выговорил мужчина. Сердце отозвалось лавиной страха и холода. Глеба медленно накрывало осознание совершенного.

Опустив глаза, он пошатнулся — засохшая кровь. Там, где ее быть никак не должно… Хриплый вой заставил дом содрогнуться. Его единственная, его пара…

Через несколько минут в ванную вломился Метельский.

Вид страшного, обезумевшего Оборского, заставил вздрогнуть даже видавшего виды Алекса.

— Глеб, что? — закричал он и осекся, увидев нечеловеческие глаза друга, повернувшегося на его голос.

— Где она? — Оборский вперил в Алексея безумный взгляд. — Ты ее видел? Она… жива?

— Не знаю. Александра не выходит из комнаты. Я только приехал, еще ничего не понял — Саши нет, охранники говорят, что не знают, где она…

Друг, не дослушав его, сорвался с места.

— Глеб, накинь хоть что-нибудь, — крикнул вслед Алексей.

Схватив халат, Оборский на бегу попытался попасть в рукава.

Не получилось. Чертыхнувшись, мужчина обвязал одеяние вокруг бедер и рванул вниз.

Через несколько минут он был в комнате домработницы. Влетевший следом за ним Алекс увидел, как друг безжизненно обводит глазами пустое помещение. Саши здесь давно уже не было. Рассыпанные на постели лекарства приковали к себе взгляд хозяина усадьбы, и зарождающееся в глубине его гортани рычание переросло в тоскливый вой.

— Глеб, перестань, мы найдем ее! — тряс друга Метельский. — объясни толком, что произошло?!

— Я не знаю, — безнадежно просипел Оборский, — кажется, я совершил самое страшное, что только мог…

— А если понятнее? — взорвался Алекс.

— Саша… Она моя пара…

— Но ведь этого не может быть, — неверяще протянул Метельский, — так не бывает…

— Оказалось — бывает.

— И что ты сделал? — уже догадываясь, что услышит в ответ, спросил Алексей.

— Я ее… Я не знаю, как это произошло!.. Я не мог опуститься до насилия…

— Но ты это сделал, — с ужасом, посмотрел на друга Метельский.

— Алекс, клянусь, я не знаю, как это могло произойти. Я, вообще, не собирался вчера сюда ехать… Просто, затмение какое-то…

Оборский сжал руками пульсирующую болью голову. Он не мог понять, как дошел до такого неприкрытого зверства. Да, еще и по отношению к той единственной, которую должен был защищать ценой собственной жизни.

— Саша не могла далеко уйти, посмотри, что творится, — прервал его размышления Алексей.

Глеб кинул взгляд в темноту за окном, на неутихающий буран, и обернулся к другу.

— Она не дойдет.

Непрекращающаяся с ночи метель погребла под сугробами все дороги, заметая следы беглянки.

— С ней волк, — не согласился Метельский, — у нее есть шанс.

— Собирай ребят, будем искать, — принял решение Оборский.

— Иду. А ты не сходи с ума. Найдем — будешь думать, как все исправить.

Саша брела уже бесконечно долго. Девушка потеряла счет

времени и не знала, как давно покинула ненавистную усадьбу. Сколько она идет так? Час?.. Два?.. Три?… Или больше?.. Снег забивался за воротник, слепил глаза, ветер кидал злые пригоршни жалящих льдинок прямо в лицо, обжигая распухшие губы. Сил оставалось все меньше. Тошка шел рядом, помогая преодолевать подступающее отчаяние. Саша давно уже поняла, что заблудилась. Она старалась выйти к дороге, но белоснежная круговерть не давала ей шанса, обманывая и сбивая с пути. Бредя по колено в снегу, девушка с ужасом понимала, что не дойдет. Силы покидали ее, с каждым пройденным шагом; боль, притупленная лекарствами, вернулась, и теперь, нарастала все сильнее, разъедая внутренности, словно едкая кислота. Тело наливалось нехорошим жаром, переходящим в озноб.

Ее преследовали неотвязные мысли. За что? Что она сделала не так? Почему Глеб накинулся на нее? И правда ли то, что она увидела, или это плод ее больного воображения?

Тот звериный оскал и померещившийся хвост… Это все, действительно, было, или она попросту сошла с ума? Пульсирующая боль заставляла поверить, что все произошло с ней на самом деле, но разум отказывался принимать безумные факты. Ей хотелось спрятаться, забыться, вернуть время вспять… А больше всего, хотелось оказаться как можно дальше отсюда. От старого особняка, от его странных обитателей и… от безумного хозяина таинственной усадьбы…

Александра держалась за волка, почти повиснув на нем, и с трудом переставляла ноги. Шаг, еще один… «Ну, же… Давай, ты сможешь…» А потом, в глазах у нее потемнело, и она рухнула в снег, чуть не придавив собой Тошку. Щиколотка противно хрустнула, заставив девушку застонать от боли, но последние остатки сил покинули беглянку, и Александра погрузилась в спасительную темноту. Волк отчаянно взвыл, попытался подтолкнуть Сашу, заставить ее встать, но ничего не вышло — девушка была без сознания. Хрупкое тело, сломанной куклой, лежало на ледяном покрывале, и разметавшиеся волосы, рыжим сполохом, выделялись на белом снегу. Волк опустился рядом с хозяйкой и тесно прижался к ней, пытаясь защитить от холода. Он покорно принял свою участь — быть рядом с Сашей до конца.

Метель, заметающая все вокруг, медленно укрывала два неподвижных тела… «Спи… Все пройдет…Тебе больше не будет больно… — слышалось в завывании ветра, — все пустое… Все забудется…»

* * *

К Саше медленно возвращалось сознание. Ей мерещился волчий вой, чьи-то голоса, шаги, крики…

Она чувствовала, как ее оторвали от земли и куда-то несут, но сил открыть глаза не было.

— Алекс, звони Борису, скажи, что мы нашли ее, — слышался прежде такой любимый, а теперь столь ненавистный голос, — Илья, подготовь комнату и помоги Бору.

В ответ раздавались какие-то неясные возгласы, шум, крики…

Саша понимала, что кто-то несет ее на руках, но не смогла пошевелиться и снова провалилась в беспамятство.

* * *

Глеб третьи сутки сидел у постели так и не приходящей в сознание Саши. Он осунулся, зарос жесткой щетиной, практически не спал и ничего не ел. Несмотря на уговоры Алексея, Оборский отказывался покидать свой пост.

— Глеб, так нельзя, — пытался убедить его друг, — ты ей ничем не поможешь. Иди, отдохни немного.

— Алекс, уйди, — безжизненно отвечал мужчина.

— Что толку, что ты сидишь здесь? Она все равно ничего не чувствует.

Тяжелый взгляд переместился на Метельского.

— Ладно, ладно, ухожу. Хочешь себя угробить — твое дело, — недовольно поморщился Алексей.

Глаза Оборского снова вернулись к лежащей на постели Саше.

Девушка бредила. Раздающиеся в тишине комнаты хриплые стоны и еле различимый шепот выворачивали мужчине всю душу.

«Нет, пожалуйста, не надо… Я не хочу… Пожалуйста…» — эти чуть слышные слова сводили Оборского с ума. Он медленно горел в своем персональном аду. Видения той злополучной ночи, с каждым днем, всплывали все отчетливее. Память услужливо подкидывала разрозненные прежде картинки произошедшего.

Вот, он подхватывает сопротивляющуюся девушку на руки, вот, разрывает ее платье, а вот, уже впивается в беззащитную плоть… Красная пелена застилает глаза, терзает душу, заставляя сломать, подчинить, покорить проклятую недотрогу…

Глеб стиснул руками тяжелую голову. Он не мог понять, как сотворил подобное зверство. Альфа одного из самых влиятельных кланов оборотней и представить не мог, что способен взять девушку силой. Обычно, представительницы слабого пола сами вешались ему на шею. И человеческие женщины, и волчицы.

Заигрывали с ним, предлагали себя. Кто-то открыто, кто-то завуалированно… но он всегда чувствовал их желание… А здесь…

Глеб не мог понять, что на него нашло. Он помнил, как сидел в баре с Константином, как они пили… потом, друг заговорил об Алине, намекнул, что та без ума от Оборского… Спрашивал, когда ждать свадьбу… А дальше…провал…

Мужчина помнил, что куда-то едет, потом видит Сашу… ее испуганные глаза… Ее страх и отвращение… Вот, это тогда и добило — отвращение в ее взгляде… Его накрыла вязкая пелена и захотелось только одного — наказать, сломать, заклеймить… Он опустился до насилия…

…— Ненавижу… Не смейте… — раздавался хриплый шепот с кровати.

Вошедший в комнату Борис Нелидов — личный врач и дядя Оборского — бросил неприязненный взгляд на племянника и прошел к своей пациентке. Он поменял препарат в системе, поправил иглу, и мерный стук капель вновь нарушил гнетущую тишину комнаты. Для обостренного восприятия оборотня не слышный обычным человеческим ухом звук отзывался страшным набатом.

— Шел бы ты отсюда, — сдержанно посоветовал Борис Оборскому, — ей твое присутствие ничем не поможет. Скорее, наоборот.

— Бор, хоть ты не начинай, — устало посмотрел на него Глеб.

— Извини, но все это выше моего разумения, — недовольно нахмурился врач, — как ты умудрился дойти до такого? Не понимаю…

Не понимал не один Нелидов. Все обитатели усадьбы излучали молчаливое неодобрение. Глеб видел застывшее в их глазах недоумение и осуждение. Игорь, вообще, отказывался с ним разговаривать, и Оборский, впервые в жизни, не стал применять свою силу, чтобы привести членов стаи к покорности. Он понимал своих волков. За то преступление, что он совершил, самым легким наказанием было изгнание из клана. А тут… Сам альфа, вожак, всесильный Глеб Александрович, нарушил закон. Кто будет его судить и наказывать? Да, и найдется ли для Оборского худшее наказание, чем то, которое он обеспечил себе сам? Совершить насилие над своей парой… Для волка не может быть ничего страшнее. Еще бы! Каково это, чувствовать все эмоции своей половины, если они состоят из боли и ненависти к насильнику? При том, что насильником являешься именно ты. А зверь внутри требует наказать обидчика, вступиться за свою любимую. И что? Кого наказывать? Самого себя? Так и с ума

сойти недолго…

Глеб тряхнул тяжелой головой.

— Бор, почему она не приходит в себя?

Врач, считающий пульс девушки, молча покачал головой, прося не мешать.

— Ей хуже? — не мог удержаться Оборский.

— Нет, не хуже, — ответил Нелидов, опуская руку Саши, — это ее способ ухода от реальности. Меня больше волнует продолжающееся воспаление. Все-таки, надо было везти Александру в клинику.

— Нет, — сжав зубы, прорычал Глеб.

— Уймись, — грубо прикрикнул на него Борис, — совсем с ума сошел. Еще на меня порычи! Всыпать бы тебе… Ладно, будем лечить здесь, а дальше посмотрим.

Откинув одеяло, врач приподнял на девушке тонкую сорочку, собираясь прослушать легкие.

— Не смотри на меня так, — не оборачиваясь, произнес он.

Оборский тяжело перевел дыхание. Все внутри просто взвыло, когда чужие руки прикоснулись к его женщине. А потом нахлынул стыд. Багровые синяки, украшающие «его женщину», заставляли в ужасе отводить глаза от истерзанного тела.

«Сам. Своими руками… Ненавижу…» — раздирало внутри.

Каждый раз, когда приходилось переодевать Сашу, его начинало колотить при виде оставленных им следов. Тело, которое он должен был беречь и лелеять, познало лишь боль его безумия.

— Выйди, — отрывисто бросил Борис.

Глеб упрямо набычился.

— Уйди, пока я тебя не убил прямо здесь, — сердито проговорил Нелидов, сверкая разгневанными глазами. Всякий раз, при взгляде на страшные синяки Александры, ему хотелось лично кастрировать непобедимого альфу.

Глава 12

Шел вечер восьмого дня Сашиной болезни. Девушка так и не пришла в себя. Оборский сидел в кресле у ее постели и, не отрываясь, смотрел на бледное лицо своей пары. Само это слово — пара, звучало для него странно. Столько лет, столько усилий, столько бесплодных попыток… Когда подошел его столетний рубеж, Глеб понял, что надежда на семейное счастье становится эфемерной. Он объездил все страны, побывал с визитами в разных кланах, но, увы… Единственной не было нигде.

Последние пять лет Оборский не прекращал поисков. Его последним упованием был уединенный клан канадских оборотней. Старый друг отца, Родерик Клейтон, глава Белой стаи, с радостью встретил Глеба, предлагая свое гостеприимство. И именно он, в конце концов, посоветовал мужчине прекратить поиски.

— Если судьбе будет угодно, она сама сведет тебя с твоей парой, — убеждал его Род.

— А если нет?

— А если нет… Найдешь себе подходящую волчицу, женишься по закону луны и будешь жить дальше.

— Родерик, а дети?

— Не всем выпадает счастье подержать на руках своих отпрысков, не всем дано наблюдать за их взрослением и первым оборотом. Это наша беда, и это же благо для людей. Судьба любит равновесие. Сила и долголетие оборотней оборачиваются их же проклятием…

Много подобных разговоров звучало в уединенном лесном клане. Полгода прожил у радушных белых волков Оборский. А когда вернулся домой…

…Саша застонала и стала метаться по постели.

— Тихо, все хорошо, — шептал мужчина, пытаясь удержать Александру. Та обмякла в его руках, задышала ровнее, сжатые кулаки расслабились, и она прерывисто вздохнула. Глеб, поправляя ее сбившуюся сорочку, неожиданно пораженно замер. Не веря себе, положил руку на Сашин живот и несколько минут напряженно вслушивался во что-то. А потом, на его лице появилась несмелая, недоверчивая улыбка.

«Не может быть!» — у мужчины сбилось дыхание. Он с благоговением смотрел на девушку и неверяще прикасался к легкой ткани сорочки. Тонкий импульс зародившейся жизни слабо вибрировал в теле Александры… Дети. Двое.

По щекам Оборского потекли первые в его долгой жизни

слезы.

Саша с трудом выходила из забытья. Она пыталась открыть глаза, но что-то мешало. Веки казались тяжелыми, неподъемными, чужими. Полежав еще немного, девушка все же смогла взглянуть прямо перед собой. И тут же поспешила отвернуться, наткнувшись на взгляд сидящего напротив мужчины. А потом ее накрыло волной паники — «Глеб! Снова он!». Саша попыталась вскочить, но у нее ничего не вышло: тело не слушалось ее, в руке резко кольнуло, и девушка почувствовала, как по коже потекла какая-то жидкость.

— Тише, Саша, тебе нельзя вставать, — снова этот ненавистный голос и сильные руки, пытающиеся ее удержать. Александра в ужасе вскрикнула и стала отползать от своего мучителя. Правая нога не подчинялась хозяйке, руку саднило, а в теле разливалась тупая боль.

— Все, не надо, успокойся, — тихо шептал мужчина, — я не причиню тебе вреда.

И тут Саша не выдержала. Она открыла глаза, посмотрев своему страху прямо в лицо и еле слышно просипела:

— Ненавижу! Отпустите меня… вы… чудовище! — она закашлялась, и попыталась сдвинуться дальше, к краю постели, но капельница, стоящая рядом с кроватью, накренилась и стала падать на испуганную девушку.

Оборский, громко позвав Бориса, старался успокоить Александру, но та дрожала и непроизвольно пыталась сжаться в комок, закрываясь исхудавшими руками.

— Саша, перестань, я не буду к тебе прикасаться, — растеряно проговорил мужчина. Он не знал что делать. Вид испуганно шарахающейся от него девушки приводил его в отчаяние.

— Выйди. Немедленно! — приказал вошедший в комнату Нелидов.

Глеб неохотно подчинился. Его самого колотила крупная дрожь. Все, что испытывала сейчас Саша, обрушилось на мужчину шквалом эмоций, преобладающими среди которых были страх и ненависть. Их связь транслировала Оборскому столько боли, что сильного оборотня сгинало пополам, корежило и ломало, окуная в пучину отчаяния.

Она не простит. Никогда. Глеб четко понял это, едва Александра пришла в себя. Вся лавина ее ужаса накрыла Оборского, стоило только коснуться открывшейся связи. Раздавленный и уничтоженный он опустился на пол. Тошка, который день дежурящий у заветной двери, подполз к мужчине и положил морду ему на колени.

— Что, друг, и тебе хреново? — через силу, выговорил Глеб.

Тоха тоскливо завыл.

— Ничего, она скоро поправится, и все будет хорошо, — непонятно кого, утешая — себя или волка — тихо выговорил Оборский..

А в комнате, Борис пытался успокоить Александру.

— Саша, я — ваш лечащий врач, Борис Анатольевич Нелидов, — первым делом, представился он.

Девушка настороженно смотрела на пожилого мужчину. Коротко стриженные седые волосы, уютные морщинки в уголках глаз, добрый, немного усталый взгляд…

— Что со мной? — тихо спросила Саша.

— Вы очень долго пролежали в снегу, и теперь мы боремся с последствиями переохлаждения, — спокойно ответил врач, — у вас пневмония. А также, вывих правой лодыжки и общее истощение. Чудо, что обошлось без обморожений, — Нелидов немного помолчал, видимо, дожидаясь, чтобы пациентка усвоила информацию и продолжил: — Теперь, когда вы пришли в себя, я очень надеюсь на вашу помощь. Чтобы победить болезнь, нам нужно будет побороться. Вы должны хорошо кушать, принимать лекарства и не волноваться. Договорились?

Александра недоверчиво смотрела на врача.

— Ну, вот и славно, — улыбнулся Борис Анатольевич.

— Доктор, а где мой волк?

— А, ваш защитник? Сидит под дверью. Уж сколько дней никуда не отходит. Пришлось миску для еды переставлять поближе к вашей комнате.

— С ним… Он нормально себя чувствует?

— А что ему сделается? Тоскует, правда, сильно. Все к вам просится.

— Доктор, можно?.. — Саша умоляюще посмотрела на Бориса Анатольевича.

Тот молча пошел к двери и, открыв ее, запустил Тоху в комнату.

Серый ураган влетел в спальню и понесся к Саше. Прыгнув девушке на грудь, волк принялся вылизывать ее лицо, счастливо поскуливая и подпрыгивая от избытка чувств. Александра, вцепившись в густую шерсть волка, обняла его и беззвучно заплакала.

— Тошенька, родной, — шептала она, зарываясь в мягкую шкуру.

Волк не знал, как выразить свою радость. Он прыгал, стараясь лизнуть хозяйку, и взвизгивал, как щенок.

Нелидов с улыбкой наблюдал за этой сценой.

Оборский с завистью смотрел в приоткрытую дверь. Он видел, как Саша обнимает лохматого любимца, и его зверь тоскливо выл внутри, стремясь к своей половине, желая получить такую же ласку, зарыться в ее колени, почувствовать тепло желанного тела…

— Саша, я позову медсестру, она поможет вам переодеться, — негромко произнес Борис Анатольевич и покинул спальню, оставив девушку наедине с волком. Старый врач понимал, что им нужно побыть вдвоем.

Спустя некоторое время, в комнату неслышно вошла приятная женщина средних лет. Строгие черты лица смягчала добрая улыбка, собранные в пучок темно-русые волосы непослушными завитками выбивались из-под шпилек, простое серое платье отлично сидело на ее подтянутой фигуре.

— Здравствуйте, Александра Павловна, — поздоровалась медсестра, — Меня зовут Татьяна, и я здесь для того, чтобы помогать вам.

Женщина положила на кровать свежую сорочку и халатик.

— Давайте-ка, мы вас переоденем, — предложила она и спокойно посмотрела на Сашу.

Девушка ответила настороженным взглядом.

— А хотите, я пока схожу за едой, а вы сами переоденетесь? — правильно оценила ее недоверие Татьяна.

Александра кивнула, мечтая остаться в одиночестве.

— Ну, и замечательно, — улыбнулась медсестра, — я вернусь минут через пятнадцать. И не одна, а с куриным бульончиком.

Она вышла из спальни, а девушка быстро огляделась вокруг. В ее комнате многое изменилось. Возле кровати появилось новое кресло, окна прикрывали плотные жалюзи, постельное белье было из дорогого сатина с вышивкой, а на тумбочке стояли многочисленные склянки с лекарствами. Это не считая высящейся возле постели капельницы.

Интересно, сколько прошло времени со дня ее побега? Саша дотянулась до телефона. Разумеется, он давно сел без подзарядки.

— Тош, сколько же я тут провалялась? — посмотрела она на волка.

Тоха преданно заглядывал хозяйке в глаза и скулил.

Кое-как, преодолевая слабость, Александра переоделась и, со вздохом облегчения, откинулась на подушки. Ее хватило лишь на это простое действие. Татьяна, принесшая бульон, увидела, что подопечная заснула, и грустно улыбнулась.

— Спи, девочка, набирайся сил, — еле слышно прошептала женщина, — они тебе еще пригодятся.

Все в усадьбе уже знали, что Саша — пара Оборского, и что она понесла от него.

— Игорь, не сходи с ума, — уговаривал друга Денис, — Кто ты и кто Оборский! Тебе против него не устоять и секунды!

— Я не могу, Дэн! Как ты не понимаешь? Я люблю Сашу, Глеб причинил ей боль, а мы трусливо молчим. Ты осознаешь, насколько это подло? Если бы мы вступились за нее той ночью…

— Как мы могли?

— Ненавижу его, ненавижу себя за трусость, ненавижу всех вас…

— Ну, и что ты можешь сделать?

— Он должен ответить за содеянное.

— Ты ненормальный! У тебя нет ни одного шанса против альфы!

— А мне все равно!

— Я ж говорю — сумасшедший! — в сердцах, сплюнул Денис…

Вечером того же дня, на опушке леса состоялся бой — Игорь вызвал своего вожака на поединок. Оборский спокойно принял вызов, понимая, какие чувства испытывает охранник, правда, внутри противно зудела мысль, что на его женщину претендует кто-то еще, но Глеб постарался заглушить ее. Что говорить, он был, отчасти, даже рад возможности подраться. И намеревался не применять силу альфы, чтобы бой продлился подольше.

После захода солнца, на лесной опушке собрались все обитатели усадьбы. Большая поляна была словно специально создана для подобных сборищ, и сейчас, молчаливые мужчины с напряжением ждали схватки. Они понимали, что у Игоря нет шансов, но, в глубине души, уважали за смелость и были на его стороне.

Противники, перекинувшись, медленно обходили поляну по кругу. Рыжевато-бурый волк хищно скалился и выжидал удобный для нападения момент, а его противник, огромный черный зверь, спокойно смотрел на глупого смельчака блестящими янтарными глазами. Он не торопился вступать в бой, давая сопернику время одуматься.

Наконец, не выдержав ожидания, бурый кинулся на своего альфу.

Удар мощной лапы — и нападавший, скуля, покатился по земле.

Черный волк невозмутимо стоял на прежнем месте.

Еще одна попытка — и снова бурый отлетел в сторону.

А потом, все смешалось. Разъяренный рыжий сумел извернуться и ухватить вожака за бок, вырвав кусок шерсти

вместе с кожей, и сцепившиеся противники покатились по земле.

В клубке тел невозможно было отделить одного от другого. Летящие во все стороны клоки шерсти, рычание и взвизги наполнили поляну; крики и свист стоящих вокруг мужчин, лишь подзадоривали драчунов, а разносящийся в воздухе запах крови, кружил головы, манил, заставлял хищно раздуваться ноздри собравшихся на поляне оборотней.

Через несколько минут все было кончено. Черный волк, отряхнувшись, гордо распрямился и потрусил прочь, а его соперник остался лежать на примятом снегу. Многочисленные раны зияли на его теле, а из прокушенной шеи толчками вытекала кровь.

— Бор, помоги ему, — спустя минуту, распорядился перекинувшийся Оборский, — я не хочу, чтобы этот идиот умер.

Альфа выглядел не лучшим образом. Раны и ссадины покрывали его обнаженное тело, правый глаз заплыл, лицо было покрыто кровью, текущей из рассеченной брови. Да, Игорь знатно отделал своего вожака!

Оборотни молча расступились перед Оборским, и тот, не оглядываясь, направился к дому.

Дни тянулись за днями. Саша медленно шла на поправку. Глеб несколько раз пытался поговорить с ней, но девушка испуганно сжималась и с ненавистью смотрела на мужчину. Видя, как ухудшается ее состояние после визитов Оборского, Борис категорически запретил ему приближаться к Александре. За прошедшее время, Глеб осунулся, похудел, взгляд его янтарных глаз потускнел и погас. Мужчина переселился в комнату напротив Сашиной, и с напряжением следил за всем, что происходило около ее спальни. Он хорошо выучил распорядок дня своей пары, знал, когда ей приносят еду, когда Нелидов осматривает ее и когда Татьяна делает так ненавидимые Сашей уколы… Отныне, все это составляло смысл его жизни. Быть рядом, чувствовать ее эмоции и, хотя бы иногда, тайно, смотреть на нее, любоваться и мечтать о прощении. Глеб с жадностью вглядывался в лицо Александры, пробираясь глубокой ночью в ее комнату. Такая бледненькая, хрупкая, измученная. Синяки под глазами и худоба Саши выворачивали ему душу. Глухой кашель часто сотрясал тело девушки, заставляя Глеба испуганно замирать на месте — он боялся, что Саша проснется и увидит его. Хриплое дыхание Александры вызывало у мужчины панику — почему ей никак не становится лучше? — а незаживающая метка на шее приводила в ужас. Оборский спрашивал Нелидова, но Борис терялся в догадках и не мог объяснить, отчего след от укуса так и не зажил, оставаясь воспаленным и кровоточащим.

— Но, ведь, у нее давно должна была улучшиться регенерация, — недоумевал Оборский, — почему же Саша не поправляется? Почему не проходит это чертово воспаление? И нога без изменений, все так же болит…

Он отчаянно смотрел на своего пожилого родственника, а тот задумчиво разглядывал незнакомого Глеба. Таким Нелидов племянника никогда еще не видел. Черная тоска, снедающая Оборского, отражалась в его глазах, неуверенность, появившаяся в непобедимом альфе, настораживала и внушала опасения, а нежелание покидать свой пост у Сашиной комнаты, могло привести к проблемам. Дела клана были заброшены, все встречи отменялись, Метельский зашивался, решая все в одиночку, а Глеб ни на что не обращал внимания. Казалось, весь смысл его жизни заключался теперь лишь в том, чтобы знать, как спала, что ела и насколько лучше чувствует себя Александра.

В клане потихоньку зрело недовольство. Не должен вожак так надолго бросать дела и устраняться от решения внутриклановых споров. Брожение и разногласия среди членов стаи начинали беспокоить Алекса.

— Глеб, пообщайся с людьми, — уговаривал он своего альфу.

Безразличный взгляд желтых глаз равнодушно остановился на Метельском.

— Твою мать, Оборский, ты совсем свихнулся?! — не выдержал Алексей. — Сколько можно? Поговори ты с Александрой, попроси прощения, объясни ей все, в конце концов.

— Что объяснить? — задумчиво спросил Глеб. — Почему я ее изнасиловал? Или, может быть, рассказать кто мы? Или сказать, что она беременна?.. Что ты предлагаешь мне объяснить ей? А, Алекс?

— Да, хоть что-то! — взорвался невозмутимый, обычно, Метельский. — Все лучше, чем так, как сейчас!

— Да? Так, может, ты и поговоришь с ней? — издевательски поинтересовался Оборский. — Расскажешь, что мы за существа такие… И объяснишь, что отныне она связана со мной. Чудовищем и монстром, как она считает… Давай, попробуй… Или смелости не хватит?

— А, вот, пойду и поговорю! — не выдержал Алекс. — Всяко лучше, чем наблюдать, как ты с ума сходишь.

— Давай-давай… Посмотрим, что у тебя получится… — устало отвернулся от него альфа. Уж он-то лучше других понимал, что ничего бета не добьется. Волна ненависти и страха, которую Глеб ощущал в Сашиной душе, не стала меньше. Наоборот. Он улавливал решимость девушки не сдаваться и попытаться вырваться из окружающего ада. И Оборский не мог ее

за это винить. Мужчина прикрыл глаза, не обращая внимания на Метельского. Пусть друг попробует… Все равно не поможет…

Вечером того же дня, Алекс зашел к Саше.

Девушка сидела в кресле, равнодушно глядя прямо перед собой. В ногах у нее устроился Тошка. Он лениво приподнял морду на звук скрипнувшей двери и настороженно принюхался. Увидев входящего Метельского, волк тоскливо посмотрел на него и перевел взгляд на хозяйку.

Александра не обратила на Алексея никакого внимания. В последнее время, это было ее привычным состоянием — ни с кем не разговаривать и ни чем не интересоваться. Лишь изредка, она отвечала на вопросы Нелидова, да, перекидывалась парой слов с Татьяной. Метельский присел на стул у окна.

— Саша, нам нужно поговорить, — начал он.

Девушка молчала.

— О будущем, — многозначительно продолжил мужчина.

Александра повернулась к нему, и Алекса поразили ее безжизненные глаза.

— Кто вы? — спокойно спросила она. Метельский испуганно замер.

— Саш, ты что? — потрясенно выговорил он. — Я — Алекс, вернее, Алексей Николаевич. Ты помнишь?

— Я спрашиваю о другом, — бесстрастно ответила девушка, — что вы за существа? Вы, Оборский, охранники… ну, и, вероятно, врач с медсестрой…

— Об этом я и хотел поговорить, — вздохнул мужчина, кинув на Сашу непонятный взгляд. Немного помолчал, собираясь с мыслями, а потом, принялся рассказывать…

Много нового узнала Александра об окружающем ее мире. Никогда в жизни, она и представить себе не могла, что древние сказки оживут и окажутся реальностью. Страшной, пугающей реальностью. Мир оборотней оказался не выдумкой, не мифом, а хорошо завуалированной правдой. На протяжении столетий, волки скрывали свою суть, маскируясь под обычных людей. Век за веком, жили они бок о бок с человеческой расой, умело прячась, и не обнаруживая свою вторую сущность.

В мире сейчас существовало около шестидесяти кланов оборотней. Один из самых многочисленных обосновался в Америке. Несколько крупных кланов делили территорию нынешней России, немногочисленные европейские — распространялись по территории Франции, Германии и Румынии, остальные были раскиданы по странам Азии и в Канаде.

Алекс рассказывал, а Саша представляла этих оборотней, умело притворяющихся людьми, живущих среди простых

обывателей, использующих свои способности в бизнесе и политике…

Ее привычный мир уже давно обрушился, а сейчас, он, наконец-то, обретал хоть какое-то подобие равновесия. Девушка радовалась, что она не сумасшедшая, что все, привидевшееся ей той ночью, имеет свое объяснение. Она внимательно слушала мужчину, делая свои выводы и пытаясь понять, чем грозит ей открывшаяся правда.

Когда Метельский перешел к описанию традиций и обычаев, Саша насторожилась. Ей очень не понравилось то, что она слышала. По словам Алекса, выходило, что волки могут построить настоящую семью с одной единственной, предназначенной им в пару. И, если по достижении столетнего возраста, оборотень так и остается одиноким, то шансы на то, что он обретет свою половину, стремительно уменьшаются и, по истечении последующих десяти лет, ему разрешается вступить в брак с любой понравившейся волчицей. Правда, потомства у такой пары не будет. Именно поэтому, оборотни так стремятся найти свою единственную, пересекая страны и континенты, посещая чужие кланы и отдельные стаи. Каждый хочет верить в то, что с ним случится чудо, и он обретет свою пару. Очень осторожно Метельский подбирался к сути своего рассказа. И когда он прямо сказал девушке, что она — пара Оборского, Александра была готова это услышать. Она почти сразу поняла, к чему клонит мужчина. Правда, ее спокойная реакция ничего не меняла. Для себя она все решила — ей было все равно, чем оправдывается поведение Глеба, главное, что он опустился до насилия. Любые россказни про единственную и «неповторимую» не могли поколебать Сашин настрой. Она не собиралась оставаться в этом доме. Или, правильнее сказать — логове?

— Саш, ты пойми, — убеждал ее Алексей, — Глеб никогда не причинит тебе боль. Он просто не сможет этого сделать. Ты для него теперь — самое главное, что есть в его жизни. Да, мы отличаемся от людей, да, такая пара, как у вас — большая редкость, но попробуй поверить Оборскому. Дай ему шанс, и ты узнаешь, что такое счастье. Он будет обожать тебя всю жизнь. А уж детей!

— Каких детей, Алексей Николаевич? Вы с ума сошли? Я не собираюсь рожать отпрысков этому чудовищу. Нет, уж… — девушка возмущенно посмотрела на Метельского.

— А, вот, тут ты ошибаешься, — улыбнулся Алекс, — тебе, все же, придется это сделать.

— Что, он каждый раз будет добиваться близости силой? — с презрением протянула Александра.

— Ему хватило и одного раза, — невозмутимо ответил мужчина, — ты уже беременна.

— Ха-ха, очень смешно, — горько усмехнулась девушка, — придумайте что-нибудь поубедительнее.

— Не веришь? — спокойно отреагировал Метельский. — Спроси у Нелидова. Он подтвердит.

В глазах Саши неверие сменилось потрясением и ужасом.

«Нет, такого просто не может быть! Ну, почему? Почему еще и это?! Я не хочу… Не хочу!»

Девушка застыла, не в силах поверить в то, что все сказанное — правда. Она беременна от монстра… Зашибись… Только этого и не хватало…

А Алекс продолжал уговаривать ее принять случившееся и постараться жить дальше.

— Саша, ты пойми, то, что произошло, это какое-то несчастливое стечение обстоятельств. Глеб очень долго искал свою пару. Все сроки давно вышли, и он отчаялся, а, приехав сюда, не понял, почему его так тянет к тебе. Он — оборотень, ты — человек, между вами никак не могло быть ничего общего, — Метельский ненадолго замолчал, взъерошив волосы, и продолжил: — в легендах есть упоминание о подобных парах, но, вживую, никто с таким не сталкивался. Оборский пытался бороться с собой, не обращать на тебя внимания, не понимая, почему ты так привлекаешь его. А потом, что-то произошло. Мы не знаем, что именно спровоцировало… то, что случилось… но, поверь, он ужасно раскаивается. Дай ему шанс все исправить.

Алекс пристально посмотрел на Сашу и накрыл ее руку своей, стараясь успокоить.

— Не трогайте меня, — дернулась девушка. Ее дыхание сбилось, и Александра согнулась, пытаясь отдышаться.

— Все, хорошо, я уже убираю руку. Вот, видишь? — осторожно отодвинулся от нее мужчина.

Саша испуганно дрожала и судорожно глотала воздух. Паника накрыла девушку, стоило только Метельскому дотронуться до нее. Алексей, сам испугавшись такого эффекта, отстранился подальше. Да, пожалуй, переоценил он свои способности миротворца. Если она от него так шарахается, что уж говорить про альфу! Ему, и вовсе, ничего хорошего не светит…

— Саша, поверь, все не так уж страшно, — попытался успокоить ее мужчина.

— Куда уж страшнее — я беременна от монстра, — криво улыбнулась девушка.

— Ну, зачем ты так? Это же дети, они ни в чем не виноваты, — укоризненно посмотрел на нее Метельский.

— Сколько их? — напряженно спросила Александра.

— Двое, — мягко улыбнулся мужчина, — и они будут тебя любить, помни об этом.

Следующие две недели Саша пыталась осмыслить сказанное Метельским и поверить в свою беременность.

Ее здоровье, наконец-то улучшилось, она уже спокойно наступала на больную ногу, но покинуть комнату так и не решалась. Страх встречи с Оборским преследовал девушку и заставлял сидеть взаперти. Кресло, переставленное к окну, стало ее прибежищем. Мягко падающий снег за окном навевал умиротворение, но Александра не могла успокоиться и почувствовать себя в безопасности. Старые страхи преследовали ее, переплетаясь с новыми кошмарами, и ей было сложно выбраться из мешанины болезненных воспоминаний.

В худенькой, бледной девочке, сидящей у окна, с трудом можно было узнать прежнюю неутомимую Сашу. Измученный взгляд синих глаз настороженно следил за всеми, кто входил в комнату.

* * *

— Саша, поешь. Смотри, какая клубника!

— Я не хочу…

* * *

— Может быть, тебе чего-нибудь хочется? Ты только скажи…

— Нет, спасибо, мне ничего не нужно…

* * *

— Я принес папайю, попробуй, очень вкусно.

— Мне не хочется…

* * *

Подобные диалоги происходили регулярно. Девушка испытывала апатию и почти ничего не ела. Метельский полностью взвалил на себя общение с парой Оборского. Алекс выбивался из сил, пытаясь хоть чем-то заинтересовать Сашу,

заставить ее прийти в себя, начать нормально питаться. То, что девушка мало ела, сильно беспокоило Алексея. Дети нуждались в полноценном питании, а Саша, словно нарочно, проявляла полное равнодушие к своей беременности.

Метельский ощущал себя, по меньшей мере, странно. Он, взрослый, матерый оборотень, изворачивался, как мог, чтобы заставить капризную человеческую девушку съесть хоть кусочек.

Специально выискивал деликатесы, приносил ей всевозможные лакомства и… уговаривал-уговаривал-уговаривал… Легче было проводить переговоры с главами соседних кланов, чем общаться с Александрой. Алексей проклинал Оборского, заварившего всю эту кашу, но не мог подвести своего альфу.

А сам виновник всего произошедшего тихо сходил с ума. Он часто перекидывался и пропадал в лесу, и раздающийся, вслед за этим, тоскливый вой раздирал душу всем обитателям усадьбы. Сутками оборотень не появлялся в особняке, предпочитая оставаться в зверином обличье.

Глеб больше не пытался поговорить с Сашей. Девушка боялась его, вся съеживаясь в присутствии мужчины. Она инстинктивно прикрывалась руками, пытаясь отгородиться от оборотня, и не поднимала на него глаз. Ее ненависть не утихла. Ее желание исчезнуть из этого дома никуда не делось.

Глава 13

Оборский ощущал запах страха, окутывающий Сашу, чувствовал ее неприязнь, и не проходящая, острая боль терзала его душу.

Отчаявшись, он перестал заходить в комнату Александры, хотя это и было мукой — не видеть свою пару.

Сидя одинокими ночами в спальне, Глеб вспоминал, как впервые увидел Сашу.

…Тот вечер, когда он, после долгого отсутствия, попал в свой загородный дом, навсегда врезался в его память.

Глеб подъехал по освещенной дороге к особняку и в недоумении уставился на окружающий ландшафт. Не было больше унылого газона. Кустарники, цветы, вьющийся плющ и дикий виноград заполнили территорию усадьбы. Аромат цветущих растений окутал Оборского, когда он вышел из машины, и что-то дрогнуло у мужчины в груди. Сладкое, утерянное чувство возвращения домой. Глеб встряхнул головой — надо же, какие бредовые мысли! Он давно забыл, что такое дом. За долгие годы существования, Оборский научился равнодушно менять места обитания, не привязываясь к ним. А тут… Нелепые ощущения…Усмехнувшись, он резко открыл входную дверь и вошел в дом. Сонная тишина окутывала особняк, и Глебу, отчего-то, не захотелось нарушать ее. Проведя двое суток за рулем, он испытывал зверское чувство голода, а потому, первым делом, прошел на кухню. Открыв дверцу холодильника, довольно оскалился — здесь было все, что нужно. Вероятно, Ал, все же, нашел домработницу, отвечающую всем его завышенным требованиям.

Многочисленные деликатесы переместились на стол, и Оборский с аппетитом принялся за еду. Мясной рулет был выше всяких похвал! А нежная, сочная буженина… Ммм… божественно…

Глеб как раз доедал последний кусок яблочного пирога, когда на кухне появилась странная парочка — заспанная девушка с растрепавшейся косой и мелкий волчонок.

Огромные синие глазищи незнакомки смотрели на него с гневом.

— Вы что себе позволяете? Вы как здесь оказались?

Девчонка возмущенно таращилась на него, а Оборский не мог вздохнуть. Сладкий, дурманящий запах лишал его воли, туманил сознание, заставляя тревожно биться сердце. Глеб с наслаждением вдыхал нежный аромат, упиваясь его

неповторимостью.

А потом, отрезвляющая мысль заставила мужчину прийти в себя. Idiotie! Девушка — обычный человек… Всего лишь, человек!

Он обозлился на глупую пигалицу, заставившую его поверить в невозможное! Хотелось разорвать ее, попробовать на вкус, заставить стонать и извиваться… Стоп. Куда-то его не туда понесло…

И тут, взгляд Глеба упал на волчонка. Маленький щенок забился в угол и испуганно взирал на матерого хищника. Девушка сказала, что она здесь живет, значит, это ее нанял Алекс на должность домработницы? И волк, судя по всему, тоже ее?

Странно, не похожа она на прислугу. Слишком гордая. Ну, да, ладно, с ней он потом все решит. А с мелким нужно разбираться сразу, иначе будут проблемы. Тяжело придется волчонку в обществе оборотней: начнет взрослеть и может выйти из-под контроля, причинив вред этому синеглазому недоразумению.

А девчонка удивила его, в очередной раз. Когда Оборский попытался подойти к щенку, она закрыла мелкого собой и осмелилась перечить. Ему, Глебу. Да, с ним даже соседние альфы спорить опасались, а тут — стоит рыжая немощь, очами на него сверкает яростно и чуть ли не шипит! Хороша…

Оборскому даже интересно стало, как долго она сможет сопротивляться, и он применил свою силу. Появившиеся в кухне младшие члены клана разрядили накалившуюся обстановку. До девушки, наконец, дошло, с кем она препирается, и эта глупышка решила, что теперь ее уволят.

Уволить?! Ну, уж, нет! Ему было интересно, как быстро строптивица сломается и начнет смотреть на него влюбленными глазами, пытаясь привлечь внимание. Глеб привык к успеху у женщин. Он понимал, как притягателен для них, знал, что устоять перед его силой трудно, и с презрительным снисхождением относился к слабому полу. Годы одиночества сделали свое дело. Он очерствел, а в последнее время, еще и озлобился. Столько поисков, столько усилий… и все напрасно. Свое разочарование Оборский перенес на всех женщин и стал относиться к ним потребительски. Брал то, что хотел, и тут же забывал их лица, фигуры, имена… Тоска…

Сейчас, Глеб предвкушал легкое, необременительное приключение. Пожалуй, с этой малышкой будет интересно позабавиться. Очень хороша… Волнующая, женственная фигура, мягкие контуры бедер, длинные ноги… А эти волосы… И запах… Сладкий, заставляющий забыть обо всем…

Оборский потянулся к ней, но тут, некстати, вспомнил, что Игорь с Николаем все еще переминаются с ноги на ногу за его

спиной и поспешил избавиться от их общества.

— Все свободны, — отрывисто бросил он, собираясь продолжить знакомство со строптивой девчонкой, но та, пользуясь полученным приказом, шустро покинула кухню.

Такая поспешность Оборского не устраивала. Выждав немного, он пошел на ее запах. Угловая спальня. Молодец, удачное решение. Из окна этой комнаты — самый лучший вид на округу. Глеб неслышно открыл дверь и с интересом прислушался к тому, как девушка уговаривает щенка не выть. Куда там! Глупый волчонок пребывал в ужасе от силы альфы и скулил, не прекращая.

Решив позабавиться, Оборский пригрозил выкинуть щенка на улицу. Нет, разумеется, он не собирался вышвыривать бедолагу за порог, все-таки, не настолько жесток. А эта сумасшедшая кинулась собирать вещи, намереваясь уйти вместе со своим питомцем. Балаган!..

Глеб быстро пресек идиотскую затею, а заодно, подчинил волчонка. Все. Теперь глупышке ничего не грозит. И как только догадалась волка приручить?.. Немощь рыжая…

Следующий день принес Оборскому неприятный сюрприз. Эта малявка все еще сопротивляется! Он же видел, как девочка смотрела на его мокрое тело. И глупая простушка смеет утверждать, что ей не понравилось увиденное?! До боли в руках захотелось встряхнуть гордячку за плечи, щелкнуть по носу, напомнить кто она, чтобы не забывалась. Идея с униформой показалась очень удачной.

Однако когда Глеб увидел Сашу в форменном платье, то понял, что мысль переодеть прислугу была не так уж хороша. Вот, кого он, спрашивается, наказал?

Метельский выбрал стандартную модель, но то, как одежда сидела на девушке, превращало простую форму в соблазнительное платье, подчеркивающее высокую грудь, тонкую талию, и приятные округлости бедер.

Оборский мысленно застонал. Если в своих скромных балахонистых тряпках Александра привлекала его, то теперь, он не мог отвести от нее глаз. Робкое, нежное чувство, шевельнувшееся внутри, выбило Глеба из колеи, и он разозлился. С этим фарсом пора было заканчивать. Ничем она не лучше других. Такая же, как все. Стоит поманить, тут же в койку прыгнет.

И он предложил деньги. За совместную ночь. Небрежно смотрел на девушку, а внутри все дрожало в предвкушении. Вот, сейчас, еще немного — она уступит, и он, наконец-то, сможет получить желаемое, а потом изгнать ее из своих мыслей.

Оборский бил служанку словами, пытаясь избавиться от нелепого чувства зависимости…

…Глеб сжал голову руками. Какой же он был идиот! Ну, почему не поверил своему зверю? Почему поддался человеческому снобизму? Как же — он, потомственный дворянин Оборский и какая-то безродная прислуга…

Мужчина застонал — сам все испортил…

Саша грустно смотрела на вьющегося вокруг нее Тошку. Волк звал свою хозяйку на прогулку, нетерпеливо поскуливая и подталкивая ее к лесной дороге. Александра улыбнулась такому энтузиазму. Вот, кто не унывал сам и пытался вытащить из уныния ее! Верный, преданный Тоха… Он почти все время был рядом. Отказывался есть, если не ела Александра, теребил ее, когда она впадала в уныние, не выходил во двор, вынуждая девушку самой выгуливать упрямца, и, постепенно, заставил хозяйку выйти из добровольного затвора. Глядя на своего любимца, Саша потихоньку возвращалась к жизни.

С трудом, но она смогла смириться с тем, что не сможет покинуть усадьбу в ближайшее время. Метельский объяснил, что и беременность, и роды, будут отличаться от обычных, поэтому ей необходим присмотр и помощь врачей из клана. Это он так мягко обозначил не совсем обычных медиков. Ага. Врачи из клана. Милые, добрые, иногда превращающиеся в волков. Нет, ну а что? Как говорится, у каждого свои недостатки. Подумаешь, волки…

Да, за последнее время, Александра свыклась с мыслью, что ее окружают оборотни. Она иронизировала, говорила сама себе, что сбылась ее мечта о сказке — а кто посмел бы сказать, что это не сказка? — и честно признавалась, что так ей легче принять случившееся. Нереальность окружающего мира заставляла спокойнее относиться к тому, что произошло. Ведь, в страшных сказках чего только не случается с глупыми девочками. Правильно?

А что делают героини сказок? Бегут от ужасов и чудовищных монстров, в попытке спасти свою жизнь. Вот, и она убежит. Дождется рождения маленьких оборотней и тогда сможет покинуть это волчье логово.

Саша неприязненно относилась к своей нежданной беременности. Не было в девушке ни капли любви и нежности по отношению к детям Оборского. Она никак не воспринимала их своими. Ей казалось, что таким образом Глеб заявлял на нее права, доказывая, что она принадлежит ему целиком и полностью. Часть его уже поселилась в ее теле и, без спроса, расположилась внутри. При мысли об отце этих детей, девушку привычно охватывала ненависть. Кстати, сам он больше не

пытался подойти к Александре.

Не так давно, Саша нашла в себе силы выйти из того вакуума, в котором жила последний месяц. Она гуляла, дышала воздухом и заставляла себя есть, понимая, что ей понадобятся силы, чтобы убраться отсюда после рождения маленьких оборотней. Александра перестала избегать общения с окружающими. Она отвечала на вопросы Алексея, улыбалась Нелидову, слушала рассказы Татьяны. И только Оборского продолжала игнорировать.

Но тому, казалось, было достаточно, хоть изредка, видеть ее и знать, что она хорошо себя чувствует.

Сашу немного смущало странное выражение глаз хозяина. Гордый, самоуверенный прежде мужчина смотрел на нее, как побитый пес — с тоской и немой преданностью. Что-то внутри нее не выдерживало неправильного зрелища, хотелось стереть с лица Глеба это затравленное выражение. А седая прядь, появившаяся в густой, черной шевелюре Оборского, отзывалась в душе Александры непонятной щемящей жалостью. Проклятый оборотень! Саша ненавидела его, но глупые эмоции, в обход разума, терзали ее сердце, и она начинала ненавидеть заодно и себя. За непозволительную слабость.

Александра, вообще, странно себя чувствовала. То ли беременность была виновата, то ли что-то еще, но то состояние, которое мучило ее раньше, принося с собой жар, томление и нестерпимое желание, вернулось с удесятеренной силой.

Она просыпалась по ночам от собственного стона, срывала с себя ночнушку, не в силах терпеть прикосновение одежды к горящей коже, и не могла найти удобное положение для ставшего таким чувствительным тела.

Метельский догадывался, что с ней происходит, но молчал. Он ждал, когда же Саша не выдержит. Алексей хорошо знал, как сложно проходит беременность у оборотней. То, что Александра была человеком, вряд ли отменяло обычные для волчиц явления. Еще в тот, самый первый раз, когда он ощутил распространяющийся от Саши аромат желания, Алекс заподозрил неладное. Не могла простая человеческая девушка испытывать сходные с оборотнями симптомы. Тогда он решил, что во всем виновато ее одиночество, потому и попытался узнать про Сашиных кавалеров. Ладно еще, что удалось сбить ненужные проблемы повышенными физическими нагрузками. Алексей до сих пор помнил охватившую его панику. При виде ошалевших от Сашиного запаха оборотней, он готов был взвыть. Только неуправляемых самцов ему и не хватало! А все оказалось еще хуже! Это присутствие Оборского вызвало такую реакцию. Пара, чтоб ее!

А сейчас, Саше во много раз хуже, и физическими нагрузками тут не помочь. Скоро она сдастся. Еще ни одна волчица не смогла справиться с яростным желанием, бурлящим в крови во время беременности. Вряд ли простой человеческой девушке удастся долго сопротивляться непреодолимому влечению к своей паре.

Александра мучилась уже месяц, надеясь, что сумеет как-то победить постыдную слабость. Увы… Ничего не получалось. Она страдала от собственного бессилия, но унять жар, снедающий ее изнутри, не могла.

Однажды, Метельский не выдержал. Увидев во дворе Александру, пытающуюся утихомирить прыгающего вокруг нее Тошку, Алексей решился. Слишком измученной выглядела Саша, слишком много сил отбирала у нее борьба с собственным телом. Оборотень вышел из дома и направился к девушке.

— Плохо? — тихо спросил он Александру, подходя к ней вплотную.

— Плохо, — не стала отрицать девушка. Она подняла голову и посмотрела Метельскому прямо в глаза.

— Помнишь, я говорил тебе, что беременность у оборотней отличается от обычной, человеческой?

Саша кивнула.

— Ну, так одно из отличий — повышенное желание, снять которое может лишь отец ребенка. Предупреждаю сразу — долго ты не вытерпишь, так что, лучше не доводить до нежелательных последствий.

— Во-первых, я не оборотень, так что, на меня ваши «правила» не распространяются, а во-вторых, лучше уж сойти с ума самостоятельно, чем с помощью Оборского. Так что — спасибо за попытку помочь, но я постараюсь как-нибудь пережить отсутствие бурной личной жизни, — фыркнула Саша.

— Ну, смотри сама, — усмехнулся Алекс. Он окинул девушку непонятным взглядом, хмыкнул и пошел к дому. Разумеется, еще никто не сошел с ума от повышенного желания, но пережить его было сложно. Хотя, неизвестно, как человеческий организм отреагирует на изменения, происходящие после укуса оборотня. Метельский, как всегда, в момент раздумий, машинально взъерошил волосы. «Вот, же, свалилось на нас все это… Не иначе, издевка судьбы…» — он тряхнул головой и открыл парадную дверь.

«Пусть сами разбираются» — решил мужчина.

Александра смотрела ему вслед, задумчиво накручивая на палец непокорную рыжую прядь. Помог, называется…

Вздохнув, Саша позвала своего волка: — Пойдем Тош, — и парочка отправилась на прогулку. Двое охранников, держа

дистанцию, направились следом.

Глеб с тоской глядел вслед Александре. Девушка вышла, наконец, из своего добровольного затвора и свободно передвигалась по усадьбе. У нее даже хватило ума попытаться вернуться к работе. Видите ли, ей нужно зарабатывать себе на жизнь. Глупышка… Саша не понимала, что, будучи парой Оборского, является хозяйкой не только этого дома, но и всего, что принадлежит Глебу, и уж чего-чего, а денег у нее теперь достаточно. Хорошо, что Алекс успокоил упрямицу, пообещав оплатить сначала больничный, а потом, и декретные, да, и с ипотекой разобрался, оплатив все просроченные взносы и уладив дела с банком. Молодец, догадался, как выкрутиться. Оборский понимал, что девушка не возьмет ни копейки сверх того, на что может рассчитывать по закону.

Глеб устало прислонился к стене и потер переносицу. Анфиса, наблюдавшая за оборотнем со своего любимого места на выступе фронтона, мягко спрыгнула с него и неторопливо направилась к мужчине. Хищные зеленые глаза выразительно посмотрели на Оборского, заставив того поежиться. «Еще одна… Тоже осуждает… Эх, рыжая…»

А кошка неожиданно мяукнула и потерлась о ноги удивленного хозяина усадьбы. «Надо же! Чудеса! Пушистая дикарка признала его достойным внимания. Или жалости…»

Как всегда, утомление накатило внезапно. Старые раны не прошли бесследно, напоминая о себе ноющей болью и резкой слабостью.

«Надо, все-таки, сдаться Борису на обследование. Что-то совсем распустился…» — успел подумать мужчина, теряя сознание, и сполз на землю. Очнулся он через несколько секунд, тут же вскочив на ноги и быстро оглядевшись вокруг. Повезло. Никого. Территория усадьбы выглядела пустой и безжизненной.

«Проклятье! — тихо выругался Оборский, — нашел же время расклеиться!»

А перед глазами мгновенно возникло недавнее прошлое. Кухня. Запах нашатыря. И лицо Саши, в котором не было ни кровиночки.

Уже потом Алекс рассказал ему о неожиданном обмороке девушки, а, в тот момент, Глеб сорвался на Александру из-за боли, которую ощутил при взгляде на нее. Ну, не мог он понять, почему так остро реагирует на свою прислугу! Его раздражало чувство беспомощности перед этой девочкой, пугала зависимость, в которую он впал, убивали ее манящие губы и рвущие душу глазищи.

Глеб вспомнил, как больно защемило сердце, когда, войдя в

дом с повисшей на нем Алиной, он увидел бледное, исхудавшее лицо Александры. Что-то внутри дернулось, заставляя схватить девушку в охапку и прижать к себе, но он со злостью подавил этот неуместный порыв и, наказывая зарвавшуюся, как ему показалось, прислугу, специально подхватил на руки Алину, назвав ее своей невестой.

При этом удовлетворенно отметив, как потухли васильковые глаза, маскируя мелькнувшую в них искорку обиды. Внутри у него все ликовало — он смог поставить наглую выскочку на место! Он сделал это! И, в тот же момент, зверь глухо застонал от боли… Волк, в отличие от человека, чувствовал, кем приходится ему скромная домработница и пытался достучаться до Глеба.

Увы… Мужчина не верил своему второму я, гордо растаптывая презренную слабость по отношению к синеглазому искушению и радуясь свободе от унизительной зависимости. Слепец…

Глеб до сих пор прекрасно помнил свою злобу и ревность, при попытках Константина флиртовать с Сашей. Оборскому хотелось растерзать соперника, вцепиться ему в горло, почувствовать вкус его крови… и наказать дерзкую девчонку, посмевшую улыбаться чужому мужчине. Никогда прежде Глеб не испытывал подобных низменных чувств. Его животная сущность еще ни разу не проявляла себя столь сильно. Мужчина всегда ценил умение владеть собой, невзирая ни на что и редко прибегал к силе оборотня. А теперь…

Он сдержал гнев по отношению к Косте, а вот на Саше отыгрался по полной, избив ее обидными словами, унизив, заставив почувствовать себя ничтожеством. Не сумев понять, почему не испытал от этого должного удовлетворения, и почему внутри поселилась тупая, ноющая боль.

С тех пор, Глеб не находил себе покоя. Александра не обращала на хозяина внимания, обдавая холодным, равнодушным взглядом, а Оборского снедала ревность. Он мучился от понимания, что у нее в городе, наверняка, есть мужчина, который владеет ее телом, ее мыслями, ее душой…

«Моя» — кричал волк, а Глеб не слышал, ослепленный гордыней и уязвленным самолюбием. Еще бы — его отвергла какая-то безродная девчонка!

А потом, была та страшная ночь…

Он не мог понять, что подтолкнуло его приехать в усадьбу. Помнил, как прощался с Костей, собираясь ехать к его сестре, помнил, как садился за руль, думая об Алине, только вот, очнулся, почему-то, около своего загородного дома.

А там, увидев Сашу, задохнулся от сладкого дурмана, утонул

в испуганных васильковых глазах, подался вперед, желая прильнуть к ее полуоткрытым губам, и внезапно, увидев ужас и отвращение в ставших холодными синих озерах, вспомнил, что у нее есть любовник, которому дозволено прикасаться к этому манящему телу, обладать им, наслаждаться близостью… При мысли о неизвестном сопернике, красная пелена накрыла сознание Оборского. В голове всплыли слова — «Вас никак не касается моя личная жизнь», и Глеб потерял рассудок.

Он схватил девушку и понес наверх, в спальню… «Моя! — отзывалось в мозгу. — Подчинить, подмять, заставить…» И он впивался в беззащитное тело, ломал его, подстраивал под себя, а на финальном аккорде, зверь вырвался, отобрав у него власть, и отчаянно заклеймил свою пару.

Глеб помнил потрясение, охватившее его после пробуждения. Он растерзал хрупкую, нежную девушку. Невинную и невиновную ни в чем. Грубо взял ее девственность, превратив первую для Александры ночь с мужчиной в кошмар. Ужас от содеянного до сих пор отзывался внутри лютой стужей.

Оборский снова и снова видел перед собой бредящую Сашу, шепчущую — 'пожалуйста, не надо', и ненависть к самому себе захлестывала и уничтожала его. Мужчина погружался в мучительные воспоминания, и ему казалось, что он, словно наяву, слышит стоны своей любимой. Страшное это слово — любимая. Страшное в своей неизбежности и невозможности.

Спустя какое-то время, Глеб понял, что жалобный стон — не плод его воображения. Он, действительно, раздается из комнаты Александры.

Мужчина сорвался с места и кинулся к Саше, столкнувшись возле ее спальни с Алексом. Они почти одновременно влетели в комнату, чуть не снеся дверь с петель, и огляделись.

Девушка, раскинувшись, лежала на кровати. Она часто и прерывисто дышала, ее руки судорожно вздрагивали, и мучительный стон срывался с сухих, потрескавшихся губ.

Да, состояние Александры было гораздо хуже, чем можно было ожидать…

Глеб с отчаянием посмотрел на друга.

— Я не могу, — еле слышно пробормотал он.

— Это единственный выход, — пожал плечами Алекс.

Саша горела. Она чувствовала, как раскаленная лава разливается по ее телу, забирая дыхание, затапливая сознание и подбираясь прямо к сердцу.

Ей было больно. Девушка не знала, сколько минут или часов огонь пожирает ее. Она попыталась открыть глаза, но не смогла — веки налились тяжестью, дыхание с хрипом вырывалось из

груди, губы пересохли и с трудом прошептали: — 'Воды… пожалуйста…' Но никто не пришел на ее еле слышный зов. И пытка все длилась и длилась…

А потом, Саша ощутила, как прохлада коснулась ее лба, опустилась ниже и стала распространяться по всему телу, забирая жар и боль. Девушка глубоко вздохнула. Восхитительное чувство наполняло ее изнутри, покачивая на волнах, унимая страхи и обещая защиту. Странная сила заполнила Сашу, подчинила своему ритму, заставила принять себя… Девушка потерялась в ощущениях, рассыпавшись мириадами восхитительных частиц, и почувствовала себя обновленной и легкой.

Открыв глаза, Александра наткнулась на внимательный взгляд Оборского.

— Прости, но это единственное, что могло тебе помочь, — виновато обронил мужчина.

Саша, в первый момент, испугалась, увидев так близко обнаженного оборотня, но ее тело помнило пережитое блаженство и подвело свою хозяйку, не желая отодвигаться от Глеба. Оборский, затаив дыхание, смотрел на Александру. Он видел, как в ее глазах туман наслаждения постепенно уступает место рассудку и, на смену томной неге, приходят страх и ненависть. Заметив попытку девушки отодвинуться, Глеб, одним плавным движением, поднялся с кровати и натянул джинсы.

— Прости, — прошептал мужчина и вышел из комнаты, тихо прикрыв за собой дверь.

Саша осталась одна. В ее душе царил хаос. То, что произошло… Александра не могла поверить, что позволила Оборскому прикоснуться к себе. После всего, что он сделал… Как она допустила подобное?! Почему ее тело откликнулось на ласки мужчины?! Саша заплакала от собственного бессилия. Внутри царил полный раздрай. Она презирала себя, боялась Глеба и, в то же время, не могла забыть те чувства, которые испытала рядом с ним. Александра долго не могла успокоиться. Двойственность собственных ощущений мучила ее, заставляя стыдиться непослушного тела и искать объяснений своему поведению. Неужели, она настолько испорчена? Неужели, у нее нет ни капли гордости? Или это такая больная любовь? Нет, не может быть! К Оборскому у нее нет никакой любви, только ненависть и злость. Или не только?

Саша совсем запуталась. Ее рассуждения не приводили ни к чему. Вся оборона рушилась, как карточный домик, и девушка не знала, как относиться к произошедшему. Глеб — единственный виновник всех ее бед, и он же — единственная возможность от них избавиться. Парадокс.

Александра прикрыла глаза и попыталась ни о чем не думать. Тело, еще не остывшее от пережитого, медленно погружалось в дрему, уставшее, легкое, даже какое-то невесомое…

Сознание постепенно уплывало, оставляя на поверхности ленивые, неповоротливые мысли. Они неторопливо текли по кругу, и Саша почти не прислушивалась к ним. Потом. Все потом… Каждая клеточка измученного тела сейчас испытывала ни с чем не сравнимое наслаждение — боль отступила и больше не возвращается.

Воспоминания о пережитых муках смешивались с эйфорией освобождения от них, пробуждая невольную благодарность к мужчине, избавившему ее от страданий. Александра слишком долго терпела приступы изматывающего жара, и теперь, не могла вызвать в себе привычную ненависть к Оборскому. Потом, все потом… Она подумает об этом позже… А сейчас — спать… Без сновидений и мук изнывающего от желания тела, без неотвязных мыслей и эмоций, без неутоленной жажды и постоянной боли… Спать…

Девушка потянулась и вздохнула — как же давно она не чувствовала себя так хорошо… Обняв подушку, Саша провалилась в глубокий, исцеляющий сон.

А Глеб, тем временем, пребывал в эйфории. Александра не оттолкнула, не отшатнулась от него, когда поняла, что он сделал. Он до сих пор повторял про себя то слово, которое вырвалось у него помимо воли, в порыве страсти. Никогда прежде он не отваживался произнести подобное — любимая. Не было в его прежнем лексиконе такого выражения. Даже в ранней юности, в пору бурных романов, Глеб ни разу не назвал так ни одну из своих многочисленных подруг. А сейчас… Он смаковал это слово, лелеял его, представляя, как однажды осмелится произнести невозможное прежде определение вслух…

Как же упоительно хороша его… любимая! Нежная, чувственная, сладкая… То, что он ощущал прикасаясь к ней… Невозможно описать — восторг, страсть, нежность, страх…

А волк просто млел от счастья. Он жил более простыми категориями, чем человек. Зверь соединился со своей парой, почувствовал биение жизни своих щенков, ощутил аромат желания и утвердился в согласии самки… Что может быть лучше?

Теперь, когда Глеб восстановил связь с Александрой, у него появился шанс приручить ее, окутать тысячами невидимых нитей, сделать зависимой от душевной и физической близости с ним. Такова природа оборотней. Девочка еще не знает, что их жизни, отныне, неотделимы одна от другой. Не только он, волк, не сможет жить без нее, своей пары, но и она, человек, будет

ощущать необходимость его присутствия, его тепла и его прикосновений. Метка оборотня, пусть и не так быстро, как положено, но все же запустила процесс формирования связи, а последующая близость поможет закрепить союз волка и человека, объединяя две непохожие половинки в единое целое…

Мечты Оборского прервал стук в дверь.

— Глеб, нам нужно поговорить, — в комнату вошел непривычно серьезный Борис. На обычно добродушном лице дяди, альфа увидел печать нелегких раздумий.

— Располагайся, — Оборский указал на кресло и внимательно взглянул на Нелидова, — что случилось?

Пожилой оборотень хмурился и не знал, как начать разговор.

— Бор, хватит мяться, говори уже, — нетерпеливо поморщился Глеб.

— Я не совсем уверен, — начал врач, — но решил предупредить тебя.

Нелидов ненадолго замолчал, повертел в руках бумаги и, со вздохом, отложил их в сторону.

— Да, что происходит, ты можешь объяснить толком? — не выдержал Оборский.

— В общем, мне не нравятся последние анализы Саши, — решившись, выпалил Борис, — я не знаю, что происходит, но меня настораживает реакция ее организма. Нет, я, конечно, делаю скидку на то, что она отличается и от нас, и от простых людей, но все равно… Обычные показатели вводят меня в замешательство, уровень тромбоцитов резко упал, гормоны, вообще, сбесились — я не успеваю следить за изменениями, — гемоглобин понизился до критического…

— Бор, ты можешь русским языком сказать, что происходит? — взволнованно перебил его Глеб.

— А? — рассеянно посмотрел на него врач. — Прости, забыл, что ты в этом ничего не понимаешь. К сожалению, в ситуации с Александрой, я и сам не многое могу сказать наверняка. Нужны серьезные обследования. Так что, тебе, все же, придется отправить ее в клинику.

— И все-таки. Какие-то предположения у тебя есть? — Оборский серьезно смотрел на Нелидова.

— Учитывая ее состояние до беременности — слабость, обмороки, отсутствие аппетита, и наложившиеся теперешние симптомы… Боюсь, все не очень хорошо, — неохотно ответил Борис.

В комнате застыла гнетущая тишина. Глеб, не отрываясь, смотрел на своего дядю, а тот пытался не реагировать на немигающий взгляд альфы. Тяжелая сила прижимала старого

оборотня к земле, заставляя склонить голову перед вожаком.

— Прости, — опомнился Глеб, отводя глаза.

— Так, что делать-то будем? — отдышавшись, спросил Нелидов.

— Поедем в клинику, — немногословно ответил Оборский, — звони своим, пусть подготовят палату.

Борис кивнул и вышел из комнаты, а Глеб рассеянно уставился в окно. Он не видел белого великолепия старых елей и укрытых снегом ветвей раскидистых лип. Перед глазами стояло лицо Саши — тонкая, прозрачная кожа, большие печальные глаза, появившаяся недавно грустная морщинка между бровями…

Как сказать Александре, что ей придется пройти обследование в клинике? Девушка, и так, еле переносит все эти бесконечные осмотры, процедуры, уколы… Потерев занывшие виски, Оборский решительно поднялся с кресла.

Две секунды — и он уже у двери Сашиной комнаты. Осторожно проникнув внутрь, Глеб неслышно подошел к постели. Александра, обняв подушку, сладко спала. На ее щеках играл слабый румянец, пушистые волосы разметались по подушке, а губы были тронуты легкой улыбкой. Сердце оборотня пропустило удар. Сладкий, родной уже аромат окутал Оборского, принося умиротворение в растревоженную душу.

Нет, с ней все будет хорошо. Никаким болезням он ее не отдаст. Сделает все возможное и невозможное, но Саша будет здорова.

Присев на корточки перед кроватью, он легонько погладил девушку по щеке.

— Саш, — тихо позвал Глеб.

Девушка неохотно открыла глаза и посмотрела на него. В первые секунды он увидел недоумение в ее взгляде, потом, узнавание и панику. «Что ж, обычный набор» — со вздохом, констатировал оборотень.

Александра неосознанно отодвинулась от мужчины.

— Что вам нужно? — хрипло спросила она.

— Саш, ты только не волнуйся, — голос Оборского звучал непривычно мягко, — Борис Анатольевич считает, что ты должна пройти обследование в его клинике. Это не займет много времени. Максимум, дня три.

— Со мной что-то не так? — проницательно посмотрела на мужчину Александра.

— Нет, все нормально. Нужно просто кое-что уточнить. Так, мелочи всякие. Ты только не волнуйся.

Саша хмыкнула. «Да, уж, не волнуйся… После всего, что было в ее жизни, самое глупое — волноваться по поводу

обследований».

— И когда мне нужно быть в этой клинике? — уточнила она.

— Как только соберешься, так сразу и поедем.

Саша, вздохнув, поднялась с постели. Шелковая ткань халатика плотно обтянула пополневшую грудь девушки, и Оборский тяжело сглотнул. Он помнил манящую мягкость ее тела и сейчас испытал непреодолимое желание обнять свою… девочку. Он сам поразился той интонации, с которой мысленно произнес это слово. Непривычно нежно и трогательно. Да, уж, сентиментальным Глеб никогда не был и теперь удивлялся происходящим с ним метаморфозам. «Девочка, любимая… Что дальше? Рыбка, солнышко, или, может быть, малышка?» Подобными ироничными размышлениями мужчина пытался отвлечься от мягких изгибов своей пары. Сцепив руки за спиной, он наблюдал за сборами Александры.

— Вы так и будете здесь сидеть? — Саша изящно приподняла бровь.

Глеб опомнился и поспешно поднялся.

— Прости, уже ухожу. Буду ждать тебя за дверью, — бросил он и вышел из комнаты.

Саша вздохнула и прислонилась к стене. Понятно, что Оборский недоговаривает. Обострившееся чутье твердило, что ее ждут проблемы. Хотя, их, и так, хоть отбавляй. И неожиданная беременность, и проживание в ненавистной усадьбе, и страшные воспоминания… И странное спокойствие при общении с Глебом… Разве могла она представить еще вчера, что будет мирно разговаривать со своим мучителем? А волнение Оборского?..

Явно с ней что-то не так. Или не с ней, а с детьми? И хозяин переживает о своих отпрысках? Еще бы — столько лет ждать, а тут…

Машинально присев на кровать, Александра прерывисто вздохнула. Странное предчувствие кольнуло изнутри. Она ощущала смутное беспокойство, будто вот-вот лишится чего-то очень дорогого, необходимого, бесценного… Странное выражение лица хозяина, его попытка говорить с ней мягко и ласково… Что не так? Почему сердце заполняется нехорошим страхом? Липким, убивающим надежду на… на что? Да, нет! Она же хотела избавиться от всех последствий произошедшего… Переписать жизнь набело, начать ее заново… Похоже, судьба пошла ей навстречу… Холодный пот прошиб девушку. Дрожащей рукой она отерла выступившую испарину.

Александра положила ладонь на плоский живот и представила, что будет, если она лишится этой беременности. Глухая тоска заворочалась в сердце. Саша не хотела этих детей,

она ненавидела их отца, мечтала избавиться от поселившихся внутри монстров, так почему же сейчас так испугалась за две маленькие жизни?

Александра не знала ответа. Мощный, неожиданно проснувшийся инстинкт требовал одуматься, защитить малышей… и девушка сдалась. Она сделает все от нее зависящее, чтобы с ее детьми ничего плохого не случилось. Ее дети. Саша задумчиво повторила эти слова. Непривычно, невозможно… Или, все же…

Пронзительная нежность к маленьким чудовищам, как до этого называла их Александра, поразила ее.

Они не монстры. Малыши. Ее малыши.

Саша решительно взяла сумку и направилась к выходу.

Глава 14

Оборский в волнении расхаживал по коридору. Саша выставила его из кабинета УЗИ, категорически отказавшись проходить обследование в присутствии «ненужного свидетеля». Глеб смирился и остался за дверью — лишь бы Александре было комфортно. А теперь, он мерил шагами просторный холл второго этажа и бросал взгляды на запертый кабинет.

Саши не было уже больше получаса. «Вот, что там можно так долго выяснять? — постепенно заводился мужчина. — Только бы с ней все было хорошо… Нет, с ней обязательно все будет хорошо» — тут же поправлял он себя.

Тем более, что сегодня Саша выглядела посвежевшей и бодрой. Вон, даже слабый румянец на щеках пробился. И глаза перестали быть безжизненными и равнодушными. Нет, Борис что-то напутал, с ней все будет в порядке. Глебу очень хотелось верить в то, что Нелидов ошибся.

Когда Александра, наконец-то, вышла из кабинета, Оборский мгновенно оказался рядом. Девушка вздрогнула и отодвинулась.

— Прости, — пробормотал мужчина, — ты как?

— Хорошо, — холодно ответила Саша.

Вышедший вслед за своей пациенткой Борис, ободряюще улыбнулся племяннику и обратился к девушке:

— Ну, что, Сашенька, пойдем, я тебе твои хоромы покажу. У нас тут такая красота! Лучшие санатории и рядом не стояли!

Добродушный тон Нелидова успокоил нервничающую Александру, но не обманул альфу. Оборский почувствовал фальшь и напряжение в словах дяди. Глеб шел позади Саши и Бориса, не отрываясь взглядом от плавных движений девушки и напряженно размышлял, к кому еще можно обратиться за помощью. Попытаться поговорить с Роном? Или лучше сразу звонить Грегори? Все-таки, в Америке несколько больших кланов, возможно, там и специалисты хорошие найдутся.

— Ну, вот мы и пришли, — сообщил Нелидов, распахивая филенчатую дверь.

Комната, выделенная особой пациентке, ничем не напоминала обычную палату. На стенах висели мирные пейзажи, в углу притулился удобный диванчик, у окна расположилась широкая двуспальная кровать. Саша присела на нее и выжидающе посмотрела на мужчин.

Оборский поставил сумку с вещами на пол и обвел глазами помещение. Чисто, уютно, красиво. Девочке будет здесь удобно. Глеб чувствовал неловкость — он ощущал себя лишним в этой

комнате. Нелидов ласково разговаривал с Сашей, объяснял ей что-то по поводу предстоящих обследований и процедур, а Оборский переминался с ноги на ногу и не знал, куда деть руки — они казались странно чужими.

— Ну, что, Сашенька, мы пойдем, а ты обустраивайся тут и ложись отдыхать. Сегодня мучить тебя больше не будем, все основные обследования проведем завтра.

Борис, улыбнувшись, пошел на выход. Глеб нерешительно посмотрел на девушку.

— Мне уйти? — спросил он.

— Да, — коротко ответила Саша.

— Хорошо, если что-то понадобится, жми кнопку вызова сестры, — спокойно сказал Оборский, оглядев свою пару с ног до головы, — и постарайся отдохнуть.

Он переставил сумку на столик, чтобы девушке не пришлось наклоняться, и вышел из палаты. Глядя на закрывшуюся за оборотнем дверь, Саша испытала облегчение. Внимание Глеба тревожило ее, не давало расслабиться и почувствовать себя в безопасности. А еще, лишал покоя его затравленный взгляд. Виноватые глаза, цвета растопленного меда, грустно смотрели на нее, и Саша, бесконечно презирая себя за слабость, испытывала жалость к проклятому оборотню. «Хватит о нем думать!» — приказала она себе.

Неторопливо переодевшись, Александра прилегла на кровать. В последнее время девушка быстро утомлялась и сейчас с удовольствием растянулась на мягкой постели, пережидая легкое головокружение. Ее мысли уплыли к недавнему событию — черно-белые полосы на экране монитора, непонятная картинка и маленькие точки, на которые указал ей врач.

Александра улыбалась, вспоминая две крошечные горошинки. Ее малыши. Саша сама не понимала, как могла подумать, что сможет отказаться от них. Она положила руку на плоский пока живот. Неужели крохи виноваты в том, как они появились в ее жизни? Разве можно испытывать к ним ненависть?

И опять она вернулась к виновнику всего — Оборскому. Глеб очень изменился. Исчез прежний властный и эгоистичный человек, уступив место совершенно незнакомому мужчине. Алекс пытался донести до Саши мысль, что альфа никогда больше не сможет причинить боль своей паре, что он будет заботиться и оберегать девушку, как самую главную ценность своей жизни. Но события той ночи, когда были зачаты дети, перечеркивали все утверждения Метельского. Если Глеб тогда смог взять ее силой, что помешает ему и в будущем обидеть «свою пару»?

«Он пожертвует ради тебя жизнью» — уверял ее Алексей.

Как такое возможно? Кто она и кто Оборский?!

Саша хорошо знала отношение к «плебсу» в среде людей, подобных Глебу. Для таких, как он, отношения с прислугой могли быть не более чем прихотью, мимолетным желанием, развлечением на одну ночь. Так, походя, снял напряжение и забыл, как зовут эту «Таню-Маню-Валю…»

Сейчас Александра имеет для него ценность только как женщина, вынашивающая его детей. А что потом, после их рождения? Когда Оборский получит то, что ему нужно?

Никто не помешает хозяину забрать у нее малышей. Саша потерянно уставилась в окно. Раньше, когда она только узнала о беременности, ей хотелось избавиться и от Глеба, и от его отпрысков, но сейчас, стоило только понять, что ее могут просто вышвырнуть из дома, после рождения детей, все внутри отчаянно воспротивилось этому.

Осторожно приоткрывшаяся дверь тихо закрылась. Девушка лежала, не шелохнувшись, и медсестра не стала ее будить.

Однако Саша не спала. Мысли, одна безумнее другой, мучили ее своей неотвязностью. Александра искала выход из ситуации. Сбежать? Куда? И как? Если беременность преподносит такие сюрпризы, то чего от родов ждать? И к кому обращаться? Мало ли, вдруг у детей будут какие-то «волчьи» признаки, или еще что-то? Нельзя, чтобы кто-то узнал о том, что они оборотни, иначе малыши пострадают.

Девушка невесело усмехнулась. Куда ни кинь… Не сбежит — отберут детей, сбежит — обнаружат и все равно отберут, а если и не найдут, то сама нарвется на неприятности. Господи, что же ей делать? Надеяться на чудо? Или ждать подходящего шанса? Если бы она чувствовала себя более-менее сносно, можно было бы попытаться уйти из клиники, а там — будь что будет, как-то бы выкрутилась. А дальше? Чем выплачивать ипотеку, где взять деньги на детей, куда скрыться от Оборского? По всему выходило, что пока лучше не предпринимать ничего кардинального. А потом, она обязательно что-нибудь придумает…

Кое-как успокоившись, Саша попыталась уснуть.

Утро началось с бодрого голоса медсестры. Веселая, разговорчивая девушка, быстро перетянула руку пациентки жгутом, и, не прекращая успокаивающе что-то приговаривать, безболезненно ввела в вену иглу.

— Ну, вот, и замечательно! — жизнерадостно щебетала сестра, — сейчас еще немного потерпите — и все!

Ласково улыбнувшись Саше, она ловко согнула руку девушки, зажимая пропитанный спиртом ватный диск.

Потом был завтрак и хождение по кабинетам, где Александру

осматривали, брали все новые и новые анализы и заставляли вспоминать перенесенные ею болезни, начиная чуть ли не с младенческого возраста.

Оборский был рядом. Когда утром Саша открыла дверь и увидела его встревоженную физиономию, у нее не хватило сил отказаться от протянутой руки — резкое головокружение заставило девушку пошатнуться, и поддержка Глеба оказалась очень кстати. А потом, было уже бессмысленно пытаться отстраниться — мужчина не отходил от нее ни на шаг, сопровождая от кабинета к кабинету.

Очередная дверь, до которой оставалось всего несколько шагов, внезапно стала отдаляться и тускнеть.

— Саша, что? — услышала девушка встревоженный голос. — Плохо?

— Сейчас все пройдет, — еле слышно откликнулась она, пытаясь побороть слабость.

— Пойдем, присядешь, — Оборский прижал ее к себе и повел к небольшому дивану.

Саша откинулась на прохладную кожаную спинку и прикрыла глаза. Фух… Головокружение постепенно отступало. Через несколько минут, девушка попыталась приподняться.

— Ты куда? Посиди еще немного, — Оборский смотрел на нее обеспокоенно и виновато.

— Спасибо, Глеб Александрович, мне уже лучше, — Александра встала и направилась к кабинету терапевта.

Мужчина мгновенно помрачнел.

— Саша, пожалуйста, — поморщился он, — для тебя я Глеб.

Девушка скорчила непередаваемую гримаску и вежливо ответила:

— Как скажете, Глеб Александрович.

Дверь кабинета захлопнулась за ней с особо ехидным, как показалось оборотню, стуком.

Вечером Глеб сам принес Александре ужин.

— Саш, поешь.

— Я не хочу, — устало откликнулась девушка. Она отказывалась не из упрямства. Просто, не было ни аппетита, ни сил — после выматывающих процедур хотелось лежать и не шевелиться.

— Сашенька, нужно поесть, — мягко уговаривал ее Оборский, — смотри, какие вкусные тефтели.

Разве тебе не хочется мяса?

— Нет, мне ничего не хочется. Просто, оставьте меня в покое.

— Не могу. Вот, когда съешь хоть немного, тогда я и уйду.

Александра посмотрела на Глеба и увидела непоколебимую

решимость в его глазах. Этот точно никуда не уйдет, пока не накормит. Со вздохом, она взялась за вилку. Через силу запихнула в себя несколько кусочков и устало откинулась на подушку.

— Все. Не могу больше.

— Ну, хорошо. Отдыхай, — Оборский забрал у нее поднос и собрался уходить, но замешкался.

— Саша, я давно хотел сказать… — мужчина повернулся и с мольбой уставился на девушку, торопясь договорить, пока она слушает его, — пожалуйста, если сможешь, прости за ту ночь. Я не понимаю, как опустился до такого… зверства. И осознаю, что мне нет прощения, за то, что сделал. Но я хочу, чтобы ты знала — я ненавижу себя за ту боль, которую причинил тебе. И сам себя не прощу.

Он резко развернулся и вышел из комнаты, а Саша, застыв, смотрела ему вслед. Неожиданно…

Всемогущий Оборский просит прощения у прислуги… Совесть его, бедненького, замучила!

Девушка растерянно уставилась на захлопнувшуюся дверь, не веря тому, что только что случилось.

Надо же, ненавидит себя… Замечательно! А ей-то что делать?

Прошло полтора месяца. Оборский ходил мрачнее тучи — Александра все еще была в больнице.

Девушку обследовали самые разные специалисты, она сдала кучу анализов, но врачи так и не смогли поставить диагноз. Все усилия были напрасны — Саша таяла на глазах, и никто не мог ей помочь.

Когда Глеб видел бледную, измученную Александру, ему хотелось выть от бессилия. Он понимал, что ей плохо, что она держится из последних сил, но ничего не мог поделать. Вот и сейчас. Оборский сидел в процедурном кабинете и наблюдал, как медсестра протирает спиртом перетянутую жгутом руку Саши, а девушка обреченно улыбается потрескавшимися губами. Безумная картина его постоянного кошмара. Сколько ж можно-то? Они с нее уже всю кровь сцедили! Почище вампиров!

И Оборский не выдержал. Одним движением выскочил за порог процедурной, ворвался в ординаторскую, где как раз проходил очередной консилиум, и потребовал объяснений. Нелидов, недовольно посмотрев на него, принялся нудно перечислять все диагнозы больной на сегодняшний момент, используя кучу непонятных терминов, а Глеб слушал дядю и понимал, что в нескольких метрах от них тихо угасает его любимая девочка, и никто ничего не может сделать. Борис продолжал что-то говорить, его коллеги согласно кивали,

перебрасываясь незнакомыми Глебу словами, но Оборский их больше не слышал. Он поднялся и пошел прочь, все больше ускоряя шаг. У палаты Саши мужчина остановился и, постояв минутку, словно собираясь с духом, осторожно потянул на себя дверь.

Тишина. Александра, свернувшись клубочком, лежала на постели. Глеб подошел поближе и присел на корточки у кровати.

— Саша…

Она подняла на него грустные глаза и тихо спросила:

— Все плохо, да?

Оборский задохнулся, как от удара. Он больше не мог выносить ее боль. Подхватив девушку на руки, Глеб пинком открыл дверь и пошел к выходу из клиники. Саша молча обняла мужчину за шею, спрятав лицо у него на груди. Господи, как же она устала! Скорее бы все закончилось…

Вслед им что-то кричала медсестра, из ординаторской выскочил Нелидов и попытался остановить Оборского, но тот, не оглядываясь, шел к машине. Он усадил девушку на переднее сиденье, пристегнул ее и аккуратно вывел свой хаммер за ворота клиники. Вскоре, они выехали на знакомое шоссе, и Глеб утопил в пол педаль газа. Мелькали указатели, мимо проносились поселки, автобусные остановки, просыпающиеся от зимнего сна деревья. Клиника осталась далеко позади.

Саша повернулась к Глебу и тихо сказала:

— Спасибо.

Оборский стиснул зубы, чтобы унять боль, терзающую его душу.

— Ты должна знать — я никому не дам тебя в обиду, — твердо ответил он, слегка прикоснувшись к ее руке, — поверь, мы справимся. Все будет хорошо.

Девушка грустно кивнула. За последний месяц она понемногу привыкла к постоянному присутствию Глеба, к его голосу, прикосновениям, улыбке. Порой, ей даже казалось невозможное — возникало ощущение, что она чувствует

Оборского. Его мысли, эмоции, страхи… Все это находило в ее душе отклик и невольное сопереживание. Девушка поражалась тому, что больше не вздрагивает при взгляде на оборотня, не отодвигается от него, не отшатывается в испуге от прикосновений и несмелой ласки. Оборский не рисковал явно проявлять к ней интерес, но Саша ощущала на себе его тоскливый взгляд, замечала, как он старается украдкой прикоснуться, чуть дольше задержать ее руку в своих, ненароком приобнять, под предлогом поддержки. Глеб окутал ее своим ароматом, своим теплом, заботой, сдержанной нежностью…

— Ну, вот мы и дома! — бодро объявил Оборский. Саша очнулась от своих мыслей. — Тебя тут уже все заждались. Смотри, кто бежит!

Серый ураган несся по липовой аллее. Тошка! Девушка собралась сама выйти из машины, но Глеб не позволил — подхватил на руки и понес к дому. Подбежавший волк прыгал вокруг них, взвизгивал от радости, как щенок, и вился под ногами, пытаясь дотянуться до своей хозяйки.

— Тошенька, родной! — Саша не заметила, как по ее лицу побежали слезы. Господи, как же она соскучилась! И по Тошке, и по усадьбе, и даже по ее обитателям… Никогда бы не подумала, что будет рада сюда вернуться.

— Александра Павловна, с возвращением, — столпившиеся у входа охранники радостно скалились, приветствуя девушку.

Александра удивленно смотрела на них. С чего бы это ее так «повысили»? Вроде бы, раньше Сашей звали… А, вероятно, это из-за Оборского. Ну, мать его детей и все такое… Она смущенно потупилась. Девушка испытывала неловкость под взглядами оборотней. Глеб легко держал ее на руках, осторожно прижимая к себе и показывая, что она принадлежит ему вся, целиком и полностью, и твердо смотрел на своих… на свою… стаю? Саша отвернулась от охранников и случайно поймала устремленный на нее грустный взгляд — Игорь. Мужчина стоял неподалеку, у гаража, и с тоской наблюдал за ней, не рискуя подойти ближе. Девушка кивнула ему и увидела, как радостно сверкнули в ответ карие глаза.

Бедный… Если он, и правда, испытывает к ней какие-то чувства, то ему сейчас нелегко видеть ее на руках у Оборского. Саша вздохнула. Она понимала, что это уже не имеет значения. Так или иначе, скоро все закончится… Только бы дети успели родиться, только бы у нее хватило сил… Девушка не обольщалась на свой счет. Она видела, как теряются врачи от ее вопросов, замечала, как все больше мрачнеет Глеб, как виновато смотрит Нелидов… В их глазах она прочла свой приговор.

Вечером Оборскому позвонил Борис. Он долго распекал племянника за самоуправство, возмущался и обещал приехать и выпороть «безмозглого альфу», но, в конце концов, успокоился и перешел к самому главному.

— Глеб, я нашел специалиста. Помнишь, Рон говорил тебе, что в Швеции есть один старый профессор, который давно отошел от дел и отказался от практики?

— Николсон?

— Да, я сумел с ним договориться. Завтра вечером он прилетает, нужно встретить.

— Я попрошу Алекса.

— И подготовь Сашу. Уговори ее потерпеть еще немного.

— Сделаю. Ты будешь?

— Конечно. Мне все время кажется, что мы что-то упускаем. Может быть, Николсон сумеет заметить нашу ошибку. Все, до завтра, — попрощался Нелидов.

Положив трубку, Глеб долго сидел за столом, глядя на переплетенные пальцы рук. Наконец, решившись, вышел из кабинета и постучал в дверь Сашиной спальни. Войдя внутрь, он на мгновение замер.

Александра сидела в кресле, поглаживая блаженно прижмурившегося Тошку. На фоне окна, девушка смотрелась прозрачной, невесомой, нереальной. Казалось, легкий порыв ветра способен развеять этот мираж. Волк, напротив, был слишком земным, осязаемым, живым, что еще больше подчеркивало разительный контраст с хрупкой девичьей фигуркой.

Справившись с внезапно накатившим страхом потери, Оборский спросил:

— Скучала по нему?

— Очень, — вздохнула девушка, поглаживая густую шерсть своего любимца.

— Он тебя обожает, — серьезно посмотрел на нее Глеб.

Саша ничего не ответила, только улыбнулась краешками губ.

— Глеб Александрович, а Тошка понимает, кто вы?

— Саш, я же просил — Глеб, — поморщился мужчина.

— Простите, но лучше все оставить как есть, — упрямо ответила девушка, — так что, понимает?

— Да, — коротко ответил Оборский.

— Значит, он признает вас хозяином, или как там у вас?

— Альфой.

— Ну, да, альфой. Признает?

— Да.

Александра задумчиво смотрела на мужчину, словно решаясь на что-то. Наконец, она нарушила молчание.

— Глеб Александрович, я могу попросить вас об одолжении?

— Конечно, Саша.

— Пожалуйста, позаботьтесь о Тошке, когда я… — у девушки прервался голос, но она продолжила, — в общем, когда меня уже не будет.

Оборский пораженно замер.

— Нет, Саша! Не смей и думать об этом! — он схватил девушку в охапку и прижал к себе. — Ты поправишься, все будет хорошо! Ты сама будешь заботиться о своем волке, не вздумай

даже сомневаться.

Глеб судорожно сжимал Александру, словно пытаясь, таким образом, защитить девушку от того недуга, который по капле забирал ее жизнь. Он никому не позволит отнять у него Сашу!

Александра расслабилась в его объятиях, почувствовав, как теплое тело Глеба согревает ее, насыщая силой и покоем. И она поверила. Поверила в то, что больше он не причинит ей вреда. Саша ощутила его эмоции, его боль, его раскаяние… Она не могла сказать как, но понимала, что чувствует внутреннее состояние мужчины. Тепло, которое струилось от Оборского, окутывало ее, убаюкивало, давало надежду…Странное умиротворение охватило Александру. Сильные руки мужчины бережно обнимали ее, его размеренное дыхание успокаивало, ровное биение сердца звучало колыбельной, и девушка, доверчиво прильнув к оборотню, медленно погрузилась в сон.

Глеб, затаив дыхание, смотрел на свою любимую девочку. Да, он, наконец, научился называть ее так. Правда, еще ни разу не рискнул произнести это вслух, но, про себя, называл Сашу исключительно любимой и девочкой. То, как она приникла к нему, без обычного страха приняв его объятия, породило в душе Оборского робкую надежду. Возможно, когда-нибудь, Саша простит его и сможет забыть ту страшную ночь. Возможно… когда-нибудь…

Глеб долго сидел в кресле, держа на руках свою пару. Он неосознанно баюкал ее, с грустью рассматривая похудевшее лицо, заострившиеся скулы, темные тени под глазами. Такая маленькая и хрупкая… Александра спокойно спала, а он все не решался переложить ее на кровать — не хотелось выпускать из рук обмякшее тело своей пары. Однако пришлось. Глеб понимал, что ей нужно отдохнуть и аккуратно переложил девушку на постель, на миг, прикоснувшись губами к нежной щечке. Сам он устало опустился в кресло, устраиваясь поудобнее, намереваясь оставаться в нем до утра и охранять свое сокровище.

* * *

Противный металлический звук, не прекращая, бил по оголенным нервам. Тупая боль не покидала ни на минуту.

— Пить… Пожалуйста…

Губ касается противная теплая вода, с привкусом машинного масла.

— Уберите… Не могу…

— Что, Ваше благородие?

— Молоток… Уберите…

— Бредит, бедный… — вздыхает чей-то жалостливый голос, — наверное, помрет скоро…

— Иди-иди отсюда, не каркай! — доносится голос денщика, — помрет, как же… Его благородие и не из таких переделок живыми выходили. А тут, в море, помереть… без христианской землицы… Нет, врешь, старая, выживет он…

А гул все нарастает, давя на виски, забирая последние капли рассудка…

— Ваше благородие, Глеб Александрович, вы уж, того, боритесь… Я ж без вас в этой проклятой заграница никак не смогу, загнусь у нехристей поганых…

Степан… Его голос… Надо открыть глаза… Надо…

Оборский вздрогнул и проснулся. Фух… Всего лишь сон. Опять воспоминания не дают покоя…

Глеб распрямил скрюченные ноги и потянулся. Все-таки, кресло — не лучшее место для сна. Он кинул быстрый взгляд на Сашу и умиротворенно улыбнулся. Спит. Ладошки под щекой сложила, волосы растрепались, выбились мягкими прядями из длинной косы, одеяло сползло, приоткрывая тонкую щиколотку, губы призывно алеют. Что ей снится? Такая чистая и невинная. Ангел…

Оборский осторожно поправил сползшее с девушки покрывало и легко коснулся пушистых волос. От невольной нежности перехватило дыхание. «Спи, мой ангел… Пусть тебе снятся самые светлые сны…»

* * *

Саша открыла глаза. Первые лучи солнца золотили задернутые шторы. Робкие птичьи голоса раздавались за окном. В доме не было слышно ни звука. Раннее утро.

Девушка с удовольствием обвела глазами свою спальню. Как ни странно, она соскучилась по этой комнатке. Широкая, удобная кровать, пейзаж Коро на стене, старинный секретер в углу, удобное глубокое кресло… И фигура в этом кресле… Оборский спал, неловко подогнув ноги и свесив правую руку. Скорее всего, когда он проснется, то не сможет разогнуться — все же, просидеть несколько часов в таком скрюченном положении чревато. Саша невольно пожалела оборотня. Вообще, она заметила, что сейчас, когда жить осталось так мало, все страхи и обиды стали казаться какими-то мелкими, несущественными, неважными. Ей не хотелось тратить отпущенное время на ненависть и злобу.

Девушка поняла, что хочет просто жить. Радоваться каждому наступающему дню, гулять по лесу с Тошкой, слушать шорох листьев, ловить на лице капли весеннего дождя, ощущать ласковые лучи солнца на коже… И дождаться. Обязательно дождаться рождения детей! Саша не загадывала, что будет дальше. Из подслушанных ею разговоров врачей она поняла, что шансов у нее мало — в лучшем случае, сумеет дожить до родов. В худшем — придется ее кесарить на том сроке, до которого дотянет.

Александра не жалела себя. Не было слез и истерик, не было проклятий и возмущений. Она приняла свою судьбу, молясь только об одном — пусть с ее малышами все будет в порядке. Только это тревожило девушку, лишь о детях были все мысли и чаяния.

Саша подавила рвущую сердце жалость к своим малюткам, пытаясь не думать о том, что они никогда не узнают материнской любви. «Господи, дай мне увидеть их, дай мне узнать, что с ними все хорошо…»

Девушка смахнула невольные слезы и повернулась на бок.

Глеб заворочался и открыл глаза.

— Саша, что? Больно? — переполошился он, увидев мокрое от слез лицо девушки.

— Нет, все нормально, — попыталась улыбнуться Александра.

Оборский не поверил. Он мгновенно оказался рядом и заглянул ей в глаза.

— Где болит? — требовательно спросил мужчина.

— Ничего у меня не болит, правда, — пыталась успокоить его девушка, — я просто так плачу, у беременных бывает такое — то смех, то слезы, — через силу, выдавила она.

Оборский провел ладонью по ее щеке, убирая влажную дорожку.

— Не плачь, Сашенька. Все наладится. Ты завтракать будешь? — ласково спросил он.

— Так, рано же еще… — удивленно протянула Александра.

— Ничего подобного, — бодро отозвался Глеб, — сейчас принесу тебе самый вкусный завтрак на свете. Закатим пир, раз уж мы дома, — он еще раз легко коснулся ее щеки и вышел из комнаты.

Оборский не обманул. Он, действительно устроил пир. Приволок полный поднос всякой разной еды и сам лично принялся кормить Сашу. Девушка стеснялась, отказывалась, но Глеб был неумолим — накалывал вилкой кусочек среднепрожаренной отбивной, отламывал свежайший хлеб и

упрашивал Александру открыть ротик. Девушка сдавалась, а потом, покорно тянулась за следующей порцией. Оборский радовался подобной покладистости и уговаривал ее попробовать все, что он принес. Но Саша ела только мясо. Пусть, и не могла съесть его много, но это было единственное, чего ей хотелось по-настоящему.

Наконец, она устало откинулась на подушку.

— Все, не могу больше, — еле слышно простонала Александра.

Глеб ловко вытер салфеткой ее губы, чуть задерживая руку и легко касаясь пальцами нежной кожи, и ласково похвалил:

— Молодец! Теперь еще немного поспишь, а потом, пойдем на прогулку. Отдыхай, Сашенька. Тебе нужно набираться сил.

Он забрал поднос и вышел из комнаты.

«Чудеса, — подумала Саша, — великий Оборский кормит меня с ложечки и убирает за мной посуду. Скажи кто-нибудь полгода назад, что такое возможно, я бы от души посмеялась.»

Девушка устроилась на постели поудобнее, закрыла глаза и, незаметно для себя, задремала.

Проснулась она от привычной уже волны жара. Последние дни, Александра все сильнее чувствовала нарастающее желание. Знакомо горела кожа, все тело охватывало томление, грудь становилась тяжелой и чувствительной, а внизу живота полыхал пожар, с каждым днем становясь все сильнее.

Саша в смятении раздумывала, что делать. Попросить помощи у Глеба? Или терпеть до последнего? А вдруг, оборотня не окажется рядом, когда ее совсем скрутит? А если от ложной скромности своей мамы пострадают дети?..

Александра мучилась и не могла решиться на разговор с Оборским. Ей было невыносимо стыдно. Получалось, будто она сама навязывается мужчине.

Когда Глеб пришел, чтобы забрать Сашу на прогулку, он почувствовал ее смятение.

— Привет, — тихо сказал мужчина, подходя к кровати, — ты как?

— Все хорошо, — смущенно отвела глаза девушка. Она чувствовала, как, в присутствии оборотня, загорается ее тело, ноет грудь, прерывается дыхание.

— Гулять идем? — бодро спросил Глеб.

— Я сейчас встану, — попробовала подняться Саша, но, даже эта небольшая попытка вызвала слабость и головокружение.

— Тихо, не торопись. Давай, я тебе помогу.

Глеб приподнял Александру, усаживая поудобнее, и пошел к шкафу за одеждой. Ненадолго завис, соображая, что выбрать, а

потом, вытащил из стопки футболку и джемпер, снял с вешалки шерстяную юбку и, порывшись на полках, нашел теплые колготки. «Да, одежды у Саши маловато… И вся неудобная, невзрачная, серая какая-то… Нужно заняться этим…»

— Ну-ка, поднимай руки, — подошел он к девушке, и принялся снимать с нее ночнушку.

— Я сама, — смущенно запротестовала Саша.

— Конечно, сама, — согласился Глеб, ловко стягивая с нее батистовую сорочку, — вот, и справились, сейчас еще оденемся и все.

Мужчина отложил в сторону ночнушку и потянулся за джемпером.

Александра, почувствовав, как затвердели горошины сосков, стыдливо прикрылась руками и потупилась. Глеб поспешно отвел глаза и тяжело сглотнул. «Merde!» Он помнил манящую тяжесть этой груди, призывно алеющие соски, нежную белую кожу с тонкими прожилками вен… «Не смотри, только не смотри…»

— Не бойся, — хрипло прошептал он, натягивая на Сашу футболку и стараясь не прикасаться к желанному телу. Дыхание затруднилось, в висках громко стучала кровь, руки слегка подрагивали… Боже, как же он хотел ее… Нельзя…

— Вот так, а теперь, колготки, — бодро произнес Глеб, стараясь, чтобы голос не выдал его волнение.

Ценой немалых для своей выдержки усилий, Оборский сумел победить процесс одевания и подхватил на руки драгоценную ношу. Острая волна желания прошила его, отдаваясь болью в паху, но Глеб не обратил на нее внимания. Не до того.

Во дворе пахло весной. Снег стал рыхлым, осел, обнажая прогалины и прошлогоднюю траву. С еловых лап, с глухим звуком, срывались остатки снежных шапок, сосульки, цепляющиеся за крышу, жалобно плакали и соскальзывали вниз, в воздухе остро разливался запах просыпающегося от зимней спячки леса.

Оборский усадил девушку на веранде в кресло и укрыл теплым пледом. Тошка, нетерпеливо покрутившись рядом с хозяйкой, нервно заскулил, порываясь бежать на прогулку. Он поглядывал на Сашу, приглашая ее за собой, но девушка только головой покачала.

— Беги, Тош, я тут посижу, — тихо сказала она.

Волк покрутился еще немного, с надеждой взирая на Александру, а потом, когда понял, что хозяйка не пойдет за ним, подошел к креслу и улегся рядом. Из дома неторопливо вышла Анфиса, независимо сощурилась на Оборского и вразвалочку направилась к Саше. Выступающие бока кошки, без слов,

подтвердили очевидное — рыжуха ожидала потомство.

— Анфиса, ты когда успела? — удивленно уставилась на нее девушка.

Кошка, мяукнув, вспрыгнула хозяйке на колени и, потоптавшись, удобно расположилась на них.

— Ну, ты и тихушница… Где кавалера-то нашла? — усмехнулась Саша.

Анфиса нервно повела ухом и прижмурила глаза.

— Понятно, — вздохнула девушка, погладив своенравную красавицу.

Оборский отошел в противоположный конец веранды, чтобы не мешать Александре. Он искоса наблюдал за Сашей, делая вид, что смотрит на липовую аллею, а сам, ни на минуту, не упускал из виду свою пару.

Девушка, прикрыв глаза, откинулась на спинку кресла и запустила руку в густую шерсть лежащего у ее ног Тошки. Так привычно и обыденно, как будто и не было этих почти двух месяцев в клинике. Волк довольно зажмурился и улегся поудобнее, впитывая немудренную ласку, а Глеб с завистью наблюдал за его блаженством. «Счастливчик… Ему любовь Саши достается просто так… — оборотень попытался успокоить своего зверя, обеспокоенно рыкающего внутри, — не время. Не сейчас…»

Оборский смотрел на девушку, замечая малейшие изменения, происходящие с ней. Вот, она слегка нахмурилась, словно подумав о чем-то неприятном, легкая морщинка между бровями стала глубже, точеный носик наморщился, а потом, ее лицо неожиданно разгладилось, расслабилось, и робкая улыбка скользнула по губам, отдаваясь в сердце Глеба щемящей нежностью. Как же давно он не видел улыбающуюся Сашу! Девушка умиротворенно смотрела вдаль, выражение ее лица смягчилось, и оно будто озарилось изнутри ярким светом. О чем она думает? О чем мечтает?.. Этого Глеб не узнает никогда…

А Саша с наслаждением вслушивалась в звуки леса и вела неспешный разговор с детьми. Она рассказывала своим крохам, как прекрасен мир, в который они придут, как ярко светит в нем солнце, как чудесно просыпаться утром и знать, что впереди бесконечный день и целая уйма времени, как весело блестит вода в реке и как здорово смотреть на бескрайнее, синее небо… Рассказывала о своей любви к ним и о том будущем, которое их ждет. И только об одном забывала сказать. О том, что в их будущем никогда не будет ее…

Оборский смотрел на улыбающуюся Сашу, и тихая надежда просыпалась в сердце мужчины. Его девочка не может умереть. Не для того он столько лет ждал ее, не для того переступил через

отчаяние и позволил себе жить. Был момент, когда Глеб подумывал свести счеты с опостылевшим существованием. После того ужаса, что он сотворил со своей парой, Оборский ждал лишь мгновения, когда она очнется, чтобы убедиться, что девушка выживет. А дальше… Или нож в сердце, или пуля в голову. Скорее второе, чтобы закончить начатое когда-то судьбой. И лишь то, что Саша оказалась в положении, заставило Оборского отказаться от своего решения. Он должен позаботиться о своей паре и о своих детях. И точка.

«Все. Хватит о грустном. Пора уходить, пока она не замерзла.»

Мужчина подхватил девушку на руки и понес в дом.

— Глеб Александрович, может быть, я сама пойду? — попыталась проявить самостоятельность Александра.

— Вот, как только окрепнешь немного, так и пойдешь, — прервал ее Глеб, — а пока, я побуду твоим «транспортом»

Он весело усмехнулся и крепче прижал к себе невесомую ношу. «Ишь, чего захотела! Да, он теперь ее с рук не спустит!» — собственнически обняв Сашу, подумал оборотень.

В комнате, переодев ее в халатик, Глеб уложил девушку и присел с ней рядом.

— Саш, я поговорить с тобой хотел, — начал мужчина.

Александра вскинула на него глаза.

— Борис Анатольевич договорился с известным шведским врачом о консультации. Сегодня вечером они подъедут сюда. Я тебя очень прошу — потерпи еще один осмотр, ладно?

Оборский всматривался в задумчивое лицо Саши, успокаивающе поглаживая ее по руке.

— Этот доктор тоже из ваших?

— Да.

— И вы думаете, что он сможет мне помочь?

— Я очень надеюсь на это.

— Ну, что ж, пусть осматривает, — вздохнула Александра, и Глеб понял, что она не верит в свое выздоровление, просто соглашается с его решением.

Глава 15

Вечером Оборский встречал приехавших врачей. Профессор Николсон оказался приятным пожилым господином, с внимательными серыми глазами и доброй, располагающей улыбкой. Он щурился сквозь оправу роговых очков и с интересом осматривался вокруг. Старая усадьба вызвала у доктора неподдельный интерес.

— У вас прекрасный дом, мистер Оборски, я искренне восхищен. Как давно он построен? Если не ошибаюсь, где-то начало девятнадцатого века?

— Вы правы, — улыбнулся Глеб, — особняк построили в тысяча восемьсот тридцатом. Он много лет принадлежал моей семье и, лишь после революции, перешел в руки государства. Здесь долгое время был санаторий для работников культуры.

— Да-да, печальные страницы российской истории, — сокрушенно покачал головой Николсон, — искренне сочувствую. Когда-то я увлекался русским искусством и архитектурой, надеюсь, немного позже, вы проведете для меня экскурсию по вашему особняку, уверен, что увижу много интересного.

— Да, конечно. Когда дом вернулся ко мне, я постарался восстановить прежнюю обстановку почти в том виде, в каком она была при моих родителях. Вы обязательно все увидите, но, для начала, предлагаю немного отдохнуть с дороги, а потом, поужинать, — вежливо предложил Оборский, скрывая свое нетерпение. Больше всего на свете, ему хотелось взять профессора под руку и отвести в его Сашину комнату.

— Думаю, что сначала, мы поговорим с вашей женой, а уже потом будем отдыхать. Как говорится, дело — прежде всего, — улыбнулся швед, понимая тревогу хозяина.

— Пойдемте, — обрадованный Глеб не стал спорить и повел врачей к спальне Александры.

Девушка ждала их, сидя в кресле. Мужчины поздоровались, и Оборский собрался переводить Саше вопросы Николсона, но Александра удивила его. Она поздоровалась с гостями на хорошем английском и, почти без акцента, поинтересовалась у профессора, как он долетел, нравится ли ему российская погода и русские дороги.

— О, миссис Оборски, у вас прекрасное произношение, — похвалил девушку старый доктор, — вы часто бываете в Англии?

— Нет, что вы, — улыбнулась Саша, — я не была там ни разу.

— В таком случае, я поражен, — посмотрел на нее швед, — вероятно, у вас был хороший педагог.

— Да, вы правы, моя мама великолепно знала английский и французский. Она была переводчиком, — пояснила Саша недоумевающему Глебу.

К беседе подключился Нелидов, речь зашла о методах обучения — мужчины шутили, рассказывали курьезные случаи, вспоминали собственные ошибки в изучении языков и особенностях произношения.

Слово за слово, Николсон разговорил девушку и незаметно перешел к вопросам о ее здоровье. Саша спокойно отвечала, пока речь не зашла об ее браке, как выразился профессор.

— Вы с мужем часто спите раздельно? — поинтересовался врач, и Саша замешкалась с ответом. Она покраснела, беспомощно посмотрела на Глеба и не смогла выдавить из себя ни слова.

— Я смутил вас? — поинтересовался профессор. — Поверьте, миссис Оборски, мне важно знать все подробности вашей жизни, даже самые интимные. И ваша застенчивость будет нам только мешать.

Господи, какая застенчивость?! Да, Саша была готова провалиться сквозь землю. «Миссис Оборски… спите ли вы вместе… бывают ли между вами ссоры…» Вот, как объяснить этому милому, старомодному старичку, что они с Глебом не женаты, и не спят вместе, и не ссора между ними была, а…

— Миссис Оборски, быть может, будет лучше, если ваш муж выйдет? — заботливо поинтересовался Николсон.

— Саш, я буду за дверью, если что — зови, — по-русски сказал Глеб, вставая со стула, — и расскажи профессору все, как было, ничего не скрывая. Он должен знать правду.

Оборский, как-то неловко ссутулившись, вышел из комнаты, поманив за собой Нелидова.

— Ну, а теперь, давайте поговорим откровенно, Александра, — мягко посмотрел на нее доктор, — что вас тревожит?

Взгляд выцветших серых глаз проникал ей прямо в душу, и Саша не выдержала. Впервые с той ночи, она смогла рассказать о том, что с ней произошло, сумела поделиться своей болью и страхом. Вытащила наружу все неприятные воспоминания и доверила их старому мудрому человеку. Вернее, оборотню.

Он слушал ее, не перебивая. Иногда ободряюще улыбался, несколько раз сочувствующе прикоснулся к руке, а, в самый трудный момент, не смог удержаться и смахнул появившуюся слезинку, но, тут же яростно вытер глаза, пробормотав что-то о попавшей соринке.

Саша говорила и чувствовала, как выходит из души вся боль,

обида и ненависть, что скопились со времен той страшной ночи. Внимательный и добрый взгляд профессора помогал ей, ободряя и утешая, даря надежду и понимание. Одиночество, которое мучило ее, не давая возможности выговориться, выплеснуть свои страхи, довериться и рассказать хоть кому-то о том, что произошло… Только сейчас Александра поняла, как нуждалась в подобном разговоре. Она так устала держать все в себе…

Наконец, обессиленная Саша откинулась на спинку кресла и замолчала.

— Давайте-ка, я помогу вам прилечь, — ласково обратился к ней Николсон.

Он поддержал девушку под локоть и помог ей перебраться на кровать.

— А теперь, я вас осмотрю, и мы продумаем план лечения.

Александра с надеждой посмотрела на врача. Неужели, он сможет ей помочь?

После осмотра, профессор ободряюще улыбнулся Саше и провел рукой по ее волосам.

— Не переживайте, деточка, все у вас будет хорошо. Я вам обещаю.

— А мои дети?

— О, а с ними и подавно!

— Вы уверены, доктор? — Александра всматривалась в лицо врача, пытаясь понять, действительно ли он так думает.

— Все будет в порядке. И с вами, и с детьми. Правда, для этого придется немного постараться. Пойду, поговорю с вашим… э… с мистером Оборски, а вы пока отдыхайте.

Еще раз, улыбнувшись девушке, он вышел из комнаты.

Глеб ждал его в коридоре.

— Ну, что, доктор? — с надеждой подался он к Николсону, стоило тому выйти из Сашиной спальни.

Старый профессор задумчиво посмотрел на мужчину и поправил очки.

— Ах, да, простите, — опомнился Оборский, — пройдемте в кабинет, там и поговорим.

Он приглашающе указал рукой на открытую дверь.

Усадив гостя в кресло, Глеб устроился напротив и приготовился слушать.

Николсон говорил долго. Он высказал свое мнение о состоянии больной на сегодняшний день, сделал прогноз на будущее и описал возможные сложности, с которыми им придется столкнуться.

С каждым словом профессора, Оборский все больше мрачнел. Он понимал одно — то, что рассказывает Николсон… Сколько раз

он уже слышал подобное от Нелидова. Все эти проклятые лейкоциты-тромбоциты-эритроциты… Бесчисленные диагнозы, возможности, предположения, а вывод из всего этого только один — Александра не выживет…

Противная дрожь пробежала по телу, внутри все заледенело, в висках громко застучала кровь, и он начал терять связь с реальностью. Страшная правда обрушилась на оборотня и лишила воли — Саша умирает. С каждым днем, ей будет становиться все хуже и хуже. Глеб почти не слышал профессора. Перед глазами расплывались белые пятна, в ушах шумело, рубашка сдавила грудь, и хотелось разорвать ее, чтобы сделать хоть один глоток воздуха…

— Мистер Оборски, вы слышите меня? — как сквозь вату, донесся до него голос Николсона.

Глеб сжал виски.

— Да, профессор, — отозвался он.

— То, что я описал, обязательно произойдет с Александрой, если вы и дальше будете так с ней обращаться.

Оборский в недоумении уставился на доктора.

— Простите, профессор, я не совсем понимаю…

— Постараюсь объяснить, — поудобнее устроившись в кресле, ответил швед, — видите ли, такие пары, как у вас с Александрой, — большая редкость. За всю мою практику, только дважды мне довелось встречать подобные смешанные союзы и, скажу сразу, проблем, сходных с вашими, в них не было. Для меня остается загадкой, как вы, вообще, оказались способны на такую дикость, как насилие над собственной парой, — Николсон осуждающе посмотрел на Оборского поверх очков, задумчиво покачал головой и продолжил: — Я не могу понять, как ваш зверь допустил подобное? Ну, да, ладно. Сейчас речь не об этом. Вернее, и об этом тоже, только в контексте беременности вашей… ээ… женщины. Именно то, что зачатие произошло в результате насилия, очень сильно осложнило и без того непростую задачу. Организм Александры оказался не готов к вынашиванию оборотней. Если бы близость произошла по обоюдному желанию, все было бы гораздо проще. С вашей слюной, во время поцелуев, к девушке попали бы нужные гормоны и ферменты, отвечающие за постепенную подготовку к вынашиванию нетипичной беременности. А сейчас, ее организм пытается самостоятельно справиться с нагрузкой, но у него это получается плохо, отсюда и неважное самочувствие вашей пары, и непонятные скачки всех жизненно важных показателей, и недоумение врачей. Это упрощенное объяснение, с доктором Нелидовым мы будем разговаривать более предметно, но, думаю, общий смысл вы

уловили.

— Что можно сделать? — напряженно поинтересовался Глеб.

— А вот тут, мы переходим к очень деликатному моменту, — Николсон поправил очки и потер переносицу, — единственное лекарство для Александры — регулярная близость с вами. Причем, не только в смысле полового акта, но и буквально. Вы всегда должны быть рядом — спать в одной постели, есть за одним столом, касаться друг друга… А теперь представьте, как мы сможем предложить ей подобное, если она боится вас и еле выносит ваши прикосновения?

— Это она сказала, что я ей настолько неприятен? — нахмурился Оборский.

— У меня есть обоняние, молодой человек, — отрезал доктор, — и, пока что, я могу отличить запах вожделения от запаха страха.

— Да, вы правы, — понурился Глеб, — Саша все еще боится меня.

— А теперь представьте, как она воспримет подобный выход из ситуации? Думаю, нам придется очень постараться, чтобы уговорить ее довериться вам.

Глеб расстроенно смотрел на доктора, признавая его правоту.

— Надеюсь, вы сможете найти подход к своей паре. В противном случае, я ничего не гарантирую, — развел руками Николсон.

Саша чувствовала, что ее снова охватывает знакомый жар. Она застонала и попыталась вынырнуть из раскаленного плена — «нет, только не сейчас!..» — но все было напрасно: тело вспарывала волна желания, огонь распространялся по венам, тяжелое томление переходило в боль и дикую жажду. Она хотела Глеба. Хотела до одури, до беспамятства, до потери себя.

Осознав собственное бессилие, девушка заплакала. Как же унизительно зависеть от ненавистных потребностей плоти! Ей нужен проклятый оборотень, ее невыносимый хозяин, подлинный владелец неподвластного отныне Саше тела… «Не хочу…» — на грани реальности шептала она… «Не могу без него…» — на пороге безумия, отзывалось внутри…

Сознание стало затуманиваться, боль снесла остатки здравомыслия, и Александра запылала в огне собственного мира. Она потерялась в дебрях измученного сознания, и не знала, сколько прошло времени, прежде чем раздался самый желанный голос в мире:

— Саш, ну что же ты молчала?! Зачем опять ждала до последнего? Неужели, я так тебе противен, что лишь в беспамятстве ты согласна вытерпеть мои прикосновения?

«Господи, о чем он? Да, я умираю без его прикосновений, я хочу их…вернее, его…»

— Потерпи немного, сейчас все будет хорошо, сейчас…

Саше показалось, что между этими словами и так необходимым ей касанием сильных рук прошла целая вечность. Ну, же… Пожалуйста…

Ее мучитель, казалось, не слышал этой мольбы. Он нежно обвел полушария налитых желанием грудей, чуть потеребил горошины сосков и добился тягучего, полного неги стона своей жертвы. Нажим чутких пальцев усилился, и девушка выгнулась от мучительно-сладкой боли. «Пожалуйста…» Мужчина умело распалял ее страсть, добиваясь полной и безоговорочной капитуляции.

И Саша не выдержала — она сама подалась к его руке, подставляя разгоряченное тело под искушающую ласку, смиряясь с тем, что больше не властна над своей сущностью. Оборотень, почувствовав согласие девушки, недоверчиво вздрогнул и невесомо прикоснулся к губам Александры. «Mon amour… Нежная, сладкая, невыносимая… Mon tresor… Не могу без нее…» — отзывалось внутри, и Глеб принялся исступленно изучать ее тело — руками, губами, всем своим существом, ощущая его податливость и мягкую щедрость…

А Саша теряла себя от множества непривычных ощущений.

Легкие касания принесли с собой прохладу, забирая жар и боль, невыносимо сладкие губы дразнили, обещая наслаждение, и тут же отступали, заставляя девушку тянуться за ними, стонать, выпрашивать желанную ласку и забывать обо всем, кроме единственно нужного ей — такого ненавистного и такого… необходимого мужчины…

Финальный аккорд их страсти был бурным и заставил обоих кричать от избытка ощущений. Невероятно! Глеб даже не представлял, что такое возможно… Держать в руках гибкое, мягкое тело своей пары, чувствовать нарастающую в нем дрожь, услышать протяжный стон и ощутить отголоски ее сладкого спазма… Это было непередаваемо и прекрасно…

Оборский обнял Александру и уложил к себе на грудь. Девушка, еще не отойдя от пережитого наслаждения, не сопротивлялась. Она бездумно плыла по волнам удовольствия, ощущая невесомую легкость и покой.

Но вот, понемногу, к ней стали возвращаться здравый смысл и привычное недоверие, и Саша попыталась выскользнуть из удерживающих ее объятий.

— Сашенька, я тебя прошу — не бойся меня, — услышала она умоляющий голос Оборского, — я больше никогда не причиню

тебе вреда. Ты мне веришь?

Девушка кивала, а сама продолжала выбираться на свободу. Хватит, хорошего понемножку… И так уже, расслабилась сверх меры. Это же надо — самой выпрашивать ласку и таять от прикосновений Оборского! Александре было невыносимо стыдно. Что она вытворяет! В моменты, когда ее охватывает жар, исчезает все — мысли, установки, ненависть… и даже сама она, Саша, превращается в другое существо. Глеб для нее, что наркотик для наркомана. Она стала зависимой от него — от его прикосновений и объятий, от колдовских медовых глаз и ироничной улыбки… А еще, она дико, до дрожи, боялась. Боялась привыкнуть, поверить, довериться… А потом, оказаться ненужной. Однажды, она надоест Оборскому, и он выкинет ее из своей жизни. И что тогда делать? Каким образом бороться с укоренившейся зависимостью?

Девушка не могла понять, как умудрилась так сильно вляпаться? Когда сумела настолько увязнуть в своих непонятных чувствах к проклятому оборотню?

Александра незаметно посмотрела на лежащего рядом мужчину и наткнулась на серьезный, настороженный взгляд. Оборский был собран и наблюдал за ней, будто просчитывая варианты ее поведения.

— Все хорошо? — напряженно спросил он.

Саша кивнула и попыталась сползти с постели. Не тут-то было! Глеб аккуратно перехватил ее поперек живота.

— Подожди-ка, ma cherie, не так быстро. Ты куда?

— Мне в ванную надо, — Саша старалась не реагировать на удерживающие ее руки. А Оборский, чуть ослабив захват, слегка поглаживал ее животик, отчего все тело девушки вновь начинало таять и плавиться, отзываясь на незамысловатую ласку.

— Не вставай, я сейчас сам тебя отнесу, — и Глеб, подхватив Александру на руки, направился в ванную.

Осторожно опустив девушку под теплые струи, мужчина выдавил на губку щедрую порцию геля для душа.

— Глеб Александрович, я сама, — попыталась отстоять свою независимость Саша. Оборский хмыкнул, но не поддался.

— Саш, ты сейчас слаба, как котенок. Позволь мне тебе помочь, — и он невозмутимо принялся намыливать строптивицу. Бережные прикосновения быстро усыпили бдительность Александры, сил на сопротивление, попросту, не осталось, и она, вздохнув, отдалась на волю ласковых рук. Ммм…как приятно…

Тепло распространялось по всему телу, глаза неумолимо закрывались. Саша из последних сил старалась не заснуть. Томная нега окутывала ее сознание. Ни думать, ни переживать не хотелось. Потом. Все потом. Сейчас, есть только нежные касания

больших ладоней и струящаяся вода, уносящая все плохое, что было когда-то.

Глеб бережно промокнул мокрые волосы девушки, тщательно вытер полотенцем все ее тело и, подхватив на руки, легко донес до постели. Оборский удивлялся тому, с каким трепетом относится теперь к совершенно простым вещам. Казалось бы, что может быть интересного в том, чтобы одевать женщину? Ха! Раньше, его больше увлекало обратное действо. А сейчас… Он с наслаждением помогал Саше одеваться, укрывал ее одеялом, даже не укрывал, а укутывал по самый очаровательный носик, опасаясь малейшего сквозняка, с удовольствием кормил ее, сегодня, вот, даже искупал и был, при этом, на седьмом небе от счастья. Чудеса!

Незаметно втянув в себя запах волос своей пары, Глеб расплылся в блаженной улыбке, но Саша этого уже не увидела — она заснула сразу, как только оказалась на кровати. Последней попыткой отстоять свою независимость, было желание самой натянуть ночнушку, но Глеб оказался неумолим — он невозмутимо надел на нее сорочку и подоткнул одеяло. Последним, что помнила Александра, был тихий, еле различимый шепот: — спи, моя хорошая… А может быть, это ей просто приснилось…

Оборотень, затаив дыхание, наблюдал за спящей Сашей. Надо же, отключилась прямо у него на руках. Такая беззащитная, открытая, трогательная в своих наивных попытках быть самостоятельной. «Нет, уж — поздно. Никуда ты от меня не денешься» — думал Глеб, перебирая подсохшие пряди рыжих волос Александры. Он видел, как теряется Саша от реакций своего тела, как рьяно пытается избавиться от странной зависимости, захватившей ее целиком, как не может примирить свое сознание, которое не доверяет Оборскому и помнит все обиды, и свое сердце, бьющееся в унисон с сердцем оборотня. Мужчина понимал, что Саше нелегко справиться с собой, но она борется. Только доведенная до крайности сжигающей ее горячкой, она сдается и растворяется в его объятиях. Зато потом, когда к ней возвращается способность мыслить здраво, в глазах девушки он снова видит свой приговор — недоверие, страх и неуверенность. Как же невыносимо раз за разом наблюдать это превращение. Вот, только что, она со всей страстью отдается ему, а спустя миг — из ее глаз льется презрение и стыд за свою податливость. Эти «качели» угнетали Глеба, лишая его уверенности в будущем. Неужели, только так и будет? Неужели, они никогда не смогут быть вместе по доброй воле Саши? Нет. Он добьется от нее взаимности. Костьми ляжет, но сумеет убедить ее

в своей любви. Окружит заботой, приручит, сделает зависимой… Все, что угодно, но она должна поверить, должна простить и довериться ему.

На следующий день профессор Николсон зашел проведать свою пациентку. Саша как раз завтракала, и, взглядом показав Тамаре — новой домработнице — чтобы та унесла поднос, вежливо поздоровалась с доктором.

— Ну, деточка, как прошла ночь? Есть какие-либо жалобы? Боли, слабость? — спрашивал он, прощупав лимфоузлы и взяв девушку за руку. — Сердце не беспокоит?

Профессор принялся считать пульс, а Саша незаметно вздохнула. «Сердце еще как беспокоит, доктор — подумала она, — вырвать бы его и заменить нормальным. А то, все ноет и ноет, жалеет проклятого оборотня, всю душу выворачивает этой жалостью…»

Разумеется, вслух она сказала совсем другое.

— Вы знаете, господин профессор, как ни странно, но я чувствую себя лучше.

Это было правдой. Сегодня Саша, впервые за много дней, проснулась отдохнувшей. Нет, слабость не ушла до конца, но она, как-будто, затаилась где-то, отступив и дав Александре возможность дышать свободно.

— Ну, еще бы, — улыбнулся врач, — правильное лечение творит чудеса.

— Но я же ничего не принимала… — непонимающе уставилась на него девушка.

— Ну, скажем так, ваше лекарство особого рода, — усмехнулся профессор, — не удивляйтесь, я сейчас постараюсь вам все объяснить.

И он подробно рассказал Саше, что именно может ей помочь.

По мере его рассказа, глаза девушки темнели и наполнялись недоверием. Нет, ее здесь, точно, за дуру держат! Ага, щаз… Что за бред они придумали?

— То есть, вы хотите сказать, что регулярная близость с Оборским и есть то самое «лекарство»? — подчеркнуто спокойно спросила она.

— Да-да, вы все правильно поняли, — довольно закивал головой Николсон.

— Профессор, это Глеб Александрович попросил вас убедить меня в этом… этой… в общем, в этой глупости? — разгневанно посмотрела на него Александра.

— Зря вы не верите, деточка. Это единственное средство, которое спасет и вашу жизнь, и жизнь ваших детей. Нужно постараться исправить ту ошибку, что совершил ваш… э… муж.

Постарайтесь принять свое прошлое и попытайтесь пойти дальше. Вам сейчас нужно выжить, поэтому, хотите вы или нет, но мистер Оборский должен стать вашим постоянным спутником, хотя бы на время беременности. А уж потом, вы сами решите, как жить дальше. Главное — сумейте продержаться до родов. Я очень надеюсь на ваше благоразумие.

Саша ошарашенно слушала Николсона, не в силах поверить, что это не розыгрыш, не заговор, с целью свести ее с Глебом, не попытка манипуляции… Нет, если рассуждать здраво, то ей, действительно стало лучше после вчерашней… близости. Но представить, что их отношения с Оборским станут постоянными… Это катастрофа. Тяга к Глебу и так измучила ее, не хватало только окончательно превратиться в зависимое существо, ждущее ласки от хозяйской руки.

Саша со стоном зарылась головой в подушку. Если бы не дети…

Подняв покрасневшее лицо, она посмотрела на Николсона и решительно сказала:

— Ну, что ж, профессор, если другого выхода нет, я попытаюсь…

— Я не сомневался в вашем здравомыслии, Александра, — улыбнулся старый оборотень.

Глава 16

— Саша… — шаловливая рука подкрадывается к ее груди.

— Ммм…

— Просыпайся, mon coeur… — девушка чувствует, как чуткие пальцы перекатывают горошину соска, и острая волна наслаждения захлестывает податливое тело.

— Не хочу… — теплая мужская ладонь опускается все ниже и полный неги стон рождается в груди Александры.

Не открывая глаз, Саша тянется навстречу ласковым рукам и приоткрывает губы.

Мужчине не нужного иного приглашения — он властно накрывает ее губы своими и уверенно завоевывает сдавшуюся территорию. Спустя полчаса, разомлевшая девушка открывает глаза и тонет в обжигающем взгляде оборотня.

— Доброе утро, — ласково шепчет он.

Александра смущенно улыбается припухшими губами.

— Доброе утро, Глеб Александрович, — неуверенно произносит она.

— Саш, я же просил, — морщится Оборский. Он устал упрашивать Александру обращаться к нему по имени. Упрямая девушка не сдавалась. Как бы ни было ей хорошо, даже в моменты наивысшего наслаждения, она ни разу не назвала его Глебом. Хотя, Саша, вообще, редко обращалась к нему. Все больше отмалчивалась.

— Простите, но я не могу… пока, — прошептала Александра.

Она, действительно, не могла разрушить эту дистанцию, сознательно отстраняясь от полного растворения в своем… а кто он ей? Любовник? Хозяин? Любимый?

Саша упорно держалась за ненужную формальность, не позволяя себе забыться. Нет. Нельзя. Нельзя привыкать, нельзя верить. Пусть ненасытное тело поверило — хозяин приручил его, и оно отзывается на малейшую ласку острым наслаждением, но холодный рассудок шепчет — не верь, потом будет больно.

Саша медленно встала с постели, накинула легкий пеньюар и пошла в ванную. Оборский, не отрываясь, наблюдал за ней. За последние месяцы Александра немного поправилась, груди налились приятной полнотой, бедра чуть раздались и гордо поддерживали выступающий животик, в котором росли его дети. При мысли о наследниках, Глеб скупо улыбнулся. До родов оставалось совсем немного времени, скоро малыши появятся на свет. Они уже и сейчас проявляют активность, вовсю пинаясь и толкаясь изнутри. Глеб удивлялся, как Саша умудряется спокойно

спать и не реагировать на всю эту возню. Но его пара, наконец-то, стала чувствовать себя хорошо, у нее нормализовался сон, появился аппетит, и, самое главное, зажила его метка. Остался едва заметный след на шее, который был виден, только если тщательно присмотреться. Александра окрепла, поздоровела, на щеках играл румянец, глаза блестели. Оборский готов был смотреть на нее часами. Правда, не всегда удавалось подолгу находиться рядом с Сашей, все-таки, дела клана требовали его внимания, но каждую свободную минуту он проводил вместе с ней, и спали они теперь в одной постели. Это было настоящим чудом — засыпать, сжимая в объятиях свою девочку, наслаждаться ее теплом и ароматом, ощущать под руками биение жизни своих детей… А наблюдать, как Саша просыпается? Мягкая, нежная, такая домашняя и уютная…

Александра вышла из ванной и открыла шкаф. Он был забит новыми вещами до отказа. Оборский постоянно что-то покупал — красивые легкие платья для беременных, туники, брюки, домашние костюмы. Кучу каких-то невероятных маечек, сорочек, пижамок, белья… А еще — невероятно красивые вечерние наряды.

По мере увеличения Сашиных объемов, Глеб привозил все новые и новые дорогущие вещи.

Девушка поначалу сердилась, доказывала, что ей ничего не нужно, что она сама в состоянии купить себе одежду, но Оборский быстро пресекал подобные настроения, попросту закрывая ей рот поцелуем, и твердо говорил — «у тебя должно быть все самое лучшее, и не спорь со мной». Одним словом — альфа…

Медленно, исподволь, оборотень приручал свою пару, стремясь к тому, чтобы она забыла прошлое, отринула все сомнения. И только об одном боялся говорить — о своей любви. Глебу казалось, что еще рано, что слишком мало времени прошло после той ночи, что девушка должна сама убедиться в том, что он не причинит ей вреда… А уж потом… Потом он сумеет найти нужные слова, добьется ее любви и признания, и их жизнь наконец-то выровняется. Сейчас, они словно ходят по лезвию ножа — одно неосторожное слово, и Александра закрывается в своей раковине, окидывая его недоверчивым взглядом васильковых глаз. Непонятное выражение, проскальзывающее в их глубине, заставляло Глеба нервничать и держаться настороже.

Прошедшие месяцы напоминали хождение по минному полю. Как сложно было приручить Сашу, изгнать страх из ее души, заставить ее хоть немного расслабиться. Ночи, которые они проводили вместе, ненадолго сближали их, но дни… Слишком

много усилий пришлось прилагать оборотню, чтобы добиться хотя бы нормального общения с девушкой. Нет-нет, да и мелькал ужас воспоминаний в глубине ее глаз. В такие моменты, Глебу хотелось взвыть от безнадежности — не забыла. Не простила. Все помнит. Лишь в последние недели, когда физическое состояние Александры, наконец-то, пришло в норму, девушка стала спокойнее относиться к присутствию рядом Оборского. Глеб часто замечал на себе ее задумчивые взгляды, ощущал спокойствие, поселившееся у нее внутри, и тихо радовался наступившим переменам.

…А Саша привыкла к жизни среди волков. Правда, они никогда при ней не обсуждали свои дела, и уж, тем более, ни разу она не видела их во втором облике, но сам уклад жизни усадьбы, четкая иерархия, строй и порядок их существования стали ей близки. Она незаметно прониклась духом старого дома, привыкла к его правилам и уже спокойно выходила к ужину в вечернем платье и с уложенными волосами… Понемногу, исподволь, она присматривалась к Глебу и понимала, что его прошлое таит много загадок. Иногда, лежа без сна рядом с мужчиной, девушка размышляла о своем… хозяине. Саше очень хотелось узнать, как он жил, где родился и вырос, кто были его родители и где они сейчас…

Разумеется, она не осмеливалась задать все эти вопросы вслух, но думать об этом не прекращала.

Жизнь в старинном особняке текла размеренно и неторопливо. Единственное, что огорчало Сашу — Глеб запретил ей выезжать за пределы усадьбы. Ну, как запретил? Ласково порекомендовал, но так, что ослушаться было невозможно. По его глазам она видела, что Оборский боится. Боится, что она сбежит, боится, что с ней что-либо случится, и он не сможет помочь…

— Саш, я тебя прошу, давай не будем рисковать — побудь дома до родов, — уговаривал он ее, — тебе не так давно стало лучше, и мне не хочется неожиданностей. Все, что нужно, я тебе привезу, ты только скажи.

— Я хотела сама зайти в банк, — сколько можно просить Алексея Николаевича оплачивать кредит, и в квартире сто лет не была, и по городу погулять хочу, — пыталась добиться своего Саша.

Ага. Добилась… В тот же день, Оборский принес ей документы из банка — ее ипотека была погашена досрочно. Он внес всю сумму сразу. На попытки девушки заикнуться о деньгах, Глеб так посмотрел на нее, что она не рискнула возражать. «Все, вопрос закрыт» — сказал ей взгляд янтарных глаз.

В конце концов, Саша смирилась с тем, что Оборский

полностью взял на себя все ее проблемы.

Александра понимала, что он старается ради детей, создавая ей комфортные условия жизни и отсутствие переживаний, но где-то глубоко внутри мелькала робкая надежда — а может быть, это не только из-за детей? Может быть, и к ней, Саше, у него есть какие-то чувства?

Последние несколько месяцев прошли в какой-то странной атмосфере. Оборский окружил Александру сказочной заботой, предупреждая любое ее желание и, тут же, исполняя его. Саша, поначалу недоверчиво относившаяся к хозяину и переменам, произошедшим с ним, постепенно оттаяла и взглянула на Глеба по-новому. Оборский открылся девушке совсем с другой стороны. Умный, начитанный, свободно владеющий несколькими языками… Интересный собеседник, потрясающий любовник — нежный, чуткий, внимательный… И, одновременно, очень закрытый, не подпускающий ее дальше тех границ, которые сам же негласно и обозначил. А ей так хотелось раздвинуть воздвигнутые им стены, заглянуть за них, узнать, что скрывается за его внешней невозмутимостью. Несколько раз она попыталась задать интересующие ее вопросы, но Глеб очень ловко увел разговор в сторону, и девушка только со временем поняла, что он так и не ответил ни на один из них. Остальные попытки так же не увенчались успехом, и Саша отступилась. Возможно, со временем, все прояснится.

Хотя, и то, что ей удалось увидеть, давало повод для размышлений.

Александра даже не предполагала, что властный и ироничный мужчина может быть таким заботливым и добрым. Нет, девушка, конечно же, понимала, что прежний Оборский никуда не делся — остальные обитатели усадьбы, по-прежнему, сталкивались с его жестким характером, но то, как бережно и трепетно он относился к ней, заставляло Сашу всей душой тянуться к своему хозяину. Да, глупо, да, недальновидно… Но она устала с собой бороться. Сдалась. Глеб приручил ее. К себе, к своим рукам, к своим губам, к своему телу… К постоянному присутствию рядом. Если Оборскому приходилось уехать по делам на несколько дней, Саша чувствовала болезненную пустоту в душе, ей не хватало Глеба, она волновалась, скучала и, только когда он возвращался, мир вновь обретал привычные краски…

…Девушка задумчиво уставилась на открытый шкаф, размышляя, что надеть. Обилие вещей делало выбор непростым занятием, и Александра неторопливо передвигала плечики с одеждой. Что лучше — нежно-голубая туника с легкими брючками, или жемчужно-серое платье? Раздумья прервал звонок

телефона Оборского. Саша потянулась к мобильному, собираясь отнести его Глебу в ванную, но, на полпути, ее рука дрогнула и остановилась. На экране высвечивалась фотография Алины. Звонила невеста Оборского. Саша почувствовала, как внутри что-то противно заныло, отзываясь во всем теле мелкой дрожью. Вот оно — то, чего она так боялась. То, чего втайне ждала и о чем хотела забыть.

Александра отдернула руку от жалящего своим звонком мобильного и тяжело осела на кровать.

Оборский никогда не говорил о том, что будет с ними дальше. А Саша не спрашивала. Слишком много на нее всего свалилось в последнее время: и тяжелые первые месяцы беременности, и неуверенность в завтрашнем дне — сумеет она до него дотянуть или нет? — и непонятные отношения с Глебом… А потом, когда Александра почувствовала, что к ней возвращаются силы, поверила, что сумеет дожить до родов и увидеть своих детей, какая-то непередаваемая эйфория охватила ее и заставила забыть обо всем плохом, что было. Саша была счастлива. Размеренная жизнь в усадьбе завораживала своим постоянством, Глеб был внимателен и ласков, все вокруг тряслись над ней и выполняли все ее прихоти и казалось, что так будет всегда — она, Оборский, их дети, Метельский, члены клана… А сейчас, наступило отрезвление — будущее, которое она не желала видеть, внезапно настигло ее, в виде звонка Алины, и заявило о себе во весь голос.

Глеб ничего не обещал. Он поддерживал ее, содержал, проводил ночи, но никогда… ни разу… не предлагал чего-то большего.

Девушка устало провела рукой по лицу. Кто она для хозяина? Любовница? Мать его детей? Содержанка? Или просто прислуга, которая умудрилась не вовремя залететь?

Саша почувствовала, как холодный обруч сжимает внутренности.

Дура! Какая же она дура! Расслабилась, забылась, доверилась…

Неужели забыла жизненные уроки? Нельзя доверять мужчинам! Нельзя…

Вышедший из душа Глеб с испугом уставился на бледную, какую-то поникшую Александру.

— Что? — в мгновение ока, подскочил он к девушке. — Где болит?

Он тормошил Сашу, пытался понять, что с ней, но она молчала.

Правда, потом, словно очнувшись, девушка, через силу,

улыбнулась и тихо выдохнула:

— Со мной все хорошо. Просто, голова закружилась. Да, не волнуйтесь вы, Глеб Александрович, уже прошло. С вашими детьми все будет в порядке.

Она как-то невесело усмехнулась и попыталась встать, но встревоженный Оборский не позволил, удерживая ее на месте и набирая номер Бориса.

— Бор, у Саши голова кружится, — без предисловий выпалил оборотень, — я не паникую, я спрашиваю, что делать… Да, не волнуюсь я… Вот, если ты такой умный, то приди и разберись, что с ней, — процедил он, играя желваками, — ладно, ждем.

То, что Глеб чувствовал, внушало ему тревогу. Саша боялась. Что-то произошло в его отсутствие. Мужчина не мог точно сказать, откуда ему это известно, но страх своей пары он ощущал очень четко. Страх и отчаяние.

— Саш, скажи мне, что тебя беспокоит? — пытался выяснить он.

Ага. Нашел, кого спрашивать! Когда такое было, чтобы Александра сама, добровольно, призналась хоть в чем-то? Вот, и сейчас промолчала. Глеб гладил ее по волосам, пытаясь успокоить, но напряжение, сковавшее девушку, не проходило.

Борис пришел быстро.

— Ну, что тут у нас? — весело поинтересовался он у Саши.

— Все хорошо, — спокойно ответила Александра, — Глеб Александрович зря вас побеспокоил, со мной все в порядке.

— Ну, раз уж я здесь, давай-ка я тебя осмотрю, — улыбнулся ей Нелидов, — а Глеба Александровича мы попросим выйти.

— Никуда я не пойду, — резко ответил Оборский.

— Глеб, — протянул Борис, укоризненно глядя на племянника.

— Ладно, — недовольный альфа неохотно вышел из комнаты.

— А теперь, Александра Павловна, скажите-ка мне откровенно, что случилось? — врач пристально посмотрел на девушку.

— А ничего не случилось, любезнейший Борис Анатольевич, — в тон ему, ответила Саша, — просто, у нашего многоуважаемого Глеба Александровича — прогрессирующая паранойя. Ему все время кажется, что со мной что-то не так. Мало того, что я сижу взаперти уже полгода, так еще и вздохнуть не могу, без его ведома! Я устала, мне это все дико надоело! Я хочу уехать отсюда! — с каждым словом, Саша все больше и больше распалялась и, под конец, просто заплакала, не в силах сдержать накатившую истерику.

Дверь комнаты распахнулась, и Оборский влетел внутрь,

кинувшись к Александре.

— Саша, ну, что ты? Что произошло? — он обеспокоенно смотрел на свою пару, не в силах понять, почему она рыдает.

— Бор, что ты ей сказал? — рычал он на Нелидова, — ты ее обидел? Да, что вы молчите?

Саша подняла голову и посмотрела на врача.

— Вот, видите, о чем я? Он же мне вздохнуть свободно не дает! Он всегда рядом! Я устала от этого! Я домой хочу! Отпустите меня, пожалуйста!

Девушка рыдала, не в силах справиться с собой. Звонок Алины подвел черту под ее расслабленным, бездумным существованием. Обида, горечь, неуверенность — все это прорвалось и нашло выход в обильных слезах.

Перепуганный Оборский не знал, что делать, Нелидов молча наблюдал за истерикой Саши, мудро решив не вмешиваться, а девушка самозабвенно рыдала.

— Саш, а ничего, что ты детям навредить можешь? — спокойно поинтересовался врач, выждав еще немного.

Всхлипы стали реже, и Александра подняла голову.

— Вот, и умница, — похвалил Нелидов, — а теперь, умывайся и отправляйся завтракать. А ты, Глеб, успокойся и езжай в офис. Мы тут сами разберемся.

Выпроводив расстроенного альфу, Борис повернулся к Саше.

— Я понимаю, что тебе тяжело, но постарайся не отчаиваться. Все обязательно наладится, вот увидишь. А Глеб… Он очень тебя любит и боится потерять, поэтому и трясется над каждым твоим шагом, — обратился к девушке старый оборотень.

— Простите, за эту безобразную сцену, — понуро опустила голову Саша, — я не знаю, что на меня нашло. А насчет Глеба Александровича… Думаю, вы ошибаетесь и никакой любви ко мне у него нет. Ну, да, это неважно. Спасибо, что помогли справиться с собой.

Александра попыталась улыбнуться, но улыбка вышла бледной и неуверенной.

Нелидов покачал головой и вышел из комнаты. Не он должен говорить девочке о любви альфы. Глупая молодежь… Не могут понять друг друга, не могут договориться… И племянник… Судьба дала ему такой шанс, а он… Эх, если бы была жива Натали…

Борис шел к себе в комнату, расстроенно вспоминая сестру Наташу, мать Глеба. Вот кого не хватало сейчас в доме. Уж она бы сумела объяснить невестке все тонкости жизни оборотней. И про любовь, и про пару, и про единственную… Да, чего уж там… Не дожила Натали до внуков, не успела порадоваться…

А Глеб, выехав из дома, утопил педаль газа в пол и рванул вперед. Слова Саши острыми осколками вспарывали внутренности. Не простила. Все так же ненавидит, просто, смирилась и научилась не показывать свою неприязнь… А сегодня… Сегодня, почему-то, не выдержала и сорвалась. Высказала все, что думает. Устала девочка, домой хочет… От него устала…

Голова раскалывалась, перед глазами снова стали расплываться красные круги… Да, что с ним такое?!

Резко затормозив, Оборский рванул дверь хаммера. Глоток свежего воздуха привел в чувство. Фух… Отпустило…

Положив тяжелую голову на скрещенные на руле руки, Глеб устало вздохнул. Со времени той страшной ночи, он ни разу не смог расслабиться. Постоянно настороже, постоянно в ожидании подвоха… Ненависть и презрение Саши, ее страх, нежелание быть с ним рядом, пересиливаемое лишь одним — боязнью навредить детям… Она не простила. Помнила все. Помнила и настороженно ждала от него повторения той боли. Он видел это. Чувствовал. Понимал.

Сейчас, Оборский смог признаться самому себе, что проиграл. Устал быть плохим, устал видеть в ее глазах отражение того монстра, каким запомнился ей в ту ночь… Он старался… Господи, как он старался, чтобы она простила, забыла обо всем, поверила ему… Все напрасно. Такое не прощается… Нужно смириться с этим и отпустить ее. Пусть из них двоих, хоть она будет счастлива…

Глеб завел машину и медленно выехал на шоссе. Принятое решение тяжелым грузом давило на плечи, но мужчина сосредоточенно смотрел на дорогу, не позволяя себе усомниться в правильности избранного пути.

Вечером в старой усадьбе было необычайно тихо. Оборский не вернулся домой, остальные оборотни бесшумно исчезли в недрах леса, а Саша, поглаживая Тошку, беспокойно прислушивалась к неестественной тишине особняка. Наступила полночь, а Глеба все не было. Девушка расстроенно вспоминала, с какой болью Оборский посмотрел на нее, прежде чем вышел из комнаты. Как будто, она была в чем-то виновата. Как будто, обидела его…

Неужели, ее слова так расстроили мужчину?

Размышления Саши прервал звук подъехавшей машины. «Глеб…» — встрепенулась Александра. Она невольно подалась вперед, увидев, как открывается дверь спальни.

Оборский тихо вошел в комнату и молча подошел к ней. Медовые глаза сумрачно смотрели на Сашу из-под черных бровей.

Лицо мужчины казалось выточенным из камня.

— Я подумал над твоими словами, — тихо произнес он, глядя прямо на девушку, — и постараюсь больше не докучать тебе своим присутствием, — Глеб обвел комнату каким-то пустым взглядом, остановил его на Саше и продолжил: — Сейчас, я не могу отпустить тебя домой, это будет безумием. Потерпи до родов, а потом, мы решим, что делать. И прости меня за навязчивость.

Он развернулся и вышел из спальни, оставив девушку изумленно смотреть ему вслед.

«Ну, вот…Добилась? Радуйся! Больше тебе докучать не будут!» — иронично произнес ее внутренний голос.

Но радости не было. Вместо нее, внутри расползались пустота и тоска, а долгожданная свобода имела острый привкус горечи…

Больше Оборского Саша не видела. Нет, в усадьбе он появлялся, но только глубокой ночью, когда весь дом уже спал. А уезжал рано утром, до того, как просыпалась Александра.

Девушка мучилась от тоски, переживала из-за сказанных сгоряча обидных слов, а потом, поняла, что так будет лучше. Пусть все идет так, как идет. Быть может, после родов, Глеб отпустит ее. Вместе с детьми. Это было бы самым лучшим выходом для всех.

Саша устало ворочалась в кровати. Сон не шел. Поясница, болевшая весь вечер, тянула все сильнее, внутри разливалось странное предчувствие. Нет, до родов еще далеко… Если верить Нелидову, впереди у нее три недели… Ну, это Саша так думала. Дети решили иначе.

Резкая схватка заставила ее застонать. Господи, больно-то как! Отдышавшись, она дотянулась до телефона.

— Борис Анатольевич…Ой… Кажется, я рожаю… — успела просипеть она, и новый спазм скрутил ее тело.

Через минуту, Нелидов с Татьяной были у нее. Врач деловито отдавал распоряжения, резко запахло спиртом, яркий свет ударил по глазам, и Саша поморщилась. Ей хотелось отвернуться от лампы, но тут очередная волна боли накрыла ее, и девушка забыла обо всем. Как сквозь вату, она слышала слова Бориса Анатольевича, спокойный голос Татьяны, на краю сознания мелькнуло лицо Оборского и тут же исчезло, подернувшись пеленой боли.

Ровно сутки длился ее персональный ад. Краткие передышки сменялись долгими, выматывающими схватками, и Саше казалось, что это никогда не закончится. Долгожданный крик сначала одного, а потом, и второго ребенка, показался музыкой.

Она справилась! Облегченно уронив голову на подушку, Саша наблюдала, как к ней подносят ее малышей. Двойня. Мальчик и девочка. Александра зачарованно смотрела на них, не веря, что все закончилось. Вот они, ее крохи. Оборский незаметно подошел сбоку и наклонился над детьми. За то время, что Саша не видела его, он осунулся, похудел, даже почернел как-то. Ласково прикоснувшись к макушкам малышей, он посмотрел поверх их голов на Александру и тихо произнес: — Спасибо, — а потом, развернулся и вышел из комнаты.

С рождением детей, жизнь Саши резко изменилась. Два маленьких создания сумели полностью перевернуть сознание молодой женщины. Отныне, все ее существование подчинилось могучему материнскому инстинкту: накормить, запеленать, укачать — и так по-кругу. Одинаковые, янтарно-желтые глаза двойняшек осмысленно смотрели на маму, и Саша таяла, умиляясь своим крохам. Глеб появлялся в ее комнате только по вечерам. Сам, не доверяя никому, купал малышей и забирал их в свою спальню, давая Саше возможность поспать. Правда, через несколько часов приносил детей обратно, но девушке хватало времени на отдых. А Оборский уезжал из дома до следующего вечера. С самой Александрой он почти не разговаривал. Да, и зачем? Кто она ему? Так, бывшая прислуга… Надоевшая любовница… Зато на своих отпрысков хозяин особняка разве что не молился. Такого сумасшедшего папашу было еще поискать! Когда он брал на руки Катю и Тему, его лицо менялось — в глазах появлялся свет, легкая улыбка преображала суровые черты и разглаживала появившуюся морщинку на лбу, в голосе проскальзывала ласка, а большие руки удивительно нежно держали крохотных малышей. Саша исподтишка наблюдала за ним и пыталась успокоить предательское сердце, не желающее забывать, как эти самые руки, что сейчас аккуратно держат маленьких оборотней, когда-то, с такой же нежностью, прикасались, обнимали, дарили тепло… А сейчас… Глеб не обращал на нее внимания. Так, уточнял что-нибудь, касающееся малышей и равнодушно отводил глаза. Саша ощущала себя ненужной и забытой. Правильно, а чего она хотела? Глебу Александровичу нужны были дети, он их получил, ну, а Александра свою роль уже выполнила, к чему теперь перед ней расшаркиваться? Все чаще, девушка задумывалась над тем, как ей жить дальше. И, все чаще, в голову приходила старая, заезженная мысль — бежать. Надо уходить из усадьбы, пока у нее не забрали ее двойняшек. Она думала об этом, лежа без сна в своей одинокой постели. Или гуляя с малышами во дворе. Или укладывая их спать. Бежать. Иначе будет поздно. Пройдет еще немного

времени, и Оборский приведет в дом жену, а что останется ей, Саше? Быть кормилицей, няней, или прислугой?

Мысль о побеге исподволь зрела внутри, принимая все более четкие формы.

И однажды, наступил момент, когда эта мысль получила свое развитие.

Одним из вечеров, Оборский зашел в комнату Саши раньше обычного. Внешне, мужчина выглядел спокойно и расслаблено, но девушка чувствовала исходящее от него напряжение.

— Саша, я уезжаю, — начал он, останавливаясь напротив Александры и глядя на уснувших, на ее руках, детей.

— Надолго? — спросила девушка.

— Примерно на неделю, может быть, чуть меньше. Алекс едет со мной, так что, если что-то понадобится, обращайся к Нелидову, он поможет.

— Хорошо, — кивнула Саша.

Оборский развернулся и пошел к выходу из спальни, но, у самой двери остановился и обернулся к девушке.

— Когда я вернусь, нам с тобой предстоит серьезный разговор, — проронил он и вышел из комнаты.

У Александры глухо застучало сердце. Ну, что же — дождалась. Интересно, вещи сразу собирать?

Она посмотрела на своих сладко посапывающих малышей и почувствовала странную боль в груди. Все вернулось на круги своя. Холодный и равнодушный Глеб слишком сильно напоминал прежнего хозяина.

Давай, золушка, просыпайся от своего сказочного сна и бери в руки швабру. Конец истории. Принцу ты больше не нужна…

Девушка устало прикрыла глаза. Надо же… «Единственная… Пара… Все ложь. Просто, кому-то очень хотелось поверить в невозможное… — Саша вытерла предательские слезы, — хватит себя жалеть!» Она решительно поднялась с кресла, уложила спящих малышей в кроватки и еще долго стояла, наблюдая за маленькими, сладкими комочками. Такие крохотули! И такие разные! Тема сердито насупил бровки, причмокивая губами и размахивая кулачком. Вояка… Катюша спала спокойно, лишь временами, слабая улыбка растягивала пухленькие губки. Девочка… Маленькая, сладкая девочка… Саша с умилением наблюдала за своими карапузами, чувствуя щемящую нежность и всепоглощающую любовь. У нее есть за что бороться! Своих малышей она никому не отдаст!

А ночью дети устроили ей небольшой армагеддон. Они не спали, отказывались от груди и кричали, не переставая. Прибежавшая на их громкие вопли Татьяна попыталась помочь

Саше, но маленькие оборотни ни в какую не желали покидать мамины руки. Они орали, визжали, хныкали… Спокойных, обычно, детей будто подменили! И, как назло, Нелидова не оказалось дома — после сложной операции, он остался в клинике, присмотреть за пациентом. К рассвету, у Саши, от усталости, двоилось в глазах, и отваливались руки. А маленькие капризули сладко причмокивали во сне. Откричав всю ночь напролет, под утро, они с аппетитом поели и мгновенно уснули. Как вроде и не буянили вовсе! Саша положила малышей в кроватки и осторожно прилегла на самый краешек постели, чтобы успеть вскочить, если дети проснутся. «Я только глаза прикрою… ненадолго…» — успела подумать Александра и тут же провалилась в темноту сна.

Разбудил ее скрип открывшейся двери. Не успев понять, что происходит, Саша подняла непослушные веки. На пороге спальни стояла Алина и с презрительным недоумением разглядывала Александру.

— Боже, какой кошмар! — протянула блондинка, — кормилица спит на рабочем месте… Куда только Глеб смотрит? Совсем распустил прислугу! — Алина пренебрежительно посмотрела на заспанную Сашу. — Ну, ничего, недолго тебе осталось. Как только мы с Оборским поженимся, он выкинет тебя из дома, а детям найдет нормальную няню.

Алина подошла к кроватке Темы и собралась достать его оттуда.

Неведомая сила подкинула Сашу. Ярость, поднявшаяся из глубины души, требовала вцепиться сопернице в глотку.

— Не тронь моего сына! — закричала она, кидаясь наперерез незваной гостье. — Не прикасайся к нему, иначе я за себя не ручаюсь!

— Ах, ты, тварь! — прошипела красавица-блондинка. — Да, как ты смеешь повышать на меня голос?

Она толкнула подбежавшую к кроватке Александру, и та, упав, врезалась спиной в шкаф. От удара, у Саши зашумело в голове и на глазах выступили слезы. Господи, больно-то как!

Незваная гостья усмехнулась, глядя на скрючившуюся на полу девушку, пнула ее носком дорогущей туфли и пошла к выходу из комнаты, бросив на ходу:

— Собирай свои вещи, дрянь, скоро тебя здесь не будет!

Грохот захлопнувшейся двери заставил Сашу поморщиться. Голова гудела, спину невозможно было оторвать от пола, а в глазах кружились черные точки. Да, сила оборотней несоизмерима с человеческой… Алине не пришлось прилагать много усилий, чтобы навредить «презренной прислуге». Один

удар — и Саша еле пришла в себя. Кое-как дойдя до кровати, девушка опустилась на нее, пытаясь перевести дух. Ныла ушибленная спина, в голове молоточком стучала боль, но Александра не замечала этого — она пыталась сдержать рвущуюся наружу ярость. «Все. Хватит. Детей они не получат. Нет смысла ждать мирного разговора с Оборским. Значит, придется все же…»

Решительно поднявшись, Саша, морщась от боли, подошла к комоду, в котором хранились ее документы. Свидетельство, права, диплом…Паспорта не было. Она перерыла все — да, где же он? Ведь только недавно был на месте! — но так и не смогла найти. Свидетельств о рождении детей у нее тоже не было. Они хранились у Оборского. Об этом Саша узнала от Нелидова, когда заикнулась о том, что у малышей нет документов.

— Не переживай, Сашенька, Глеб все сделал, — ответил ей тогда Борис Анатольевич.

Глеб… Она бросила быстрый взгляд на детей. Катя и Тема спокойно спали в кроватках, никак не отреагировав на появление будущей мадам Оборской. Они не проснулись ни от голоса Алины, ни от шума маминого падения. Побуянив ночью, сейчас, маленькие оборотни спокойно сопели и улыбались во сне.

Саша стояла и смотрела на своих малышей. Не отдаст. Никому. Постояв еще минутку, она решительно потянулась к телефону. Раз судьба не оставила ей иного выбора…

Девушка набрала давно вычеркнутый из памяти номер.

Спустя несколько секунд, ей ответили.

— Это я, — тихо произнесла Александра, — мне нужна твоя помощь.

Глава 17

За окном машины мелькали города и села, дорога неслась вперед, а Саша, глядя на спящих детей, вспоминала события последних часов.

После ухода Алины, девушка быстро собрала необходимые вещи, одела малышей и, позвонив Игорю, попросила его зайти.

— Александра Павловна, мы уже подъезжаем к дому, буду через несколько минут, — ответил охранник.

Саша отложила телефон и принялась в нетерпении расхаживать по комнате. Вроде бы, ничего не забыла. Деньги, документы, вещи… Все, что поместились в небольшую сумку… Ладно, остальное можно купить на месте… Главное, убраться отсюда побыстрее.

— Мне нужно в клинику, — поставила она перед фактом вошедшего мужчину, — отвезешь? И Тошку хочу показать ветеринару, что-то он не ест ничего последнее время, — легко солгала она, скрестив пальцы и посмотрев на вернувшегося недавно из леса волка.

Игорь внимательно взглянул на Александру и молча кивнул. Потом, так же молча, взял у нее сумку и открыл дверь. Он не задавал вопросов, не пытался выяснить, зачем ей нужно в больницу, просто принял это, как факт, и стал действовать. Саша, прихватив двойняшек и позвав за собой Тоху, быстро прошла в придерживаемую охранником дверь.

— Александра Павловна, вы куда? — попыталась остановить ее вернувшаяся из города, вместе с Игорем, Татьяна.

— В клинику. Вечером буду дома, — коротко ответила девушка.

— А Глеб Александрович знает?

— Глеб Александрович сам велел мне обращаться к Нелидову по любым вопросам.

— Но…

— Все, Таня, мне некогда. Игорь, ты идешь? — Саша посмотрела на охранника и пошла на выход. Она высоко держала голову, не давая себе шанса остановиться и задуматься. Потом. Все потом. Когда сумеет выбраться из этого дома.

Мужчина быстро обогнал ее и открыл дверь.

В клинике Саша пробыла недолго. Борис Анатольевич задерживался на операции, и она, сказав медсестре, что подождет его во дворе, вышла из здания через черный ход и быстро направилась к незаметной калиточке в глубине сада. За время своей беременности, Саша хорошо изучила территорию больницы

и сейчас это очень пригодилось. Только бы все получилось! Александра с волнением подошла к неприметной темной дверце и поднесла руку к замку. «Ну! Давай же! — набирая подсмотренные когда-то заветные цифры кода, молилась она. — Есть!» Раздавшийся щелчок показался музыкой!

Оглянувшись и глубоко вздохнув, девушка беспрепятственно вышла за пределы клиники.

А вот там ее ждал облом. Большой и черный. В виде огромного джипа.

— Далеко собралась? — сумрачно спросил Игорь, захлопывая дверцу машины и направляясь к Александре.

«Нет! — пронеслось внутри. — Господи, ну пожалуйста!»

Девушка невольно отступила назад. Ее взгляд заметался по сторонам, в поисках спасения, но все было напрасно — мужчина перекрывал ей единственный выход из глухого переулка.

— Игорь, пожалуйста, отпусти… — умоляюще глядя на охранника, попросила Саша.

— И куда ты пойдешь? Тебя ведь найдут в течение суток, — глухо выговорил мужчина.

— Не найдут. Я смогу уехать, — с надеждой посмотрела на него Саша, — пожалуйста. Я больше не могу так жить, — взмолилась она.

Охранник напряженно смотрел на нее и задумчиво крутил на пальце ключи от машины. Резкий, металлический звук бил по оголенным нервам Саши, отдаваясь набатом в ее душе. «Ну, же…»

— Куда тебе надо? — наконец, решился оборотень.

— Отвези меня домой, а дальше я сама разберусь, — ответила девушка.

— Садись в машину, — бросил Игорь и взял у нее из рук сумку.

Саша поправила переноску с детьми и пошла за ним следом. Выбора у нее не было. Оставалось довериться мужчине. Опять.

А вот дальше, все пошло не так, как она планировала. По приезду домой, Игорь наотрез отказался оставлять ее одну. Они спорили до хрипоты, под конец, оборотень уже просто орал на девушку, доказывая, что ее моментально найдут и привезут к Оборскому.

— Ты хоть понимаешь, с кем связалась? — кричал Игорь. — Ты знаешь, какие у Глеба Александровича возможности?

— Я не вернусь к нему, — тихо, но твердо ответила Саша, — я больше не могу так жить. И детей не отдам.

— Дура, — как-то обреченно махнул рукой охранник, и устало опустился в кресло, — как ты собираешься жить без денег и документов?

— Это не твоя забота, — воинственно отозвалась Саша.

— Значит, так, — размеренно произнес Игорь, — или ты посвящаешь меня в свои планы, и я везу тебя туда, куда тебе нужно, или мы садимся в машину и возвращаемся назад, в усадьбу. Выбирай.

Вот так и оказалась Саша на заднем сиденье джипа, на трассе М4-Дон с мрачным водителем впереди и спящими детьми на руках. Новенький форд так и остался стоять неподалеку от ее дома, ключи от квартиры были отданы соседке, а все следы поспешного отъезда уничтожены Игорем.

Единственный звонок помог Саше изменить планы и принять неизбежное — от охранника ей не избавиться. По крайней мере, в ближайшее время. И сейчас, она смотрела на напряженного мужчину, уверенно ведущего тяжелую машину, и думала о будущем. У нее обязательно все получится. Не может не получиться.

Ростов встретил их дождем. Темные, залитые водой улицы, огни вывесок и светящиеся биллборды, тишина ночного города… Старые, давно забытые воспоминания нахлынули внезапно, грозясь поглотить Сашу. Лишь огромным усилием воли, ей удалось блокировать ненужные эмоции. Не сейчас. Еще будет время обо всем подумать.

Она поправила сбившийся с Кати чепчик и напряженно уставилась в окно. Мимо пролетали светофоры, указатели, повороты… Игорь легко вел машину по пустынным улицам, а Александра с волнением узнавала знакомые районы. Джип миновал мост, мелькали привычные с детства дороги, перекрестки… Поворот, проехать еще немного, свернуть налево, и вот он — ее старый дом. Высокий забор, свет фонаря, кованые ворота… Машина подъехала к ним вплотную, и черные створки бесшумно открылись, приглашая внутрь. Игорь, оглянувшись на Сашу, решительно заехал во двор. Кажется, добрались…

Девушка невольно напряглась, готовясь к нелегкой встрече и постаралась успокоиться — «Все хорошо. Она справится!»

Крупный седой мужчина подошел к остановившемуся джипу и распахнул дверцу со стороны Саши. Пару секунд он безмолвно смотрел на Александру, охватывая ее всю внимательным взглядом жестких серых глаз, а затем, заглянув внутрь салона, дернулся и замер, разглядывая спящих в переноске детей.

— Здравствуй, отец, — нарушила тишину Саша.

Мужчина ничего не ответил, только тяжело сглотнул и кивнул девушке.

Игорь, обойдя машину, помог Александре выйти и вынес спящих малышей. Он быстро огляделся вокруг, подмечая и

ухоженный двор, и дорогую автоматику ворот, и высящийся впереди двухэтажный особняк. А небедный у девушки родитель! Интересно, что она в прислугах у Оборского забыла?!

— Идемте в дом, — наконец, подал голос Сашин отец и, не оглядываясь, пошел вперед. Гостям ничего не оставалось, как только воспользоваться этим не слишком радушным приглашением.

Дверь особняка бесшумно захлопнулась за ними, отрезая шум дождя, и приезжие оказались в просторном холле. Светло-серые стены, темная плитка на полу, полукруглая арка, ведущая в гостиную…

Когда все расположились в комнате, хозяин дома посмотрел на Сашу и кратко приказал: — Рассказывай.

— Это Игорь, он помог мне уехать из дома Оборского, — первым делом, представила девушка своего спутника, — Игорь, это Павел Владимирович, мой отец.

Саша выпрямилась, немного помолчала и принялась рассказывать о произошедшем с ней. Она говорила четко, сухо, без ненужных эмоций и подробностей. Словно, на докладе у начальства. Игорь с удивлением наблюдал за встретившимися после разлуки родственниками. Жесткий, проницательный взгляд Станкевича заставлял его напрягаться. Серьезный человек… Такие глаза бывают у тех, кто привык отдавать приказы и… убивать. Сашин отец внимательно слушал свою дочь, и по его лицу невозможно было догадаться, что он думает обо всем, что с ней случилось. Игорь отстраненно заметил, что девушка скрыла факт насилия, сказав лишь, что у нее были серьезные разногласия с Глебом, и то, что дети от него — тоже не обозначила. А отец не спросил. По рассказу Саши выходило, что Оборский — всего лишь ее работодатель, а сбежала она от его невыносимой тирании и невыполненного контракта. А еще, вскользь упомянула о личном интересе хозяина, заставив Станкевича-старшего кинуть на дочь пристальный взгляд.

Наконец, девушка замолчала, и в комнате повисла тишина.

— Я навел справки о твоем… об Оборском, — нарушил молчание Павел Владимирович, — жаль, что ты связалась именно с ним. Слишком уж значимая фигура. Против него я ничего не смогу сделать. Такие, как он, просто так не отступятся. Единственный выход — тебе нужно уехать из страны. Я договорился насчет документов. Ну, это мы потом обсудим. А теперь, вы, молодой человек — повернулся он к Игорю, — спасибо, что довезли мою дочь, но дальше мы разберемся сами. Советую вам залечь на дно и не высовываться, а еще лучше, вообще исчезнуть, — Станкевич говорил резко, отрывисто, не

нуждаясь в ответе.

— Я хотел бы остаться с Сашей, — спокойно сказал Игорь, — деньги у меня есть, а ей нужна будет помощь. Так что, одну я ее не отпущу.

— Александра? — взглянул на девушку отец.

Саша смотрела на Игоря и размышляла. Если Оборский доберется до нее, охранника он не пощадит. Нельзя рисковать чужой жизнью. Хотя, Игорь уже и так влез во всю эту историю и, по-любому, не сможет выйти из нее без потерь. Возможно, с помощью отца, все же удастся замести следы. А там, можно будет и расстаться.

— Я согласна, — ответила она, и тут раздалось жалобное хныканье — Тема проснулся. А следом за ним заворочалась и Катюша. Саша мгновенно оказалась рядом с детьми и принялась доставать их из переноски.

— Игорь, подержи, — девушка сунула хнычущего Артема оборотню и взяла на руки дочку. Станкевич напряженно наблюдал за развернувшейся суматохой. Дети раскричались на два голоса, Игорь неумело пытался успокоить Тему, а Саша, одной рукой укачивая Катю, второй — доставала бутылочки с молоком.

— Дай сюда, — не выдержал Павел Владимирович и забрал у Игоря плачущего малыша, — нужно отнести их в твою комнату, там тепло, — буркнул он дочери и понес внука из гостиной. Тема, уставившись на деда янтарными глазами, удивленно икнул и замолчал. Станкевич хмыкнул и прижал его крепче.

Спустя полчаса, сытые дети крепко спали на Сашиной кровати, а взрослые решали, что делать в первую очередь.

Итогом совещания стали недолгие сборы и, через час, старый крузак, стоявший до этого в гараже дома, направился к выезду из города. Джип остался сиротливо стоять во дворе.

— Не переживай, ребята отгонят его в надежное место, не пропадет, — успокоил охранника Станкевич. Оборотень кивнул и молча переложил вещи в новый транспорт.

Перед отъездом, отец отвел дочь в сторону и о чем-то долго расспрашивал ее. Игорь видел, как покраснела Саша, как заходили желваки на лице Станкевича, как девушка попыталась в чем-то убедить отца, но тот непреклонно покачал головой, а потом, словно нехотя, согласился, кинув на дочь нечитаемый взгляд… Игорь с напряжением прислушивался, пытаясь уловить, о чем идет речь, но так и не разобрал ни слова.

Сейчас, когда Александра дремала на заднем сиденье, оборотень сосредоточенно вел машину, раздумывая над недавними событиями. Да, непрост оказался Сашин отец. И

контора серьезная, и осведомленность немаленькая… Если кто-то и сможет им помочь, то только он.

В середине дня машина въехала в небольшой горный поселок. Несколько десятков подворий, гравийная дорога, ленивая тишина и тихий звук работающей вдалеке бензопилы.

Дом, в котором им предстояло провести чуть больше недели, стоял на отшибе. Большой, массивный особняк, облицованный камнем, встретил их прохладой и тишиной. Александра показала Игорю его комнату и прошла в свою спальню. Только сейчас девушка почувствовала, как отпускает сковавшее ее напряжение.

Неужели, получилось? Неужели, есть время для передышки?

Саша присела на кровать и расплакалась. Вместе со слезами, из нее уходили страх, обида, боль, отчаяние… — все, что держало ее в тисках, не позволяя ни на минуту расслабиться. Она достала детей из переноски, переодела их и уложила на широкой кровати, огородив со всех сторон подушками. Хорошо, что малыши крепко спали всю дорогу и не хныкали. Как будто чувствовали, что маме сейчас не до их капризов. Тошка улегся рядом с кроватью, охраняя детей. Лохматая нянька…

Устало вздохнув, Александра отправилась в душ.

Вечером, сидя на просторной кухне, Саша задумчиво мешала ложкой чай. Дети спали, Игорь вышел во двор осмотреться, как он сказал, а девушка, в сотый раз, обдумывала детали дальнейшего побега. Отец предложил два варианта — Израиль и Америка. И там, и там, у него были связи и возможность устроить дочь с комфортом. Когда Саша попробовала сказать, что ей не много нужно, всего лишь помочь с работой, Павел Владимирович зыркнул на нее и отрезал:

— Я не ради тебя стараюсь. Не хочу, чтоб внуки в нищете росли.

А потом, отвернувшись, буркнул: — Они же не виноваты, что мамаша у них дурная.

Саша поежилась, вспоминая эти обидные слова. Ну, да чего уж там. Ради детей, она готова и не такое выслушать, только бы их вытащить, только бы они остались с ней…

Глеб с облегчением вышел из здания аэропорта. Как же надоела эта толчея, обилие раздражающих запахов, неприятные скопления людей… И тревога. Постоянная, изматывающая тревога. Вся поездка в Лондон прошла под это заунывное, сосущее чувство. Что-то случилось. Он чувствовал. Последние два дня зверь метался внутри, требуя выпустить его, и, лишь огромным усилием воли, Оборский сдерживал взбесившегося волка. Постаравшись побыстрее завершить поездку, они с Алексеем вернулись в Москву.

— Ты в усадьбу? — спросил Метельский, останавливаясь около своего Бугатти.

— Да, — коротко ответил Глеб.

— Я вечером заеду, — пообещал Алексей, захлопывая дверцу автомобиля.

Оборский задумчиво посмотрел вслед отъезжающей машине. Друг, как всегда, «взял с места в карьер», и Глеб покачал головой — Алекса невозможно исправить — скорость — его единственная страсть и в человеческом, и волчьем обличье.

Неторопливо достав ключи и отключив сигнализацию своего Хаммера, мужчина сел за руль и выехал с парковки. Тревога, преследующая его всю поездку, никуда не делась, наоборот, стала сильнее, захлестывая и заставляя увеличить скорость. Стрелка спидометра неуклонно ползла к своему пределу.

Усадьба встретила хозяина какой-то неживой тишиной. Резко втянув воздух, Глеб пораженно замер. Не может быть. Он взбежал по ступеням дома, и, оттолкнув кинувшуюся к нему заплаканную Татьяну, влетел в комнату Саши. Пусто. Нет ни ее, ни детей. Лишь новые вещи, которые он купил своей паре, висят в шкафу безжизненными тряпками. Ничего не взяла.

— Где она? — прорычал Оборский, поворачиваясь к медсестре.

Та склонилась перед силой альфы и испуганно сжалась.

— Таня, где Александра? — повторил свой вопрос Глеб.

— Уехала, — заплакала женщина.

— Когда? — на мужчину страшно было смотреть — клыки удлинились, зрачки вытянулись, сквозь кожу ощутимо пробивался зверь.

— Три дня назад, — всхлипнула Татьяна.

— Почему мне не сообщили?

— Так никто не знал, что делать. И Игорь пропал. Как повез ее в клинику, так больше и не появлялся. И она не вернулась.

— А Тошка где?

— Так нету, — плакала женщина, — Саша его с собой забрала. А Анфиска третий день от еды отказывается. Тоскует…

«Проклятье! Значит, все-таки, ушла…»

Оборский не удержался — костюм от Бриони разлетелся в клочья, и на месте красавца-плейбоя замер огромный черный волк. Он зло сверкнул ярко-желтыми глазами и выскочил из комнаты. Татьяна без сил опустилась на пол. Для нее все это было слишком. Пропажа Александры, растерянность, царящая в доме неразбериха и суета… Все понимали, что им грозит, когда альфа узнает, что его пара сбежала. Оборотни до последнего надеялись, что все обойдется, что Саша с Игорем просто где-то задержались.

Но, когда наступила ночь, а они так и не появились, и дозвониться до них не смогли, тут-то и началась паника. Под утро приехал Нелидов. Он выслушал сбивчивый рассказ охранников и молча ушел в свою комнату. А через час, позвал к себе Николая, оставшегося за старшего в отсутствие Игоря, допросил его и приказал успокоить всех и ничего не предпринимать. Дескать, приедет Оборский, он и решит, что делать. Все волновались, страшась гнева альфы, и лишь один человек удовлетворенно наблюдал за происходящим, скрывая блеск темно-карих глаз.

* * *

Шум ветра в ушах, теплая, влажная земля пружинит под лапами, острые запахи леса окружают со всех сторон… Волк, не разбирая дороги, бежит на юг. Туда, куда влечет его ставшее одиноким сердце. Ушла. Бросила. Забрала детей. Каждое слово отдается внутри осколками боли — ее ненависть и обида не иссякли, заставили решиться на безумие. Девочка, глупая, маленькая девочка…Что же ты натворила?

Лишь спустя несколько часов, Оборский смог подчинить своего зверя и вернуться обратно.

В кабинете особняка раздался властный и холодный голос:

— Алекс, мне нужны все данные на Сашу. Делай что хочешь, но, через час, я должен знать о ней все — с самого рождения и до сего дня, а не те обрывки, что собраны в досье. И опроси всех, кто был в усадьбе о том, что происходило до ее отъезда. Поминутно. И записи с камер проверь.

— Сделаю, — отозвался Метельский, не рискуя задавать ненужные вопросы.

Merde! Глеб отложил в сторону ненужный мобильный и плотно уселся в кресло. Ждать. Больше ему ничего не оставалось.

* * *

— Вот, — перед Оборским на стол легла папка. Алекс пристально смотрел на своего альфу, и ему очень не нравилось то, что он видел. Заострившиеся, хищные черты лица, холодные глаза, застывший оскал. Метельский поежился. Он знал, что ничего хорошего подобные метаморфозы не предвещают.

Глеб открыл досье и погрузился в чтение. По мере того, как он читал, на лице оборотня проступало удивление.

— Ты знал об этом раньше? — спросил он, захлопывая папку.

— В общих чертах — да, но многие подробности Саша утаила, а я не проверил, — ответил Алексей, — и узнал их совсем недавно, да, и то, случайно.

— Почему не доложил? Почему не сказал, что есть что-то еще, помимо тех данных, которые я видел раньше?

— Ты не спрашивал.

— Enfant de pute! Ты, что, сам не мог догадаться?! Это же все меняет!

— Да, а я думал, что бедная прислуга не может заинтересовать великого альфу! — язвительно ответил Метельский. — Ты вспомни свое отношение к ней — безродная, нищебродка, пришла работать — пусть работает… Что я должен был тебе сказать?

— Правду, — устало ответил Оборский, — Ладно. Собирай ребят, выезжаем через полчаса. Есть еще какие-нибудь зацепки? Камеры проверил?

— Все чисто. Она спокойно собрала детей и ушла. Игорь помогал ей вынести сумку и усадил в машину, — Метельский замолчал, собираясь уходить, но не удержался и добавил:

— Глеб, я прошу тебя, когда мы ее найдем… будь помягче с Александрой.

— Не учи меня. Это моя женщина, и я сам решу, что с ней делать.

Спустя полчаса кортеж из четырех машин двигался в сторону аэропорта. Все время полета от Москвы до Ростова, Оборский размышлял над подробностями Сашиной биографии. Дочь полковника ФСБ, внучка академика, девушка из хорошей семьи… Что забыла она в доме Глеба в качестве прислуги? Почему скрыла свое прошлое? Почему оказалась в затруднительном положении? Судя по всему, ее отец и сейчас не бедствует. Что помешало дочери обратиться к нему за помощью, когда она потеряла работу? Вопросы, вопросы… Почему Саша в семнадцать лет уехала из дома и больше не общалась со своим родителем? Что произошло семь лет назад? И почему он поверил скупым строкам биографии, не докопавшись до истины?.. Надо же, сирота… Не побоялась отречься от своих корней… Солгала…

Глеб устало прикрыл глаза. Ноющая боль в сердце не проходила. Без Саши и детей все казалось пустым и ненужным. А когда он представлял, что рядом с ней Игорь… Обжигающая злоба и ревность поднимались из неведомых глубин души, затапливая сознание, заставляя растерзать соперника и вернуть свою женщину домой. Саша его. Только его. Он никому не позволит прикоснуться к ней. Глупо было думать, что сумеет ее

отпустить… Глупо…

Юг встретил приезжих сыростью. В аэропорту было безлюдно и тихо. Провинция. Здесь нет той суеты, что царит в столице. Выйдя из здания аэровокзала, четверо оборотней огляделись. На парковке их уже ждали.

— Глеб Александрович — к ним приблизился высокий темноволосый мужчина, — я от Арама Тиграновича.

Оборский кивнул и направился вслед за провожатым. Два черных Мерседеса и один белый Порше дожидались своих пассажиров. Оборотни расселись по машинам, и небольшой кортеж выехал с парковки аэропорта.

В доме Станкевича было тихо. За высоким забором раздавался басовитый лай, тяжелая цепь звенела от движений пса, но на звонок никто не откликался. Темные окна двухэтажного дома сумрачно поблескивали в свете фонарей.

— Подождем, — спокойно распорядился Глеб.

Полковник подъехал к своему дому ближе к полуночи.

— Павел Владимирович? — подошли к нему двое крупных мужчин.

— Что нужно? — не дрогнув, поинтересовался Станкевич.

— С вами хотят поговорить, — приглашающе указав на одну из машин, произнес светловолосый незнакомец.

Полковник спокойно прошел к припаркованному неподалеку Порше и сел на заднее сиденье.

— Здравствуйте, Павел Владимирович, — услышал Станкевич и обратил внимание на холеного темноволосого мужчину, сидящего рядом, — надеюсь, вы простите наш бесцеремонный визит, но у меня есть пара вопросов, на которые я хотел бы услышать ответ.

— Может, для начала представитесь? — иронично поинтересовался полковник.

— Павел Владимирович, вы же умный человек, — покачал головой брюнет, — и прекрасно знаете, кто я. Давайте не будем тратить время понапрасну. Где ваша дочь?

— А разве она не у вас в доме должна быть? — остро взглянул на собеседника Станкевич.

— Нет, и вам об этом хорошо известно. Итак, я спрошу еще раз — где Саша?

— Не ожидал, что всесильный Глеб Александрович Оборский чего-то не знает, — насмешливо произнес полковник.

— Не хотите говорить, — осуждающе посмотрел на него брюнет, — а зря. Вы понимаете, на что я готов пойти, чтобы узнать ее местонахождение?

— Подозреваю, — усмехнулся Станкевич.

— Так, давайте не будем доводить до этого. Вы скажете, где Саша, а я обещаю вам, что с ней все будет в полном порядке.

— Когда все в полном порядке, то люди не убегают из дома, вы уж мне поверьте, — иронично улыбнулся полковник, — и надо еще разобраться, что вы умудрились натворить, если она ушла. А на вопрос я отвечу. Я не видел свою дочь почти семь лет. Да, я следил за ее жизнью, но ни разу за это время мы не встречались. И боюсь, я последний человек, к которому она обратится в трудной ситуации. Так что, здесь я вам не помощник. Был рад познакомиться, Глеб Александрович, — мужчина коротко кивнул и вышел из машины.

Оборский знаком остановил Алекса, дернувшегося, чтобы задержать полковника.

— Он не скажет. Но Саша здесь была, я это чувствую. И звонила она именно отцу… Нужно отработать все схемы. Поехали.

Машины сорвались с места и понеслись по улицам южной столицы.

Глеб погрузился в свои беспокойные мысли. Станкевич оправдал его ожидания. Крепкий мужик. Такой не свернет с пути — если уж задумал что-то — обязательно доведет до конца. А сейчас он решил спрятать от Оборского Сашу. И сделает для этого все.

Ну, ничего. Не ему тягаться с оборотнями.

Через несколько дней, следы беглецов были найдены. Маленький горный поселок на черноморском побережье Краснодарского края. Люди Арама проверили — Саша там. До этого, они обыскали еще несколько возможных объектов, надо отдать должное Станкевичу — он умело заметал следы, — и лишь в десятом, по счету, обнаружили Александру. Оборский, когда узнал, только хмыкнул. Полковник не разочаровал. Спрятал дочурку в подходящем местечке. Простое и изящное решение — у Станкевича есть небольшая дачка, о которой никто не знает. Домик оформлен на какую-то дальнюю родственницу, но, столь хитро, что в случае смерти Станкевича, перейдет к его дочери. Какая-то мутная схема, прячущая все концы в воду — вроде, и есть у Павла Владимировича собственность, а вроде, и нет! Ну, да, ничего, спецы Оборского и не такие махинации распутывали. Машины поднимались по серпантину, и Глеб чувствовал, как в предвкушении громко бьется сердце. Еще немного, и он увидит Сашу. И малышей. Кто бы знал, как он соскучился и истосковался по ним…

Александра прислонилась к стене и прикрыла глаза. Дети спят, Игорь что-то мастерит в гараже, в доме тишина и порядок.

Эх, если бы такой порядок был и в ее душе… Прошла неделя со времени побега. Неделя, наполненная раздумьями, попытками забыться и постоянным страхом. Саша понимала, что Глеб будет их искать. Оборский ни перед чем не остановится, ведь она забрала его детей. Господи, если он ее найдет, то точно убьет! С каждым днем Александра понимала это все отчетливее. Отец позвонил вчера и сказал, что через два дня документы будут готовы. С израильскими друзьями он тоже уже договорился. Ее ждет новое имя, новое гражданство и новая жизнь. В аэропорту Тель-Авива Сашу должен встретить дядя Веня, старый друг отца, а дальше, они все решат уже на месте. Да, надо не забыть приучить Тошку к боксу для перевозки. Скорее бы уехать…

Девушка устала бороться с собой. Та тоска, что разъедала ее изнутри, не давала сосредоточиться на главном, заставляя вспоминать Глеба, его голос, нежные поцелуи, теплые касания… «Дура, — ругала она себя, — он счастлив со своей Алиной, а ты раскисла — поцелуйчики, обнимашечки…»

Осторожное прикосновение вызвало мгновенное отторжение. «Нет!» — резко вздрогнув, Саша открыла глаза.

Игорь, убрав руки, укоризненно смотрел на нее.

— Саш, ты чего? Ты меня боишься? — удивленно и немного обиженно спросил он.

— Прости, — удрученно ответила девушка, — я не специально, просто, плохо переношу чужие прикосновения.

— Ладно, проехали. Только меня тебе бояться не стоит. Вреда не причиню, — он пристально посмотрел на нее и отвел взгляд. — Вообще-то, я зашел сказать, что до обеда уйду в лес, нужно кое-что проверить.

Игорь не захотел пугать Александру и не сказал, что заметил следы чужаков. Нет уж, не стоит Саше знать, и так, вон, от каждого шороха шарахается.

Мужчина вышел из комнаты, а Александра расстроенно вздохнула. Опять вернулись прежние страхи.

Пока она была с Глебом, былые проблемы отошли в сторону, а сейчас… все стало, как и раньше… Боязнь темноты, мужчин и прикосновений… Кто бы знал, как тяжело постоянно сдерживаться и никому не показывать свою слабость!

Саша подошла к столу и принялась бездумно перекладывать детские вещички. Что-то нужно погладить, что-то убрать в шкаф… Бросив взгляд на окно, девушка испуганно застыла. Не может быть!

Во дворе стояли Оборский, Метельский и еще четверо незнакомых ей мужчин. Александра прижала руки к захолонувшему сердцу и попыталась отдышаться. Глеб приехал за

детьми! Он заберет их! Отчаяние, злость, страх… — все смешалось внутри.

«Не отдам!» — раненой волчицей кричала душа.

«Не отдам!» — вторило ей испуганное сердце.

Незнакомцы рассредоточились по периметру двора, а Оборский пошел к дому. Глубоко вздохнув, Саша сделала шаг к двери…

Они столкнулись в холле. Мужчина и его женщина.

Глеб смотрел на Александру, пытаясь охватить ее всю, вобрать в себя родной и привычный запах, прикоснуться, почувствовать тонкий цветочный аромат… Как же он соскучился по Саше! Волк рвался наружу, царапал внутренности, стремясь оказаться как можно ближе к своей паре. Огромным усилием воли Оборский удерживал скулящего от нетерпения зверя. Мужчина не спускал глаз с Александры, подмечая и болезненную бледность, и темные круги под глазами, и старую дешевую одежду, и… А это еще что такое? Глухое рычание раздалось в просторном холле.

— Кто это сделал? — прохрипел он, глядя на фиолетовый синяк на ее плече. Александра попыталась подтянуть сарафан повыше, но было уже поздно — скрыть след от удара Алины не удалось.

Лицо Оборского менялось на глазах. Глаза наливались нечеловеческой желтизной, скулы заострились, хищный оскал прорезал идеальные черты, заставляя Сашу испуганно вздрогнуть.

— Кто посмел? — рычал Глеб.

— Вас это совершенно не касается, Глеб Александрович, — твердо ответила девушка, — и не кричите на меня, пожалуйста.

Ей было страшно. Страшно оттого, что Глеб так смотрит на нее, рычит, прожигает взглядом янтарных глаз… А в спальне спят дети и где-то в лесу бродит Игорь… Игорь… Господи, Оборский же убьет его!

Огромным усилием воли Глеб удержался от оборота. Увидев фиолетовые следы на теле своей женщины, он едва не обезумел. Слишком свежи были в памяти багровые синяки на белоснежной коже, слишком хорошо он помнил, как они возникли.

— Где Игорь? — тяжело дыша, спросил он.

— В лесу, — коротко ответила Саша.

— Это он?…

— Нет, я упала еще дома, — быстро ответила Александра, — в смысле, у вас в усадьбе, — тут же поправилась она.

Оборский, прищурившись, недоверчиво разглядывал ее. Саша, затаив дыхание, молчала.

— Дети здесь? — спросил, наконец, Глеб.

— Да.

— Собирай их. Мы уезжаем, — коротко распорядился мужчина.

— Нет, — помертвевшими губами прошептала девушка. «Нет!» — кричала ее душа.

— Я не отдам. Вы не посмеете забрать их у меня, — громко выговорила она, смело посмотрев в такие знакомые глаза. Их янтарная глубина затягивала, заставляя подчиниться. Саша вздернула подбородок. «Не получится» — ответил ее взгляд стоящему напротив мужчине.

Тот молчал, тяжело дыша и пытаясь справиться с собой. Вид перепуганной пары, скрывающей свой ужас и храбро пытающейся кричать на него, подействовал на Глеба, как удар хлыста. Неужели настолько ненавидит? Он еще раз медленно оглядел ее с головы до ног, подмечая, как меняется выражение лица Александры, как медленно проступает на нем понимание того, что она проиграла.

А Саша видела стоящего перед собой мужчину, в памяти всплывали слова Алины и ее угрозы, и осознание того, что у нее отберут детей, выворачивало душу, заставив забыть о гордости и попытках отстоять свои права.

Девушка умоляюще посмотрела на Оборского, не в силах вымолвить ни слова. Это конец! Если он заберет детей, она не переживет… Сделав неуверенный шаг вперед, Саша подошла к оборотню и тихо попросила:

— Глеб Александрович, пожалуйста… не забирайте их у меня. Я согласна на все — быть для них кормилицей, няней, да, кем угодно, только позвольте находиться рядом с малышами и видеть, как они растут.

— Что? — недоуменно переспросил мужчина, опешив от неожиданности.

— Я прошу вас, позвольте мне остаться с ними. Умоляю, не лишайте меня возможности видеть детей.

Оборский смотрел на взволнованную Сашу, на слезы, застывшие в ее глазах и не мог сообразить, что происходит, и о чем она говорит. Мужчине едва удавалось удерживать зверя, и он с трудом понимал, о чем просит Александра.

— Ты можешь толком объяснить, что случилось? — медленно произнес Глеб.

Внутри все рванулось обнять девушку и вытереть ее слезы, но тут, некстати, вспомнились обидные слова, обвиняющий взгляд, истерика… Волк завыл, толкая его вперед, но Оборский удержался, боясь увидеть неприятие и ненависть в любимых глазах.

— Пожалуйста… — уже навзрыд плакала Саша, и мужчина окончательно растерялся.

— Так, ладно, все это мы решим потом. Пошли, — Глеб крепко взял девушку под руку, — Алекс, собери вещи и найдите Игоря, — крикнул он, направляясь к комнате, где спали Тема и Катя. Подойдя к кровати, на которой уютно сопели малыши, он сгреб их в охапку и, не отпуская Сашиной руки, быстро пошел к выходу. Тошка, приветственно боднув Оборского головой, потрусил следом за хозяином. Он ни капли не сомневался и прекрасно себя чувствовал, в отличие от Александры, которая торопливо шагала рядом с мужчиной, обеспокоенно поглядывая на своих детей. Те спали, как ни в чем ни бывало, даже не почувствовав, что их куда-то несут.

Подтолкнув девушку к машине, Оборский протянул ей Тему, а сам, сев рядом, удобно расположил на руках Катерину.

Спустя пару минут, из леса вышел Метельский, конвоируя впереди себя насупленного Игоря, все расселись по машинам, и, вскоре, кортеж из трех машин уже двигался в направлении Геленджика. А еще через час, Саша сидела в салоне самолета и смотрела в иллюминатор на оставшиеся далеко внизу горы.

Так закончился ее неудавшийся побег.

Глава 18

* * *

Грохот взрыва раздался совсем рядом. Земля, осколки снаряда, ржание коней, грохот канонады… Все смешалось в один всепоглощающий кошмар.

— Ваше благородие, вы меня слышите? — голос Степана доносился как сквозь вату. Горячая кровь, стекающая по виску, заливала лицо, запах земли и пороха раздражал чувствительное обоняние, жаркие сполохи огня подбирались все ближе.

— Глеб Александрович, уходить надо! — надрывался денщик, — Господи, что ж вы такой тяжелый-то?! Гринька, подсоби! — крикнул он, и Оборский почувствовал, как его подхватили чьи-то руки и куда-то понесли…

— Голову, голову держи…

— Ить, уронишь же! Ах, ты, криворукий…

Удар, боль, и… Глеб вздрогнул и открыл глаза. Салон самолета, спящий на его руках Тема, напряженная Саша в соседнем кресле… Опять прошлое настигло его в самый неподходящий момент. Уж сколько лет прошло, а все снится тот последний бой под Екатеринодаром… Что-то слишком часто стали всплывать старые болезненные воспоминания.

* * *

В Москве их встречали. Высокие, как на подбор, мужчины мгновенно окружили прибывших и, прикрывая с обеих сторон, провели к машинам.

Саша с тоской посмотрела на оставшийся позади аэропорт и покорно села в знакомый Хаммер.

Оборский устроился рядом. За все время поездки, он не проронил ни слова. Девушка чувствовала исходящее от мужчины напряжение и молилась, чтобы не случилось ничего ужасного. Она боялась даже представить, что ее ждет. То, что она забрала детей и сбежала… Глеб не простит. Вопрос только в том, как ей придется отвечать за свой проступок.

Час пути пролетел незаметно. Саша не ощущала времени, она со страхом ждала расплаты.

Кованые ворота пропустили их в усадьбу и с гулким стуком захлопнулись за проехавшими машинами, отрезая все пути

отступления.

Катюша, словно почувствовав, что она дома, решила огласить окрестности громким плачем, Артем тут же проснулся и тоже зашелся в крике, и так, в сопровождении их двухголосного концерта, все и ввалились в особняк. Глеб отнес детей в свою спальню и поручил Татьяне заняться ими, а сам повел Сашу в ее комнату.

Девушка шла туда, как на казнь.

Дверь захлопнулась с громким стуком.

— Садись, — Оборский подвел Александру к креслу и усадил в него, — а теперь, постарайся связно объяснить мне, что произошло, и почему ты решила сбежать.

Саша посмотрела на оборотня и вздохнула.

— Я понимаю, что не должна была этого делать, но я не могла потерять детей.

— Так. Хорошо. А почему ты решила, что потеряешь их? — терпеливо продолжал расспрашивать мужчина.

— Ваша невеста сказала, что найдет малышам другую няню.

А мне велела собирать вещи, — глядя ему в глаза, проговорила девушка.

— Стоп, — Оборский непонимающе уставился на Александру, — какая еще невеста?

— Алина.

— Она была здесь? Когда?

— На следующий день после того, как вы уехали.

— И сказала, что выгонит тебя?

— Да, когда вы с ней поженитесь.

Глеб явственно скрипнул зубами.

— Ясно. Что ж, с этим фарсом пора заканчивать, — он развернулся и вышел из комнаты.

Саша взволнованно посмотрела на захлопнувшуюся за ним дверь. Что он решил? Что теперь будет с ней и детьми?

Оборский вернулся через пару минут.

— Держи, — протянул он девушке ее паспорт.

Александра машинально взяла документ, не понимая, что означает этот «жест доброй воли». Глеб хочет ее выгнать?

— А теперь, открой его, — спокойно приказал мужчина.

Саша покорно раскрыла паспорт и растерянно уставилась на ламинированные страницы. Оборская Александра Павловна — прочитала она и вопросительно подняла глаза на Глеба.

— Нет у меня невесты, и быть не может. Я женат, — ответил он на ее безмолвный вопрос.

— Но, как же…

— А никак. Ты моя жена. И точка, — бесстрастно ответил

Оборский, — и не нужно больше бояться, что кто-то отнимет твоих детей, или выгонит тебя на улицу. Ты — хозяйка и этого дома, и моего клана. Привыкай.

— Но я…

— Саш, поверь, я знаю все, что ты собираешься мне сказать. Давай, не будем все усложнять? Я хотел подождать, дать тебе возможность привыкнуть… но… В общем, если хочешь быть рядом с детьми, придется смириться с ролью моей жены. И не бойся, я не буду докучать тебе своим вниманием, я помню, о том, что ты от него устала. Ладно, ложись спать, а завтра мы обговорим все подробнее.

— А дети?

— Сегодня они побудут со мной. Тебе нужно отдохнуть, — Глеб кинул на нее внимательный взгляд и вышел из комнаты.

Через несколько минут после его ухода, в комнату неслышно проскользнула Татьяна.

— Александра Павловна, Глеб Александрович велел осмотреть вашу спину, — робко обратилась она к Саше.

— Ой, да не стоит, — попыталась отмахнуться от нее девушка.

— Александра Павловна, пожалуйста, — умоляюще посмотрела на нее женщина, — я не могу нарушить приказ.

— Ну, если так, — поморщилась Саша.

Раздеваться не хотелось. Спина болела невыносимо, отдавая резкой болью в ребра с правой стороны, но тот стресс, в котором пребывала Александра, перекрывал все ощущения, не позволяя сосредоточиться на боли. Саша, попросту, привыкла к ней, сжилась и притерпелась.

А сейчас, сняв джинсовую куртку и сарафан, она почувствовала неприятное колотье в боку и поморщилась, когда прохладные руки Татьяны легли на место ушиба.

— Ой, — Александра не сдержала вырвавшийся стон.

— Больно? — спросила Таня. Саша кивнула. — А так?

Девушка поморщилась, и Татьяна покачала головой.

— Вам бы на рентген надо. Похоже на трещины в ребрах. Я скажу Глебу Александровичу.

Женщина поспешно вышла из комнаты, а Александра неторопливо надела халат и поплелась в ванную. Апатия, окутавшая ее, притупила все эмоции и чувства. В душе поселилась странная пустота.

В голове до сих пор не укладывалась новость — Оборский — ее муж. Бред какой-то! Как такое возможно? Зачем она ему?

Стоя под струями воды, Саша машинально размазывала по телу душистый гель, а перед глазами у нее стояла страничка из

паспорта с новой фамилией. Если верить документу, их «свадьба» состоялась пару месяцев назад, как раз незадолго до той ее нелепой истерики. Свадьба… Жаль только, что невесту предупредить забыли…

Девушка расстроенно думала о том, что все усилия оказались напрасны — буквально двух дней не хватило, чтобы улететь из страны и забыть о прежней жизни. Хотя, кого она обманывает — ничего бы не забылось. И тоска не прошла бы, и тяга… Почему все это произошло именно с ней? И почему она не может ненавидеть Оборского? После того, что он сделал… Так нет же, стоит только увидеть проклятого оборотня, как сердце пускается вскачь, выделывая немыслимые кульбиты, а тело плавится, и Саша готова растечься лужицей у его ног. Тряпка…

Александра накинула халатик и прилегла на кровать. Было холодно и неуютно. Вспомнились горячие объятия, поцелуи, горьковатый запах туалетной воды…

Без Глеба и детей спальня казалось нежилой.

Кое-как найдя удобное положение для больной спины, девушка попыталась ни о чем не думать и просто уснуть. Утро вечера мудренее. Обо всех своих проблемах она будет переживать завтра.

— Алекс, почему никто не сказал о том, что Алина была здесь в мое отсутствие? — Оборский, прищурившись, смотрел на своего зама.

— А она здесь была? — удивился Метельский, — но…

— Выясни все, что произошло в этом доме за последнее время. Я должен знать каждую мелочь, даже если ты, по своему обыкновению, решишь, что это неважно. Каждую, Алекс. И с камерами разберись, — серьезность в тоне альфы не предвещала бете ничего хорошего.

— И еще, — добавил Оборский, — приставь к Александре двоих ребят. Докладывать мне о каждом ее шаге, не спускать с нее глаз, не подпускать никого к ней и детям. Понял? Исполняй.

Метельский молча вышел из кабинета, а Глеб устало откинулся на спинку кресла. Нестерпимо болела голова, перед глазами снова расплывались красные круги, сознание раздваивалось, рисуя картины прошлого, искусно переплетающегося с настоящим.

Последние дни дались Глебу нелегко, и сейчас, он хотел только одного — обнять Сашу и забыть обо всем, что произошло. Но нельзя…

— Ну, что, как я и думал — трещины в шестом и седьмом ребрах, — Нелидов отложил снимок и повернулся к Оборскому, — а также, обширная гематома в месте удара.

Повезло, что не переломы. Интересно, как она умудряется детей таскать?

— Вот, и мне интересно, — задумчиво протянул Глеб, глядя на черно-белые снимки. «Саша, Саша… Что же ты творишь? Почему не жалеешь себя?» Он глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться, и спросил у Бориса:

— И чем это грозит?

— Чем, чем… Болит у нее все, а обезболивающие постоянно пить нельзя, все-таки, детей кормит. Если уж совсем прижмет, дашь вот эти таблетки. И обеспечь Александре покой и неподвижность. И никаких тяжестей. С малышней постарайся сам справиться, — Нелидов недовольно хмурился, глядя на снимок, а потом не выдержал:

— Это ты ее так?

Оборский поперхнулся.

— Ты думаешь, я на такое способен? — возмущенно спросил он.

— Ну, мало ли, не рассчитал силу, психанул…

— Бор, посмотри на меня, — голосом, не предвещающим ничего хорошего, попросил Глеб, — ты считаешь меня способным избить свою пару?

— Ну…

— Да, что же вы меня таким монстром все видите? — взорвался Оборский, — то, что произошло тогда ночью… Я был не в себе и ничего не помню. Помутнение рассудка какое-то… А вы считаете, что я могу сотворить подобное в здравом уме. Обидно, знаешь ли, когда твои люди тебе не доверяют, — горько добавил он.

— Прости, Глеб, но что я должен был подумать? Саша сбежала, прихватив детей, ты нашел ее и привез ко мне с травмами от удара… Как ты думаешь, какой вывод напрашивается?

— Разумеется, только тот, который вы все и сделали, — желчно отозвался Оборский, — ты бы видел, как на меня наши смотрят. Как на изверга. Еще бы — опять обидел девочку!

— Кстати, Глеб, раз уж ты здесь… Может быть, все же пройдешь обследование? Ну, не нравятся мне эти твои обмороки. Не должно такого быть, — Борис пристально посмотрел на племянника.

— Нет у меня никаких обмороков, — мгновенно заледенел Оборский, — я здоров. И хватит ко мне присматриваться, устал уже от твоего вечного наблюдения. Говорю тебе, со мной все в полном порядке.

— Ну-ну, — покачал головой Нелидов, — геройствуй дальше.

Только, когда соберешься лапы откинуть, будет уже поздно просить меня о помощи. Ладно, забирай свою ненаглядную и вези домой. И проследи, чтобы детей на руки не брала пару недель.

— Ладно. Спасибо, Бор, — Глеб кивнул и вышел из кабинета Нелидова.

Пожилой врач устало посмотрел ему вслед. Когда же уже все образуется? Зная племянника, Борис понимал, что Глеб должен сам принять решение. Мальчик с детства отличался упрямством, и, пока не дойдет до чего-то своим умом, разговаривать с ним бесполезно. Никого слушать не будет. И пару себе под стать нашел. Такая же упрямица. Никак не может простить этого дурака. Нет, сердцем давно уже простила, а вот умом… Никто им не поможет, пока сами не поймут, что нужны друг другу. Нелидов невидяще уставился в окно. Глупая молодежь…

Саша ждала мужа в холле. Она сидела в кресле, прикрыв глаза, но напряженная поза выдавала ее волнение и настороженность. Оборский кинул быстрый взгляд на свою пару. Как всегда, готова ко всему самому худшему. Не расслабляется ни на минуту. Глеб устало вздохнул. «Одно и то же. Внешняя покорность и безмолвное сопротивление внутри. Его жена. Да уж…»

— Саш, пойдем, — спокойно обратился он к девушке.

Та мгновенно подскочила с кресла и растерянно посмотрела на мужчину.

— Пошли, — негромко повторил Оборский и неторопливо направился к выходу. Саша, чуть приотстав, последовала за ним. С самого утра она пыталась побороть какое-то муторное чувство, засевшее внутри. Муж… Это слово приводило ее в ступор. Зачем Оборский связал с ней свою жизнь? Из-за детей? Или, действительно, испытывает к ней чувства? Или это из-за метки он ощущает привязанность? Мысли бились в голове, не давая покоя.

Глеб шагал впереди, а Саша спешила следом, разглядывая знакомую до мельчайших подробностей фигуру мужчины. Гибкие, грациозные движения, гордая посадка головы, скупые жесты красивых рук… «Дура, ты Сашка… Никак не можешь забыть…» — корила она себя. А как тут забыть, если за полгода успела прикипеть к равнодушному оборотню и душой, и телом. Вот, идет он себе спокойненько, а у нее все внутри переворачивается — от его близости, от его запаха, от воспоминаний… Александра невольно сглотнула. Картины недавнего прошлого мелькали перед глазами. Она на руках у Оборского, теплые губы щекочут чувствительное ушко, ясные медовые глаза искрятся смехом… Споткнувшись, девушка беззвучно выругалась. Как есть — дура!

Глеб открыл дверцу машины и помог Саше забраться на

заднее сиденье. «Ну, да, правильно, вперед ее больше не сажают. И разговоры с ней не разговаривают. Так, мазнут глазами равнодушно, да и отведут взгляд. Недостойна барской милости.» — накручивала себя Александра.

Войдя в дом, она тут же пошла к детям.

— Саш, постой, — остановил ее Оборский, — детьми пока займется Татьяна. Тебе нужен покой.

Девушка растерянно посмотрела на мужчину.

— Я не запрещаю тебе видеть малышей, но будет лучше, если они поживут в другой комнате.

— Как скажете, Глеб Александрович, — опустила голову Саша. На глаза наворачивались слезы, но девушка пыталась сдержаться.

— Иди к себе и отдыхай, — распорядился Оборский.

Александра молча развернулась и ушла в свою комнату. Пустую и холодную. Нет, температура в ее спальне была в норме. Просто, без детей и Глеба, в ней было неуютно и зябко.

Постояв у окна, Саша развернулась и отправилась к малышам. Пусть Оборский говорит, что хочет, но сидеть взаперти и подчиняться его приказам она не собирается.

Вечером, в усадьбу приехали гости. Александра наблюдала, как к парадному подъехали три машины, из которых вышли высокие, крепкие мужчины. Глеб, весело улыбаясь и оживленно что-то обсуждая, провел их в дом. Татьяна, укачивающая детей, на вопрос Саши привычно ответила, что в дела альфы не лезет и не знает, кто к нему приезжает и зачем.

— Они тоже… оборотни? — спросила Александра.

— Да, — неохотно ответила женщина.

— Тань, а почему Алексей Николаевич сразу не нанял прислугу из ваших? — Саша не смогла удержаться и задала давно интересующий ее вопрос. В свое время, Метельский отшутился и не стал отвечать на него, и вот сейчас, пока Татьяна готова была говорить… Девушка торопилась узнать хоть что-то.

— Не захотел никто. У нас, вообще, не принято на грязную работу своих нанимать, — словно извиняясь, улыбнулась Татьяна.

— А как же сейчас?

— Глеб Александрович приказал. Все понимают, что у вас проблемы и чужих в дом пускать нельзя, — проговорилась женщина.

— Ясно. А сколько в клане оборотней?

— Около ста. Александра Павловна, вы лучше у Алексея Николаевича спросите, он сможет на все ваши вопросы ответить, а я, все равно, мало что могу рассказать.

Таня замолчала и, по ее виду Саша поняла, что больше

ничего от нее не узнает.

Александра задумчиво уставилась в окно. Вот как. Грязная работа… Н-да… Снобы.

Глава 19

Незаметно пролетело два дня. В усадьбе произошли небольшие перемены. Рядом с комнатой Саши оборудовали детскую, Глеб давно уже переехал в свою старую спальню на втором этаже, Татьяна получила официальный статус няни, а Александру вежливо отстранили от всех забот.

— Лечись и отдыхай, — сказал ей Оборский на попытку возмутиться новыми правилами.

Нет, разумеется, никто не запрещал Саше видеться с детьми, только вот на руки ни Тему, ни Катю брать ей не разрешали.

Спина девушки понемногу приходила в норму, отек спал, от синяков остались лишь бледно-желтые следы и самочувствие Александры улучшилось.

Оборский избегал ее. Он не ночевал в усадьбе, совместные ужины тоже остались в прошлом, мужчина будто задался целью не докучать жене своим вниманием. А Саша мучилась неизвестностью. Глеб, хоть и обещал поговорить о будущем, все откладывал этот разговор, и девушка не знала, чего ей ждать.

Она нервно расхаживала по своей комнате и устало размышляла обо всем, произошедшем. А еще переживала за Игоря — где он, что с ним? На все вопросы об охраннике, и Метельский, и Татьяна отмалчивались. Саша попробовала спросить у напарника Игоря — Николая, но тот тоже не захотел отвечать. Девушку снедало беспокойство. Из-за ее безрассудства пострадал невиновный человек… то есть, оборотень, а она даже не помогла ему… С каждым днем, тревога Саши становилась все сильнее.

Наконец, девушка не выдержала и решила спросить у Оборского напрямую. Точно. Как только Глеб покажется в усадьбе, она обязательно поговорит с ним.

Удобный случай представился тем же вечером. Хозяин приехал в имение, отдал короткие приказы охранникам и прошел прямиком к детям. Саша, услышав в соседней комнате голос… мужа, тут же кинулась в детскую.

— Здравствуйте, Глеб Александрович, — поздоровалась Александра, закрывая за собой дверь.

— Здравствуй, Саша, — ровно ответил мужчина.

— Артемий, не смей, — усмехнувшись, обратился он к сыну, размахивающему кулачками, — мал еще, чтобы драться.

Александра подошла ближе и улыбнулась Теме, поправляя сбившийся чепчик.

— Ты что-то хотела? — не глядя на нее, спросил Глеб.

— Да, — твердо ответила девушка, — я хочу узнать… Что с

Игорем? Он жив?

В комнате повисла томительная тишина. Оборский машинально покачивал ребенка, не торопясь отвечать на вопрос жены.

— Глеб Александрович, пожалуйста, — взмолилась Саша, — я должна знать, что с ним.

— Он тебе так дорог? — тихо спросил мужчина.

— Это из-за меня он нарушил ваш приказ. Это я во всем виновата. Пожалуйста, не наказывайте его, прошу, — умоляюще выговорила Александра.

Оборский медленно поднял голову и посмотрел прямо в глаза стоящей рядом жены.

— Значит, для тебя какой-то охранник значит так много, что ты готова просить за него? — неторопливо поинтересовался Глеб.

— Он хотел помочь мне, — опустив голову, проговорила девушка.

Мужчина сверлил ее тяжелым взглядом.

— Он нарушил мой приказ. Предал клан. Посягнул на то, что принадлежит мне, — сурово отрезал

Оборский, — по нашим законам, ему грозит суд и изгнание. Ни одна стая его не примет.

— Нет, — побледнела Саша.

— Да, — отрезал Глеб.

— Но, ведь, это я одна во всем виновата, — непослушными губами, прошептала девушка.

— Вот, пусть это и послужит тебе уроком. И, когда в следующий раз захочется совершить глупость, ты сто раз подумаешь, какая участь ждет тех, кто тебе поможет, — спокойно произнес Оборский.

— Глеб Александрович, пожалуйста, — Саша схватила мужчину за руку, — не выгоняйте его, я прошу вас.

Девушка умоляюще смотрела на Глеба, и на глазах у нее медленно появлялись слезы.

Оборский аккуратно отцепил от себя руку жены, уложил сына в кроватку, а затем, повернулся к Александре и строго произнес:

— Раньше надо было думать.

— Пожалуйста, — прошептала Саша. Слезы бежали по ее лицу, но девушка не замечала их. Она смотрела на мужа, моля о прощении.

— Ты так переживаешь за него, — остро взглянул на нее Глеб, — что, очень дорог?

— Он хотел мне помочь, — прошептала девушка.

— Ну, да, добрая душа. Единственный защитник нашелся, — сквозь зубы, процедил Оборский, — Не бойся. Жив и здоров твой

заступничек, ничего с ним не сделается. Отправим его в Канаду, в клан к моему старому другу, годика на два, там как раз подходящий климат для таких альтруистов, как Игорь, а потом вернется, — и, видя недоверие Александры, добавил: — Иди к себе, Саша. Обещаю, все с твоим любимчиком будет в порядке.

Девушка вскинула на него глаза.

— Спасибо, Глеб Александрович, — от души поблагодарила она и тихо прикрыла за собой дверь детской. Идя по коридору, Саша чувствовала, как больно саднит в груди растревоженное сердце. Глеб. Он так близко, и, в то же время, так далеко от нее. Равнодушный, холодный, чужой…Как он на нее смотрел… Словно, на постороннюю. Таким взглядом заморозить можно! Неужели, когда-то было по-другому?!

А в детской, у кроваток спящих детей, стоял мужчина, и тяжелые раздумья отражались на его лице. Столько вопросов требовали своих ответов, столько проблем предстояло решить…

— Саша, Глеб Александрович велел передать, что завтра у нас будут гости. Он рассчитывает, что ты поможешь ему встретить их, в качестве хозяйки.

— Алексей Николаевич, а это обязательно?

— Боюсь, что да, — усмехнулся Метельский, — все-таки, прием в твою честь.

— С чего бы это? — удивилась Саша.

— Глеб решил представить всем свою жену, так что, готовься, теперь часто придется бывать на приемах и вечеринках.

— Мое мнение, как всегда, не имеет значения? — иронично уточнила Александра.

— Правильно понимаешь, — ухмыльнулся Алекс, но тут же посерьезнел и добавил, — не вздумай перечить Оборскому, или выкинуть какой-нибудь фокус. Он этого не простит. Не испытывай его терпение.

— Не извольте беспокоиться, Алексей Николаевич, — съязвила Саша, — мы свое место знаем-с.

— Дура, ты, Сашка, — не выдержал Метельский, — ничего вокруг из-за своей обиды не видишь. Такой мужик пропадает, а ты все нос воротишь.

— А мы люди простые, неученые, куда уж нам до местных аристократов? — усмехнулась Александра, — извините-с, манерам не обучены, не сумели оценить благодеяния барина.

Алекс ничего не ответил, только головой покачал и вышел из комнаты.

Спустя несколько минут, дверь приоткрылась, и в спальню бесшумно проскользнул Тоха.

— Нагулялся? — спросила его Саша.

Волк преданно уставился на хозяйку.

— Иди сюда, разбойник, — позвала его девушка, и Тошка мгновенно оказался рядом.

— Тише ты, зверюга, — засмеялась Саша, — вроде бы взрослый уже, а ведешь себя, как щенок. Ну, хватит, Тош, — девушка смеялась и пыталась скинуть с себя тяжелые лапы.

Оборский, проходя мимо комнаты Александры, замер и недоверчиво прислушался. Смех. Веселый, звонкий смех. Глеб еще ни разу не слышал, чтобы его жена так смеялась. Хотя, при нем она вообще никогда не смеялась… Донесшаяся из спальни возня все объяснила — Тошка. Конечно же. Только со своим любимцем Саша ведет себя столь раскованно. Зверь Оборского тихонько заскулил внутри. Он устал от постоянного одиночества и холода, волку было тоскливо без своей пары.

«Молчи! — прикрикнул на него Глеб. — Не до тебя сейчас!»

Зверь покорно затих и растворился, а Оборский прошел мимо комнаты жены, стараясь не обращать внимания на тяжело бьющееся сердце.

— Тамара, подготовьте дом к завтрашнему приему. Стол — на двадцать персон, пять гостевых комнат для тех, кто решит остаться, меню согласуешь с хозяйкой, — Глеб зашел на кухню, где суетились кухарка и ее помощница.

— Все сделаем, Глеб Александрович, не волнуйтесь, — белозубо улыбаясь, отозвалась главная повариха, — у нас уже все подготовлено. Осталось только с меню разобраться.

— Я на вас надеюсь, — произнес Оборский и, наклонившись, погладил Анфису, примостившуюся в своем любимом кресле. Два подросших котенка лежали рядом с рыжухой, и от всей компании веяло таким уютом и спокойствием, что мужчина невольно позавидовал кошачьему семейству.

— Можете быть уверены, не подведем, — ответила Тамара.

Глеб молча кивнул и вышел, а женщины переглянулись и покачали головами. Нет. Не помирились.

Вечером следующего дня в усадьбе было шумно и многолюдно. Хлопали дверцы подъезжающих машин, звучал женский смех и разговоры мужчин, весь первый этаж особняка приветливо светился яркими огнями, приглашающе распахнув двери гостям.

Саша в волнении расхаживала по комнате, пытаясь успокоить колотящееся сердце. «Все будет хорошо, — внушала она себе, — я справлюсь. Подумаешь — оборотни. Подумаешь — снобы. Не трусить! Выше голову!»

Она остановилась напротив зеркала и принялась придирчиво рассматривать свое отражение. Платье от Диора, глубокого,

темно-синего цвета, подчеркивало белизну ее кожи и яркое золото волос. Туфли на высоком каблуке заставляли ровно держать спину и прибавляли роста. Золотое колье оказалось с секретом, подчеркивая еле заметный шрам от укуса оборотня — тонкая цепочка, с блестящей бриллиантовой капелькой на конце, спускалась вдоль спины, привлекая внимание к чуть выступающим полукружиям метки. Все это великолепие принесла сегодня утром Татьяна, пояснив, что Глеб Александрович надеется увидеть жену в именно в таком наряде.

Девушка в зеркале была красива. Александра попыталась улыбнуться. «Все нормально. Я справлюсь» — прошептала она своему отражению.

Уверенно вскинув голову, Саша, последний раз, с ног до головы, осмотрела себя и вышла из комнаты.

Глеб, на правах хозяина, встречающий гостей, обжег подошедшую жену быстрым взглядом и поднес ее руку к губам.

— Прекрасно выглядишь, — теплое дыхание коснулось запястья девушки, и Саша вспыхнула от мимолетной ласки. Кровь быстрее побежала по венам, дыхание участилось, сердце принялось отбивать сумасшедший ритм… «Боже мой, ну, почему я таю, стоит только Глебу прикоснуться ко мне? Это ненормально! — в смятении от своей реакции, думала Александра, становясь рядом с мужем. — Беременность прошла, а моя одержимость Оборским никуда не делась…»

— Спасибо, — сумела выдавить она.

— Глеб Александрович, ты ли это?! Не узнаю, дорогой! Ишь, как похорошел! — Им навстречу двигалась гора. По-другому и не сказать. Саша с удивлением наблюдала за огромным человеком, остановившимся в двух шагах от четы Оборских.

— Сигизмунд Карлович, — Глеб пожал протянутую руку, — как долетели?

— Ха, не забыл, — гулко засмеялся мужчина, — а ведь ты проспорил, Глеб Александрович, польские авиалинии не подвели, так что, с тебя бутылка Реми Мартена. И не думай, что я забуду, — лукаво добавил он.

— Старый ты пьяница, — хлопнул гостя по плечу Оборский, — ради какого-то коньяка расстаться с давней фобией! А ведь я не верил…

— Зато теперь твоя коллекция уменьшится на одного Мартенчика, — опять загрохотал Сигизмунд Карлович, — так, а кто это тут у нас под крылышком? — уставился он на притихшую рядом с Оборским девушку.

— Саш, познакомься, это Сигизмунд Карлович Войтеховский, мой давний приятель. Зиг, это Александра, моя жена, —

представил их друг другу Глеб.

— Ай, хороша, — протянул гость, — красавица! Завидую дорогой, черной завистью завидую! Какой лакомый кусочек отхватил. А благоухает как!

— Зиг, заткнись, — предупреждающе рыкнул Оборский.

— Ой, да не кипятись ты! — отмахнулся его приятель. — Уже и сказать нельзя. Александра, искренне восхищен, — пророкотал он, отвесив на редкость изящный поклон.

Саша кивнула, пытаясь устоять на месте и не попятиться от склонившегося перед ней мужчины. Ее потряхивало от безотчетного страха перед чуждой силой, распространяющейся от гостя.

Сигизмунд прошел в гостиную, а Глеб плотнее прижал к себе Сашину руку и тихо, на грани слышимости произнес:

— Не волнуйся, тебя никто не обидит. Я рядом.

Девушка попыталась успокоиться. Получалось с трудом. Оборский погладил дрожащую ладошку жены и слегка приобнял девушку за талию. Саша вздохнула — теплая рука Глеба придавала уверенности, и Александра расслабилась. Он рядом. Все будет хорошо…

Поток гостей не ослабевал. Дамы в вечерних туалетах, мужчины в дорогих смокингах, смех, приветственные поцелуи, иностранная речь…

Оборский здоровался, представлял гостям свою жену, раздавались восхищенные восклицания мужчин и чуть уступающие им в энтузиазме вежливые фразы женщин… «Польщены… Восхищены… Прекрасно… Удивительно…» А Саша стояла с застывшей на лице улыбкой и только и успевала произносить формальные слова о том, что ей приятно и — да, она польщена, восхищена… ну, и далее, по списку.

Наконец, последний гость прошел в гостиную и вечер начался.

Глеб передвигался по зале, общался с друзьями, отпускал комплименты дамам, вступал в разговоры с мужчинами, но ни на секунду не выпускал из своих объятий жену. Он крепко держал ее за талию и так и перемещался по гостиной, не обращая внимания на понимающие взгляды гостей. Саша прильнула к теплому боку мужа, крепко вцепилась в его руку и даже не помышляла отойти от него хоть на шаг.

Среда, в которую она попала волею судьбы, внушала девушке опасения. Александра видела оценивающие взгляды женщин, откровенный интерес мужчин, ощущала ауру силы и власти, исходящую от присутствующих и исподволь, незаметно наблюдала за ними. Тонкие, едва ощутимые отличия, отделяли

оборотней от обычных людей. Саша замечала, как шевелятся ноздри гостей, стоит ей пройти рядом, отмечала хищный блеск смотрящих на нее глаз, пару раз почувствовала едва уловимый, мускусный запах от проходящих мимо мужчин, а пару раз ей почудились невесомые прикосновения чьей-то руки. Оборотни смотрели, наблюдали, оценивали. В этом мире не признавали слабаков. Что ж… Александра подняла повыше подбородок, и смело встречала оценивающие взгляды. «Не дождетесь!» — говорили ее глаза, и оборотни понимающе улыбались — храбрая девочка.

Вечер завершился торжественным ужином. Легкая, приятная атмосфера, непрекращающиеся разговоры — смесь русского с французским, — еле слышный стук приборов, мягкий голос Глеба… Изысканный вечер в избранном обществе. Саша смотрела, наблюдала и помалкивала. Ей было о чем подумать. Если оборотни живут не одну сотню лет, то становится понятно, откуда взялись такое богатство, власть, сила… И разговоры о прошлом, и проскальзывающая ностальгия по старой, утерянной навсегда России, и необычные обороты речи…

— Глеб, а ты помнишь…

И мужчины принимались с жаром обсуждать дела давно минувших дней, переходя на французский, споря и приводя в аргументы высказывания почивших военачальников и друзей. «А ведь это непросто — видеть, как старятся и умирают близкие, как уходят в историю эпохи, как жизнь уводит все дальше от тех мест, где родился и вырос…» Она смотрела на сидящих за столом людей… ну, вернее, не совсем людей… и пыталась представить — каково это — жить так долго. Ведь, отныне, это и ее участь. По крайней мере, до тех пор, пока будет жив Глеб, будет жить и она, его жена и пара. Да, странно устроена жизнь. То, что раньше казалось сказкой, теперь не вызывает у нее никакого удивления. Обычный факт. Таких фактов, за последнее время, скопилось очень много, но только одно так и осталось неясным. По убеждению всех, она — пара Оборского, и он никогда не сможет причинить ей боль. Но Саша видела недоумение и неуверенность оборотней, когда речь касалась этой темы. Она понимала, что они сами не особо верят в то, что ей говорят. Еще бы — поступок Глеба опроверг непреложную истину и никто не мог объяснить, почему это случилось и не произойдет ли повторения подобного. Снова, и снова Александра переживала ту кошмарную ночь, забывшись сном, а те события, что были в ее жизни раньше, лишь подтверждали при пробуждении — нельзя ни в чем быть уверенной, нельзя бездумно принимать на веру все, что ей говорят. И она не верила. Наблюдала, оценивала, выжидала… А

глупому сердцу так хотелось забыть обо всем и довериться мужчине…

Ужин, между тем, плавно подошел к своему завершению, и гости принялись прощаться с радушными хозяевами.

В усадьбе остались лишь несколько друзей, среди которых был и Войтеховский. Он веселился, балагурил, требовал свой выигрыш немедленно и всячески подшучивал над проигравшим спор другом.

Глеб, не выдержав насмешек, хмыкнул, открыл бар и достал бутылку коллекционного коньяка.

— Держи, победитель, заработал в честном бою, — улыбнулся он, отдавая редкий напиток.

— Ах, ты, моя сладенькая, иди к папочке! — дурачился Сигизмунд, целуя выигранную бутылку, — этот глупый малец не знает, как обращаться с таким божественным напитком. Нектар! Амброзия!

— Зиг, да уймись ты, — не выдержал Алекс, — хватит дразнить, иначе придется прямо здесь расстаться с выигрышем, поделив его на всех.

— А я не жадный. Глебушка, неси бокалы, — разошелся Войтеховский.

— Алексей, достань в буфете, — распорядился Оборский, — я сейчас.

Пока друзья шутливо препирались, хозяин дома незаметно вышел из гостиной и направился к детской. Ему не терпелось увидеть малышей и, в глубине души, затаилась надежда, что Саша сейчас с ними. Чутье не подвело мужчину. Александра сидела в полюбившемся ей кресле-качалке и держала детей на руках.

— Саш, я ведь просил, — укоризненным шепотом возмутился Глеб, — у тебя же спина…

— Да, не болит она уже, — так же шепотом, отозвалась девушка, — все прошло давно.

— Опять геройствуешь? — внимательно посмотрел на нее Глеб. — Ладно, только постарайся не таскать их на руках подолгу. А Татьяна где?

— Я ее отпустила, — тихо ответила Саша, — пусть отдохнет. Да, и я по детям соскучилась, весь день толком не видела.

— Я тоже, — Оборский подошел ближе и склонился над креслом, — крепко спят, — он невесомо провел рукой по сжатым кулачкам Темы и заправил выбившийся из-под чепчика завиток Кати.

— Капризничали весь вечер, Таня не могла их успокоить, — подняла на мужа глаза Саша.

— По тебе скучали, — улыбнулся Глеб. Он легко прикоснулся к щеке жены и распрямился.

— Пойду, — с сожалением сказал он, — надо оставшихся гостей утихомирить, а то, если Зиг разойдется, в доме до утра никто не уснет, — ты в детской ночевать останешься?

— Да, — кивнула девушка, — не могу спать, когда малышей нет рядом.

— Ты поэтому каждую ночь здесь проводишь?

— Ну…

— Саш, тебе отдых нужен, а ты тут на кушетке ютишься. Разве для этого я малышей сюда переселил?

— Так может, лучше будет вернуть их обратно? Я же хорошо себя чувствую, — Александра с надеждой посмотрела на мужа. После своего побега, она старалась лишний раз не спорить с Оборским, пытаясь хоть как-то загладить свою вину.

— Ладно, завтра решим, — неохотно ответил Глеб и, не оглядываясь, вышел из комнаты.

А поздно ночью, зайдя в детскую, он подхватил на руки спящую жену и отнес ее в спальню, аккуратно уложив на расстеленную кровать.

«Спи, моя девочка, — мужчина, одну за другой, осторожно вынул из прически девушки шпильки и распустил непокорную рыжую гриву, — спи…»

Саша вздохнула во сне и поморщилась. Оборский замер, боясь пошевелиться, но девушка не проснулась. Глеб осторожно перевел дыхание и укрыл жену одеялом. Такая хрупкая и ранимая… Мужчина смотрел на Александру, и лютая тоска глодала его душу. Как же он соскучился… Так хочется прижать свою Сашу к груди и никуда не отпускать… Сбежала, проехала полстраны, лишь бы от него скрыться. Неужели, настолько неприятен? Неужели, так сильно ненавидит? А за Игоря как переживала?.. Оборский чувствовал, что если бы поставил любое условие, в обмен на помилование охранника, она бы, не задумываясь, согласилась. Вот, что за характер такой?

И эта странная история с отцом… Как сказал Станкевич? Почти семь лет не виделись? Интересно — почему? Оборский дал задание своим людям выяснить всю подноготную полковника и его семьи, но никаких зацепок не было. После смерти жены, Павел Владимирович стал более замкнут и нелюдим, но никаких нареканий по службе не имел и характеризовался положительно. Волевой характер помог полковнику достойно перенести трагедию и жить дальше. Что же послужило причиной его ссоры с дочерью?

С кровати донесся еле слышный стон. Глеб настороженно

посмотрел на спящую девушку и невесомо прикоснулся к ее лицу. Спи, моя хорошая… Он провел рукой по распущенным волосам жены и задохнулся от яркого, пьянящего аромата. На мгновение, мужчину охватило дикое, неконтролируемое желание, но он сумел справиться с собой и, с тяжелым вздохом, пошел к выходу. Нет, нельзя переоценивать свою выдержку! Подле Саши, он теряет голову от страсти и желания, а зверь пытается вырваться на свободу и оказаться рядом со своей парой.

— Глеб… — раздался тихий шепот.

Оборского пригвоздило к месту. Он медленно обернулся и посмотрел на Александру. Девушка хмурилась и ворочалась во сне, а ее губы что-то еле слышно шептали. Мужчина прислушался, но, несмотря на чуткий слух, не смог разобрать ни слова.

— Глеб, пожалуйста… — раздалось разборчивее.

Оборотень подошел ближе и склонился над постелью жены.

— Не уходи…Мужчина задохнулся от неожиданности. Он осторожно опустился рядом с Сашей и легко коснулся ее лица. Стон, раздавшийся в ответ, смел все благие намерения Оборского. Его выдержка испарилась, как дым. Все. Нету больше благоразумия и хладнокровия. Осталась лишь всепоглощающая жажда, утолить которую под силу только одной женщине — его жене. Глеб наклонился к любимым губам и потерялся в сладости жаркого поцелуя. Как же давно он мечтал об этом!.. Саша стонала, страстно откликалась на прикосновения жадных рук, тянулась горячими ладонями к его лицу… Ее тело, ее глаза, ее жажда… — все молило об одном, и мужчина не устоял. С тихим рыком, он погрузился в горячее лоно и повел жену за собой — выше, острее, сильнее…

Томную негу осенней ночи нарушил протяжный крик — Александра не смогла удержать под контролем свои чувства и сдалась на милость победителя.

Утро выдалось солнечным. Едва рассвело, Саша открыла глаза и наткнулась на внимательный взгляд мужа.

— Привет, — тихо сказал Глеб.

— Привет, — чуть слышно отозвалась Александра.

— Ты почему так рано проснулась?

— А вы?

— Я могу долго обходиться без сна, — усмехнулся мужчина, — а вот тебе не мешало бы еще поспать.

— Мне к детям надо, — Саша принялась выбираться из постели.

— Не торопись. Ты же недавно их кормила, сейчас они, все равно, спят. Вот, как проснутся, так Татьяна их и принесет. Иди

сюда, — Глеб взял жену за руку и потянул на себя.

Он обнял Сашу и принялся прокладывать дорожку из поцелуев по ее шее и ниже, до самой волнующей точки груди.

— Глеб Алекса-а… — девушка не сумела договорить — Оборский проворно закрыл ей рот поцелуем и, легонько прикусив губу, поправил: — Глеб. Ночью у тебя это прекрасно получалось. Чтобы больше никаких Александровичей я не слышал, — и принялся исступленно целовать припухшие губы жены. Саша горела, стонала, извивалась в крепких руках. Ее тело беспрекословно подчинялось умелому напору мужа, заставляя девушку забыть обо всем, а Глеб, доводя ее до грани немыслимыми ласками, вынуждал просить о большем. И она просила. Кричала, срывая голос, молила о пощаде, но сладкая пытка все длилась и длилась… Последний всхлип… и восхитительная истома разлилась по телу Саши. Оборский прижал к себе жену, всем своим существом ощущая затухающие волны ее наслаждения. Он благодарно уткнулся в пьянящую копну рыжих волос и бессвязно шептал какие-то ласковые слова, не задумываясь над их смыслом. То блаженство, что дарило ему присутствие рядом пары, заставляло мужчину забыть обо всем.

Однако мир не забывал о них и вскоре, Оборскому пришлось вернуться к действительности.

Деликатный стук в дверь прервал утреннюю идиллию супругов.

— Кто? — недовольно буркнул оборотень.

— Глеб, к тебе гость, — прозвучал из-за двери голос Метельского.

— Подождать не может?

— Боюсь, что нет, — хмыкнул Алекс.

— Буду через пять минут, — отозвался мужчина и встал с постели, не удержавшись и еще раз поцеловав, напоследок, Сашу.

— Лежи, — шепнул он девушке и направился в ванную. Спустя пару минут, одетый и собранный оборотень покинул спальню жены.

Глава 20

— Павел Владимирович, — невозмутимый Оборский поздоровался со вставшим, при его появлении, мужчиной и прошел к столу, — чем обязан?

— Я хочу увидеть свою дочь, — сумрачно ответил Станкевич, усаживаясь в глубокое кресло.

— Прямо сейчас? — удивился Глеб.

— Хотите сказать, она еще спит?

— Боюсь, что да, — развел руками Оборский, — все-таки, семь утра.

— Насколько я знаю, ее рабочий день начинается с шести, — усмехнулся полковник.

— У вас устаревшие сведения, — скупо улыбнулся Глеб, — Саша больше не работает.

— И что же она делает в вашем доме?

— Она моя жена, а потому, может делать все, что угодно.

— И даже покинуть его?

— Павел Владимирович, к чему эти вопросы? Вы хотите увидеть Сашу? Хорошо. Только, тогда вам придется подождать. Я схожу за ней, — Оборский вышел из кабинета, а Станкевич проводил оборотня долгим, задумчивым взглядом.

Когда, спустя полчаса, Глеб вернулся вместе с женой, полковник все так же сидел в кресле. Он внимательно посмотрел на вошедших и слегка прищурился, отмечая, как бережно Оборский держит под руку его дочь.

— Здравствуй, — негромко сказала Александра, не подходя к отцу.

Станкевич кивнул, и достал пачку сигарет.

— Не против? — запоздало спросил он у хозяина.

— Пожалуйста, — Глеб вытащил из стола пепельницу и поставил перед гостем.

Щелкнула зажигалка, и тонкий дымок взвился над тлеющим кончиком.

Оборский усадил Сашу в свое кресло, а сам остался стоять рядом с женой.

— Итак? — вопросительно посмотрел он на Станкевича.

— Александра, я приехал за тобой, — пристально глядя на дочь, произнес полковник, — за воротами ждет машина. Собирайся, мы уезжаем.

Глеб дернулся, но Саша мягко прикоснулась к его руке и качнула головой, чтобы он не вмешивался.

— Я не поеду, — тихо ответила она отцу.

— Ты уверена? Ты хоть понимаешь, во что ввязалась? — медленно стряхивая пепел, спросил Станкевич.

— Я ни во что не ввязывалась. Здесь мой муж и мои дети, и я никуда отсюда не уеду, — спокойно произнесла девушка.

— Да, ты знаешь, кто он? — вспылил полковник. — Ты соображаешь, что натворила? Связалась с этим отродьем и думаешь, что хорошо устроилась? Он же таких, как ты, ни во что не ставит. Наиграется, и выкинет, а ты — муж… Собирайся. Даю тебе пять минут, — резко добавил Павел Владимирович.

— Отец, я не поеду. Это моя жизнь, и я сама решу, что для меня лучше.

— Ты уже один раз решила, что для тебя лучше! — гневно выкрикнул Станкевич.

— А ты выгнал меня из дома. Так что, мы квиты, — твердо ответила девушка.

— Александра… — полковник не успел договорить.

— Думаю, нет смысла и дальше продолжать этот разговор, — вмешался Оборский, — Саша, иди к себе, — ласково обратился он жене, — а с вами, Павел Владимирович, мы еще побеседуем.

Александра, не оглядываясь, вышла из кабинета, провожаемая гневным взглядом отца и задумчивым — мужа.

— Итак, — начал Оборский, стоило Саше закрыть дверь, — мне хотелось бы понять, почему вы так хотите забрать свою дочь домой.

— Вот, только не надо играть в благородство, — скривился Станкевич, — я прекрасно знаю кто вы и на что способны. И знаю, что человеческие женщины оборотням не нужны. Зачем вам Александра?

— Да, контора серьезно работает, — усмехнулся Глеб, — ну, что ж, не нужны, говорите? А если Саша — моя пара?

— Вы уверены?

— Да.

— И ее дети?..

— Мои.

— Вы хотите сказать, что мои внуки — оборотни? — вена на лбу полковника опасно вздулась.

— Да.

Станкевич молча смотрел на своего неожиданно объявившегося зятя, и взгляд его становился все сумрачнее.

— Добилась-таки, — наконец, выговорил он и поднялся с места, — кровь свое взяла. Вся в мать… Ну, что ж, посмотрим, кто окажется прав… Передайте моей дочери, что она всегда может вернуться домой.

Павел Владимирович смял в пепельнице сигарету, еще раз

взглянул на Оборского, как-то нехорошо усмехнулся и вышел из комнаты, а Глеб набрал Метельского.

— Проследи, чтобы полковника проводили до аэропорта. Только не светитесь. А после этого, зайдешь ко мне, разговор есть.

Он задумчиво отложил телефон в сторону и достал из стола досье, собранное на Александру. Что за тайны прячутся за благополучным фасадом семьи Станкевичей? Чуткие, длинные пальцы Глеба машинально переплелись, и мужчина отрешенно уставился в окно. «Саша, Саша… Что же ты скрываешь? Почему никогда не жалуешься? Вон, про Алину так и не сказала, пришлось самим сопоставлять факты, — Глеб стиснул зубы. При одной мысли, что эта гадина посмела прикоснуться к его паре… — ничего, он найдет способ поставить наглую волчицу на место. Время… На все нужно время… Если их выводы подтвердятся… Каяровым не жить.»

Оборский откинул со лба смоляную прядь и погрузился в лежащие перед ним документы.

Он долго сидел над бумагами, пытаясь понять, что значили прощальные слова Станкевича. Краткие строки досье бесстрастно поведали о судьбе Екатерины Сергеевны Станкевич. Родилась в 1968 году в городе Вильнюсе, в семье профессора Сергея Александровича Арцишевского, окончила Институт иностранных языков в Москве, вышла замуж за младшего лейтенанта Станкевича, родила дочь, несколько раз переезжала вслед за мужем в разные города тогда еще СССР, работала переводчиком, погибла в автокатастрофе, возвращаясь с научной конференции.

Сухие строчки, в которых заключается целая жизнь. С фотографии на Оборского смотрела миловидная шатенка, с ясными синими глазами и Сашиной улыбкой. Тонкие брови вразлет, веселый взгляд, кокетливо сдвинутая набок беретка… Екатерине Станкевич на этом фото всего двадцать. А вот еще одна фотография. Та же самая женщина, но уже спустя десять лет. Серьезное лицо, усталые, потухшие глаза, небольшая морщинка между бровями — как у Саши, когда она грустит — и плотно сжатые губы. Разительный контраст…

А дальше, данные медицинской экспертизы. Глеб несколько раз возвращался к этой бумаге, не в силах понять, что же его настораживает в сухих выкладках врачей. Множественные переломы, разрывы внутренних органов… старые шрамы… среди них… Вот… На фото отчетливо виден полустертый след. Не может быть! Фотография задрожала в руках мужчины.

— Алекс, — неестественно спокойно произнес он, набрав номер, — немедленно ко мне, — и отключился. Если то, о чем он

думает, подтвердится, то… Diable!

— Ты уверен? — Метельский пристально смотрел на своего альфу.

— Нет, — поморщился Глеб, — но проверить не помешает. Станкевич не мог знать об оборотнях. Обычный провинциальный работник, каких тысячи по стране. В верхах, от силы пять человек владеют подобными знаниями, а тут какой-то полковник… Что-то здесь нечисто.

— Хорошо, мы попробуем нарыть инфу, — кивнул Алекс, — а у Саши узнать не пробовал?

— Смеешься? Где Александра и где откровенность… — хмыкнул Оборский.

— Ладно, сами разберемся. Максима подключу, он еще ни разу не подводил.

— И скажи, что это срочно.

— Ну, это и так понятно, — усмехнулся Метельский, — когда — от тебя и не срочно?

— Ладно, езжай.

Алексей вышел из кабинета, оставив Оборского в нелегких раздумьях рассматривать старые фотографии.

— Да, уж Глебушка, дали вы сегодня ночью жару, — усмехнулся Сигизмунд, намазывая толстый слой масла на поджаристый тост, — боюсь, мои потрепанные нервы не выдержат такого накала. Я уже не знал, куда деваться от вашей страсти. Завидую, друг, от души завидую.

— Зиг, уймись, — строго посмотрел на него Оборский, — и не забывайся. Саша — моя пара.

— А я о чем? Мы же теперь все лапы собьем в поисках своей половины. Такие возможности открылись… — мечтательно протянул Войтеховский, — с этого дня, буду к обычным человеческим женщинам присматриваться — а вдруг, и мне повезет встретить свою единственную?

Мужчины, сидящие за столом, переглянулись и заулыбались. Пример Оборского всем им дал невероятную надежду. То, о чем они знали из легенд, то, что казалось невозможным, свершилось и открыло для оборотней новые горизонты. Каждый, из сидящих за завтраком этим солнечным осенним утром, представлял, что, в любой момент, сможет встретить свою пару среди людей, и сердца мужчин бились чаще.

— Да, Глеб, ты счастливчик, — одобрительно улыбаясь, протянул Кирилл — оборотень из северной стаи, — глядя на твою Александру, остается только позавидовать — и красива, и умна, и детей сразу же подарила… Повезло тебе.

— В общем, господа, я понял, что вы за меня рады, но,

давайте, закроем эту тему. Я не хочу, чтобы Саша слышала ваши высказывания. И постарайтесь удерживаться от излишних комплиментов моей жене.

— Вот, как? Жене? Не паре?

— Жене. И паре, — твердо отчеканил Глеб, пресекая дальнейшие выяснения подробностей, — Тамара, там пироги еще есть? — обратился он к кухарке.

— Есть, Глеб Александрович, уже несу, — отозвалась женщина.

— Зиг, ты подумал над моим предложением по поводу слияния «Альянса» с «Оптикумом»? — обратился Оборский к другу, уводя разговор в сторону.

— Мои специалисты просчитали возможности. Думаю, мы потянем, — ответил поляк, — нужно обговорить некоторые детали и можно будет подписывать документы.

— Хорошо, после обеда поедем в офис и все решим, — согласился Глеб.

После завтрака, некоторые гости попрощались с хозяевами и уехали, а Оборский занялся делами.

Визит тестя оставил много вопросов, и Глебу было над чем подумать. А Саша, постаравшись избавиться от неприятных впечатлений после утреннего разговора с отцом, весь день провела с детьми и, к вечеру, сумела успокоиться и отрезать воспоминания прошлого.

* * *

В доме звучала музыка. Яркие огни люстры освещали большую парадную залу. Нынче здесь было людно. Звуки скрипок смешивались с французской и английской речью, стайки девушек в светлых, воздушных нарядах, порхали по натертому дорогому паркету, блеск эполетов отражался в оконных стеклах, а, вдоль стен, сидели пожилые дамы и перемывали косточки легкомысленной молодежи. Саша, незаметной тенью, скользила по комнате, с любопытством разглядывая окружающих.

— Надин, вы бесподобны сегодня, — услышала она знакомый голос и оглянулась на его обладателя.

Копия ее мужа, только лет на десять моложе, галантно целовала ручку миловидной темноволосой девушке и многозначительно ласкала брюнетку жарким взглядом.

— Ой, перестаньте, Глеб Александрович, вы меня смущаете, — вспыхнула красавица.

— Ах, Наденька, вы так мило краснеете, что просто

вынуждаете осыпать вас комплиментами, — искушающе шепнул молодой человек, — где я могу с вами увидеться? — наклонившись ближе, тихо спросил он.

— Но, маменька, она… — пролепетала барышня.

— Полно, Наденька, ваша маменька не узнает. Итак — где и когда? Скажите, умоляю.

— Ну, хорошо, после полуночи, в нашем саду.

— Я буду, — коротко поклонился ее собеседник и, поцеловав дрожащую ручку покрасневшей брюнетки, пошел от нее прочь.

Саша наблюдала, как двойник ее мужа все дальше удаляется от испуганно-счастливой девушки и внутри у нее разливалось яростное чувство ревности. Если ее

Глеб когда-либо позволит себе подобное… Нет, страшно даже представить, что такое возможно…

Легкая, воздушная мелодия вальса плыла над кружащимися парами, улетая все выше, скользя в раскрытые окна и темную тишину липовой аллеи, и Саша устремилась вслед за ней. Звуки растворялись, таяли, исчезали… дом отодвигался все дальше… рывок… и девушка проснулась. Под ее щекой мерно билось сердце Глеба, мягкая поросль на его груди ровно поднималась и опадала, вместе с двигающейся, в такт дыханию, грудной клеткой, в кроватках напротив мирно посапывали дети. Приснилось…

* * *

— Саша…

— Да…

— Не притворяйся…

— Я сплю…

— Ну, ладно, спи…

— Глеб…

— Тшш… тебе это снится…

— Ну, Глеб…

— Ммм…какая сладкая…

Протяжный стон нарушил тишину спальни.

— Да, вот так… Не сдерживайся… — раздался довольный мужской голос.

— А-а… Гле-е-еб…

— Я здесь, моя девочка…

Тяжелое, прерывистое дыхание было ему ответом.

— Да… — сорвалось с губ изнемогающей от страсти женщины. Мужчине не нужно было иного приглашения. Он

присоединился к своей паре, умело довел ее до вершины, и они вместе подошли к желанному финишу.

— Саш…

— Ммм…

— Пора собираться.

— А может быть, останемся дома?

— Это невозможно, ты же знаешь.

— Не хочу. Мне надоело быть выставочным экземпляром. Все смотрят на меня и плотоядно облизываются. Так и кажется, что проглотить готовы.

— Глупенькая, они могут облизываться сколько угодно, но никто не посмеет прикоснуться к тебе. Ты моя. Только моя.

— Глеб, пообещай, что не будешь отходить от меня.

— Не переживай. Я буду рядом. И Алекс, и Зиг, и охрана.

Саша нервно кивнула и поднялась с постели. Последние две недели выдались для нее весьма непростыми. Три приема, четыре вечеринки, несколько встреч с альфами соседних кланов… А, кроме того, наличие в доме оставшихся погостить друзей Оборского. Веселая компания из пятерых разудалых мужчин весьма разнообразила размеренную прежде жизнь лесной усадьбы. Саша не успевала заниматься детьми и страшно скучала по былому спокойствию, но Глеб торопился представить свою жену местным альфам, и Александре приходилось соответствовать. На закономерный вопрос девушки, почему они так спешат, Оборский отшутился: — Саш, ну, могу же я похвастаться красавицей-женой, а? — но она чувствовала, что не все так просто, и ощущала беспокойство мужа.

— Ты уверен, что это единственная причина? — допытывалась она.

— Более чем, — спокойно ответил Глеб, и Александра поняла, что он ни за что не признается в истинной подоплеке своей нервозности. И девушка отступила. Какая разница, почему Глебу так необходимо познакомить ее со всеми главами столичных кланов? Эти две недели, прошедшие со дня отъезда отца, стали самыми лучшими в Сашиной жизни. Оборский окружил ее такой заботой и лаской, что она буквально купалась в его любви. Александра только сейчас смогла преодолеть все свои сомнения и страхи и, потихоньку, стала раскрываться перед мужем. Решение, принятое ею в тот день, когда отец поставил дочь перед выбором, далось Саше нелегко, но оно того стоило. Достаточно было увидеть счастливые глаза Глеба, чтобы поверить в правильность своего поступка. Нет, к отцу она не вернется. Этот этап для нее пройден раз и навсегда.

— Сашка, не зависай, — щелкнул ее по носу муж, — Покорми

малышей, а потом — бегом одеваться, иначе опоздаем.

— Иду, — отозвалась Александра. Она никак не могла привыкнуть к тому, что можно запросто обращаться к мужу на ты, разговаривать с ним, шутить, самой тянуться за поцелуями. Эти две недели стали новой вехой в их отношениях. Ее тайная, робкая влюбленность, тянущаяся с тех времен, когда Саша впервые увидела Глеба, наконец-то, получила свободу и раскрылась под теплым взглядом медовых глаз. Да, они вновь сияли для нее горячим янтарем, заставляя сильнее биться сердце и растворяться в нескромных желаниях. Саша сумела перешагнуть через воспоминания о той страшной ночи, которая стала отправной точкой ее трудного счастья. Александра устала бороться с собой. Сдалась. Глеб оказался для нее тем, без кого она просто не могла существовать. Он и дети. Отныне, в жизни Саши не было ничего важнее.

Оборский, видя, что жена все так же пребывает в раздумьях, вздохнул и взялся за дело сам.

— Глеб, прекрати, — взвизгнула Саша, когда муж подхватил ее на руки и понес в ванную, — я сама!

— Ага, сама ты еще полчаса будешь смотреть в стену застывшим, загадочным взглядом, — хмыкнул мужчина.

— А если ты примешься мне помогать, то, тогда мы точно опоздаем, — рассмеялась Саша.

Глеб с наслаждением слушал смех жены, зарываясь в ее волосы. Сладкая…

— Ладно, давай сама, только быстро, — согласился Оборский.

Мужчина был готов на все, лишь бы не исчезало это непередаваемое ощущение Сашиной близости и доверия. Он смог. Он добился от нее взаимности. Нет, Александра не говорила о своей любви, но внутренняя сущность Глеба не могла обмануться — с каждым днем, их связь крепла и, оборотень чувствовал свою пару даже на большом расстоянии.

Спустя некоторое время, чета Оборских покинула особняк, чтобы появиться на приеме, устроенном губернатором одного из значимых регионов. Политика. Неотъемлемая часть существования оборотней. Необходимость контролировать происходящее вокруг и желание «держать руку на пульсе» заставляли их проникать во все сферы общества — политические, силовые, криминальные. Мало кто знал, что нынешний прием — всего лишь ширма, за которой будут решаться очередные вопросы не привыкшей афишировать себя расы. Большинство приглашенных даже не подозревали о подоплеке банкета. Гости губернатора толпились в фойе, бродили по коридорам огромного

'Атолл-Холла', заглядывали в лобби-бар и пропускали стаканчик-другой бесплатного виски… И пребывали в блаженном неведении относительно того, кто находится с ними рядом.

Саша с интересом оглядывалась вокруг. Новые люди, новые лица… Оборотней среди них мало. Девушка научилась отличать представителей иного вида — чуть выше рост, чуть более хищные улыбки, особый, редкий цвет глаз, красота и гибкая грация, привычка незаметно принюхиваться и липкое внимание противоположного пола…

— Глеб Александрович, — возле супругов появился юркий, невысокий мужчина, — не забудьте остаться после фуршета. Владимир Андреевич хочет с вами поговорить.

— Хорошо, — кивнул Оборский, и неприметный товарищ тут же растворился в толпе.

— Саш, пойдем, — Глеб потянул за собой жену.

Они прошли в банкетный зал и присоединились к разодетой публике. Саша невольно сравнивала присутствующих на приеме людей с оборотнями, посещающими усадьбу. Разительный контраст. А какое раздолье для наблюдательного зрителя! Полные, обрюзгшие мужчины, наделенные властью; помощники руководителей, не всегда являющиеся только помощниками, или помощницами, девочки из эскорта, пожилые дамы в безвкусных нарядах, супружеские пары, одинокие женщины, молодящиеся старички… Палитра на любой вкус.

Александра держалась рядом с Глебом и наблюдала. Перехватывала заинтересованные взгляды мужчин, неприязненные — женщин, видела, как искательницы богатого кошелька пожирают глазами Оборского, и ее начинало тошнить. От всеобщей фальши и продажности. От призраков прошлого…

— Саш, все нормально? — обеспокоенно повернулся к ней муж.

— Да, не волнуйся, — отозвалась она.

— Потерпи, уже недолго осталось. Мне только с Кремневым поговорить, и мы уедем.

— Не переживай, со мной все хорошо, — покривила душой Александра. Хорошо не было. Ей было душно, неуютно, молоко распирало грудь и ужасно хотелось к детям. Она постаралась отвлечься от окружающих, представив своих малышей. Наверняка, уже спят, а перед этим успели вымотать Татьяне все нервы. Саша, словно воочию, увидела две щекастые мордашки. Как они хмурятся, как беззубо улыбаются, как требовательно кричат… Когда же закончится этот бесконечный вечер?!Оборский о чем-то говорил с Сигизмундом, а Саша терпеливо ждала окончания фуршета. Еще немного — и они с Глебом окажутся

дома, в тишине темной спальни, где так сладко пахнет сонными детьми и где ее ждет очередная незабываемая ночь с непредсказуемо-страстным мужем.

Она перевела взгляд на открывшиеся двери и окаменела. Нет! Этого не может быть! Только не сейчас…

В легких резко закончился воздух, и Александра почувствовала, как потемнело в глазах. Господи, только бы продержаться… Нельзя привлекать к себе внимание…

— Саш, что? — встревоженно спросил Глеб, глядя на побледневшую жену. — Тебе плохо?

— Да, — еле слышно прошептала девушка.

— Зиг, подгони машину, — Оборский бросил другу ключи и обхватил Александру за талию, — потерпи, Сашенька, сейчас…

Он принялся ловко выбираться из толпы, а, выйдя из зала, подхватил жену на руки и торопливо направился к выходу из здания. Вот, как чувствовал, что не стоило сегодня выезжать из дома! Не заметил, что Сашка вялая и бледная, решил, что она выдержит. Idiotie! Дался ему этот Кремнев! Нет же, захотелось всем и каждому показать, что Александра — его, и только его!

— Все, Сашенька, уже пришли, — шептал он, усаживая жену на заднее сиденье машины, и доставая из бардачка фляжку с водой, — на, выпей. Сразу станет легче. — Глеб держал баклажку, пока девушка делала судорожные глотки, и с тревогой наблюдал за Александрой.

— Зиг, ты поведешь, — распорядился Оборский, садясь рядом с Сашей и обнимая ее. Прерывистое дыхание жены выравнивалось, нездоровая бледность постепенно сошла, и к девушке вернулся нормальный цвет лица. Саше стало лучше.

Хаммер плавно тронулся с места и, вскоре, «Атолл-холл» остался позади, а машина двинулась на запад.

— Что же ты молчала, а? — укоризненно шептал Оборский, обнимая жену.

— Ну, ты сказал, что нужно задержаться ненадолго, я не хотела тебе мешать.

— Мешать? Ma cherie, запомни, важнее тебя и детей у меня никого нет, ваше здоровье и благополучие — на первом месте. А все остальное — подождет.

Девушка ничего не ответила, только плотнее прижалась к мужу. Уютная тишина окутала темный салон Хаммера.

— Глеб, а сколько тебе лет на самом деле? — задала неожиданный вопрос Александра.

— Это так важно?

— Ну, не то, чтобы важно, просто, интересно…

— Сто двадцать семь, — отрывисто ответил Оборский.

Саша с недоверием посмотрела на мужа.

— Значит, ты родился в царской России?

— Значит, да.

— Расскажешь о себе?

— Саш, потом, сейчас не самое подходящее время и место, — ответил Глеб, покосившись на молчаливого Сигизмунда. Тот невозмутимо вел машину, всем своим видом показывая, что не обращает внимания на сидящих позади пассажиров.

— Смотри, ты обещал, — лукаво улыбнулась Александра, — дома я от тебя не отстану.

«Дома…» — это определение, легко проскользнувшее в Сашиных словах, отозвалось в груди оборотня теплом. Рядом с девушкой, мужчина, впервые за много лет, почувствовал, что у него снова есть дом… и ему есть, куда стремиться… Те страшные воспоминания, после которых он возненавидел обычных людей и потерял само понятие домашнего очага, наконец-то, ушли, растворились, растаяли как дым…

— Приехали, — доложил Зиг, подъезжая ко входу в особняк.

— Саш, ты как? — обеспокоенно спросил Глеб.

— Хорошо, — отозвалась девушка, — все прошло.

— Сиди, — приказал Оборский, увидев, что она пытается, вслед за ним, выйти из машины. Он подхватил жену на руки и понес к двери.

— А тебе не кажется, что это становится привычкой? — процитировала Александра давние слова мужа.

— Ммм… Что именно? — Оборский щекотал ее ушко своим горячим дыханием, чуть притрагиваясь губами и тут же отстраняясь.

— То, что ты постоянно таскаешь меня на руках, — засмеялась Саша, — скоро я совсем ходить разучусь.

— А, хоть бы и так, — не повелся на ее слова мужчина, — я всегда в твоем распоряжении.

— Глеб, прекрати, — Саша смеялась и выворачивалась, а наглый оборотень продолжал целовать ее все провокационнее — ушко, шейку, бьющуюся венку, — спускаясь ниже, прикасаясь откровеннее и жарче… Поцелуи становились горячее, томительнее… Тягучая страсть следовала за губами Оборского, зажигая в Сашином теле пожар.

— А-а, Гле-е-еб…

— Ммм… Вкусная…

— Глеб…

Дверь спальни захлопнулась за супругами, отрезая их от всего мира. Где-то далеко остались старые воспоминания, проблемы, страхи… Сигизмунд… веселящиеся в «Атолл-холле»

люди и нелюди… спящие в доме обитатели… Массивная дубовая дверь отгородила чету Оборских от событий последнего вечера и прошлой жизни…

— Глеб, ты обещал рассказать о себе, — напомнила Саша, когда они, обессиленные страстью, лежали в постели.

— Ты так этого хочешь?

— Очень!

— Ладно… — сдался мужчина, — слушай…

Семья Оборских восходила к старому потомственному дворянству, владеющему поместьями и землями. Многие поколения оборотней жили под прикрытием человеческой фамилии и дворянского звания. Имение «Берковка» было любимым местом их проживания. Особняк, построенный еще в далеком семнадцатом веке, не раз претерпевал изменения, дважды сгорал дотла и отстраивался заново, выдержал многочисленные переделки, а свой окончательный вид приобрел в начале девятнадцатого века. Оборские никогда надолго не оставляли место своего обитания. Это была их земля, их родина, их территория. Здесь они жили, служили отечеству, любили, рожали детей… Правда, по достижении определенного возраста, старшее поколение покидало усадьбу, во избежание слухов, но, по истечении времени, оборотни вновь возвращались в любимую «Берковку». Деревни, принадлежащие семье, населяли члены клана и немногие простые крестьяне, знающие тайну своих господ. Целые поколения вырастали с этим знанием, живя под защитой Оборских. Клятва на крови удерживала простых людей от разглашения не принадлежащей им правды. Оборотням удавалось хранить тайну своего происхождения и не вызывать подозрений среди окружающих. Так и жили.

А потом, пришла катастрофа, под названием революция, а за ней и гражданская война. Много бед причинили они людям — брат шел на брата, дети — на родителей, друг — на друга… Оборотни настороженно наблюдали за происходящим. Многие влились в ряды разваливающейся армии, некоторые сразу покинули гибнущую в кровавых распрях страну, а кто-то ждал до последнего, веря, что люди образумятся и прекратят междоусобицу… Глеб, в свои двадцать девять, не смог остаться в стороне. Присоединился к армии Деникина, воевал на юге России, отступал вместе с теряющими, один за другим, города войсками и, до последнего, верил, что не покинет родину. Судьба распорядилась иначе.

Бой под Екатеринодаром оказался для него последним. Ранение задело привычное к регенерации тело, но это было не страшно. Осколок снаряда, пробивший голову, чуть не стал

причиной гибели Оборского. Лгали легенды о бессмертии оборотней. Не нужны были мифические серебряные пули, чтобы уничтожить представителя этой расы. Достаточно было всего лишь попасть в сердце или в мозг оборотня, и это приводило долгоживущего к гибели.

Глебу не повезло — проникающее ранение задело мозг. Для человека подобное могло быть смертельным, но оборотень боролся. Он цеплялся за жизнь, могучий организм не сдавался, только вот, регенерация замедлилась, и Оборский еще долго приходил в себя. Спасибо Степану — денщику — сумел вытащить его с поля боя, а потом, и до Севастополя довезти. Очнулся Глеб уже на пристани. Военные, гражданские, бабы с корзинками, молоденькие сестры милосердия, усатые казаки… — все смешалось перед его глазами. Толчея, неразбериха, крики, ругань… Ноябрь двадцатого года. Последние месяцы уходящей России. Армия, под руководством генерала Врангеля, покидала отчизну.

Потом, был душный трюм, набитый людьми под завязку, и отсутствие воды, и жидкая баланда один раз в день, и дикая, отупляющая боль. Степан отчаянно молился, и Глеб, выходя из забытья, видел небритую физиономию своего денщика, и его неразборчиво шепчущие что-то губы. Кто знает, то ли хваленая регенерация, наконец-то, сработала, то ли молитвы помогли, но Оборский сумел победить смерть.

Бледный, исхудавший, оборванный он смотрел с палубы «Саратова» на раскинувшийся впереди Константинополь, и горькая улыбка кривила губы мужчины. Воды Босфора качали стоящие на рейде суда, с российскими флагами, и тысячи людей с надеждой взирали на негостеприимный берег.

А потом, вынужденная высадка на островах, вероломство союзников, долгие дни ожидания и, наконец, возможность уехать во Францию. Там, в небольшом местечке под Парижем, Глеб прожил несколько лет. А затем — Вена, Варшава, Стокгольм, и дальше — Нью-Йорк, Лос-Анжелес, Торонто…

Деньги семьи, лежащие в банках Европы, помогли Оборскому восстановиться и начать все заново на чужбине, но Глеб всегда знал — он вернется. Вернется на родину, чего бы это ему не стоило.

И, в девяностых годах прошлого века, его мечта сбылась. Он приехал в ставшую незнакомой страну, выкупил бывшее имение семьи Оборских, с энтузиазмом взялся за его восстановление, попытался наладить жизнь, но… Воспоминания прошлого, гнет былых обид, невозможность оставаться самим собой…

Глеб уехал в Москву. В недрах мегаполиса не так остро

болело сердце, не так жалили воспоминания, не так хотелось повернуть время вспять.

Саша, затаив дыхание, слушала рассказ мужа, и у нее перед глазами проплывали картины прошлого. Падение великой страны, гибель людей, боль и отчаяние выживших… Ей стало жаль мужчину. Грусть, звучащая в его голосе, отдавала привкусом горечи. Было что-то еще, о чем он не упомянул в своей истории, и это что-то явно тяготило его.

— А твои родители? — не удержалась Александра.

— Тяжелый вопрос, — сразу замкнулся Глеб, — извини, Саш, но это слишком грустная история. Может быть, как-нибудь потом. Давай спать, — прижал он к себе жену.

— Давай, — не стала настаивать на продолжении рассказа девушка. Она чувствовала, что муж не хочет говорить о своих родителях и благоразумно отступила. У нее тоже были болезненные воспоминания, одно из которых напомнило о себе сегодня, и Саша, лучше других, знала, что, иногда, прошлое лучше оставить в прошлом.

— Спокойной ночи, — тихо прошептала она.

— Спи, — улыбнулся в ее волосы Глеб, — а то, скоро малышня проснется.

— Да, это весомый аргумент, — беззвучно рассмеялась Александра. Она плотнее прижалась к мужу и прикрыла глаза. Призраки былого витали сегодня в спальне. Недобрые призраки.

Глава 21

— Глеб, мне нужно в город.

— Нет.

— Но мне, правда, очень нужно.

— И что ты там забыла?

— Я хочу съездить домой… — договорить Саша не успела.

— Твой дом здесь, — жестко отрубил Оборский.

— Ну, Глеб…

— Все. Вопрос закрыт.

— А если меня отвезешь ты? — Александра подошла к мужу и просительно-ласково заглянула в глаза.

— Я сегодня занят.

— А завтра?

— И завтра.

— И послезавтра?

— Да. Саша, хватит испытывать мое терпение.

— А если так? — девушка забралась на колени к мужу и потерлась щекой о колючий подбородок.

— Нет.

— Совсем-совсем? — лукаво улыбнулась Александра и провокационно прикусила губу.

— Саша, — выдохнул Оборский.

— А вот так? — и в ход пошел розовый язычок, облизавший губки.

— Сашка, уймись, — простонал Глеб. — Мне нужно в город, — серьезно глядя ему в глаза, произнесла девушка, — Глеб, хватит бояться. Я не сбегу.

— Я не боюсь, — насупился мужчина.

— Боишься. Я чувствую, — она ласково провела рукой по небритой щеке и мимолетно прикоснулась к ней губами, — Пожалуйста, поверь мне.

Оборский сосредоточенно нахмурился. С одной стороны, он понимал, что без детей Саша не уйдет, но с другой… Воспоминания ее побега и дикая тоска, поднимающаяся внутри при одной только мысли об ее отсутствии, сводили на нет все доводы рассудка. Не отпущу — взвыл внутри волк. Оборский пристально посмотрел на жену. Нежная, хрупкая, огромные глазищи доверчиво распахнуты, слабый румянец подсвечивает белоснежную кожу… Слишком ранимая. Слишком прозрачная — все мысли на лице написаны. Любой может ее обидеть. Нет. Одну — не отпущу.

А рассудительная часть натуры стояла на своем. Невозможно

удерживать Сашу силой. Ей нужна свобода. Свобода воли, свода выбора, свобода… от него, Глеба. Нельзя постоянно быть настороже и ждать от девушки подвоха. Она должна сама решить, быть с ним или нет. Нехотя, преодолевая себя, Оборский обронил:

— Хорошо. Езжай.

— Правда? — удивленно воскликнула Александра. — Отпускаешь?

— Да, — кивнул Глеб, — но с условием…

— Ну, конечно, как в сказке: чудовище не может отпустить красавицу без условия, — смеясь, перебила его Саша, — что там — вернуться ровно к двенадцати?

— Развлекаешься? Ладно, сама напросилась, — Оборский притворно грозно нахмурил брови и озвучил свое требование: — поедешь с Денисом и Виктором, в многолюдных местах от них — ни на шаг, к вечеру постарайтесь вернуться.

— Не переживай, вернемся раньше. Не хочу, чтобы дети все время из бутылочек питались, и так, последнее время меня почти не видят.

— Ладно, Саш, иди, собирайся. Я пока ребятам инструкции дам.

Александра быстро чмокнула мужа в губы и соскочила с его колен.

— Не скучай, — улыбнулась она и выскользнула из кабинета.

Оборский усмехнулся. Ему нравилось, что Саша ожила и перестала его бояться. Кажется, только что, он сделал еще один шаг в нужном направлении.

В городе было сыро и ветрено. Александра, поежившись, захлопнула дверцу джипа и направилась к подъезду.

— Привет, потеряшка, — услышала девушка, доставая ключи.

«Ленка… Караулит она меня, что ли?» — недовольно подумала Саша.

— Здравствуй, Лен. Как жизнь?

— Лучше всех! А ты куда пропала?

— Да, так…

— Понятно. Что, новеньких нашла? — кивнув на молчаливую Сашину охрану, полюбопытствовала соседка.

— Ну, можно и так сказать, — усмехнулась Александра, — ладно, Лен, прости, я тороплюсь. Идемте, мальчики, — обратилась она к оборотням. Те хмыкнули на такое обращение, но послушно двинулись вслед за девушкой.

Вик первым вошел в подъезд, охватив цепким взглядом все помещение, а Дэн придержал дверь, пропуская Александру, и ловко оттеснил в сторону соседку, чуть не вывернувшую голову в попытке запомнить все подробности происходящего. Любопытные

карие глаза пристально смотрели вслед уходящей Саше.

— Она всегда такая назойливая? — Денис нахмурил светлые брови. Саша посмотрела на своего провожатого. Короткий ежик пшеничных волос, россыпь веснушек на носу и щеках, огромный рост и добродушное лицо. Настоящий русский богатырь.

— Нет, сегодня был вариант-лайт. Обычно, пока Ленка не узнает все, что нужно, ни за что не отпустит попавшуюся жертву, — хмыкнула девушка, открывая дверь своей квартиры.

— Вик, проследи, — бросил Денис, и его напарник остался снаружи, а Дэн, войдя в квартиру, принюхался и успокоенно расслабился.

Саша прошла на кухню и поставила чайник.

— Зови Виктора, напою вас чаем, а сама пока немного приберусь. Пыли столько скопилось…

Девушка выставила на стол кружки, сахарницу, пачку хлебцов, и сыпанула заварки в маленький чайник.

— Александра Павловна, да, вы не беспокойтесь, мы не голодные, — смущенно пробасил Денис.

— А я и не беспокоюсь, — наливая кипяток в заварник, успокоила его девушка, — пейте и не мешайте мне, — улыбнулась она.

— Может, вам помочь?

— Нет, я сама быстрее справлюсь.

Уборка, и правда, не заняла много времени. Саша пропылесосила квартиру, вытерла пыль и помыла полы. По сравнению с домом Оборского, ее маленькая однушка не требовала приложения больших усилий.

— Все, ребята, можно выдвигаться. Мне еще к соседке зайти нужно, — приведя квартиру в порядок, объявила Саша.

— К этой крашеной, что ли?

— Нет. К Вере Ивановне, она напротив живет.

Соседка долго не открывала. Александра слушала заливающийся за дверью звонок и недоуменно размышляла. После обеда пожилая женщина обычно всегда бывает дома. Может, случилось что? Саша достала телефон и нашла номер Касторской. Долгие гудки… Наконец, в ответ раздался слабый голос соседки: — Алло.

— Вера Ивановна, здравствуйте, — обрадовалась Александра.

— Здравствуй, Сашенька, — прошелестела женщина.

— Вы не дома, да?

— Ой, Сашенька, я сейчас в больнице.

— Что-то серьезное?

— Да, вот… Сердце барахлит, врачи нашли какую-то недостаточность…

— Вера Ивановна, а в какой вы больнице? Я сейчас приеду.

— Что ты, Сашенька, не надо! — заволновалась Касторская, — Зачем тебе в такую даль добираться? Да, и нормально я себя чувствую, скоро уже выписать должны.

— Вера Ивановна, номер больницы, — не поддалась Саша.

— Пятая, — неохотно ответила женщина, — кардиология, десятая палата.

— Через полчаса буду, — заверила ее Александра. Она решительно посмотрела на охранников и распорядилась: — на Герцена.

— Девушка, вы куда? А бахилы? — пожилая женщина бдительно уставилась на посетительницу. Окошко, из которого она выглядывала, скрывало фигуру бдительной охранницы, выставляя напоказ лишь полное, добродушное лицо в морщинках.

— Простите, я не знала, что у вас так строго. А где их можно приобрести? — Саша вопросительно посмотрела на женщину.

— В аптеке за углом.

— А…

— А без них — никак.

Саша повернулась к оборотням.

— Я схожу, — быстро сориентировался Дэн.

Через несколько минут он вернулся с двумя пакетами.

— Вот.

— Это что?

— Это вместо бахил. В аптеке они еще три дня назад закончились, девушки посоветовали купить простые пакеты.

Александра хмыкнула, но натянула на свои изящные туфельки уродливые, шелестящие «бахилы», обвязав их вокруг щиколоток.

— Подождите меня здесь, не хочу Веру Ивановну пугать, — попросила она охранников. Те неохотно кивнули. Глеб Александрович приказал им глаз не спускать с хозяйки, и теперь оборотни стояли перед выбором — поругаться с ней — а девушка ни за что не уступила бы — или нарушить приказ. Денис незаметно покачал головой на безмолвный вопрос Вика и показал — «потом». Разумеется, приказ альфы они не нарушат. Просто, сделают так, чтобы Александра Павловна их не заметила. Виктор понятливо кивнул, и охранники спокойно отпустили девушку одну.

Пройдя мимо поста с бдительной тетушкой, Саша поднялась на второй этаж.

В кардиологии стойко пахло старым линолеумом и лизолом. Затхлый, душный воздух неприятно оседал в легких. Александра шла по коридору, заставленному кроватями, и недоуменно

оглядывалась. Неужели, так много больных, что они не помещаются в обычных палатах? Нос морщился от неприятного запаха — с некоторых пор, у нее обострилось обоняние, — а глаза выискивали дверь с надписью десять. Ага, вот она. Саша уже собиралась войти в палату, когда наткнулась на знакомый проницательный взгляд.

— Вера Ивановна!

— Здравствуй, Сашенька, — стыдливо потупилась пожилая женщина.

— Вера Ивановна, а почему вы здесь, в коридоре? — недоуменно спросила девушка, — неужели, нормальных мест нет?

— Да, что ты, Саша, мне и здесь хорошо, — встрепенулась Касторская, — и медсестрички внимательные, и врачи замечательные… Просто, все места были заняты, когда меня по скорой привезли, вот, здесь и положили. Да, ты не беспокойся, уход тут отличный.

— Вера Ивановна, а как вашего лечащего врача зовут?

— Коренев, Андрей Витальевич.

— Я сейчас, — Александра улыбнулась соседке и направилась к дежурной медсестре.

— Простите, а где я могу увидеть Андрея Витальевича? — спросила она у молоденькой сестрички.

— Он сейчас в ординаторской, — ответила девушка.

— Спасибо.

Быстро найдя нужную дверь, Саша коротко постучала и вошла.

— Андрей Витальевич? — улыбнулась она единственному мужчине из четверых присутствующих врачей.

— Да, я.

— Мне нужно с вами поговорить по поводу вашей пациентки, Касторской

— Проходите, присаживайтесь…

— Я хотела бы перевести ее в платную палату, это возможно?

— Вполне. У нас как раз недавно освободилась одна, — благожелательно глядя на посетительницу, ответил врач.

— Вот, и замечательно. А еще, мне хотелось бы узнать диагноз Веры Ивановны…

Спустя полчаса, смущенную пациентку перевели в отдельную палату, тут же поставили капельницу, а Саша отправилась в аптеку со списком необходимых лекарств.

Не успела она спуститься со второго этажа, как рядом возник Виктор.

— Александра Павловна, помочь?

— Фу, Витя, нельзя же так пугать, — отмахнулась от него Саша, — чуть заикой не оставил.

— Простите, — покаянно склонил голову оборотень.

— Ладно, проехали. А Денис где?

— Да, отошел ненадолго.

— Мне в аптеку надо, — поставила охранника в известность Саша.

— Пойдемте, — кивнул мужчина.

Вернувшись и выложив на тумбочку кучу лекарств, Александра присела на стул возле кровати Касторской.

— Сашенька, зачем же ты тратилась? У тебя ведь самой ничего нет, а еще эта ипотека… — смущенно посмотрела на нее соседка.

— Вера Ивановна, не переживайте, денег хватит.

— Банк ограбила? — невесело улыбнулась женщина.

— Берите выше — замуж вышла, — усмехнулась Саша.

— Замуж? Санюшка, поздравляю, — взволнованно откликнулась Вера Ивановна, — а человек-то хороший?

Пожилая женщина с приязнью относилась к своей молоденькой соседке. Добрый нрав Саши, ее одиночество, трудолюбие и некоторая старомодность импонировали Касторской. Вера Ивановна охотно занимала Александре деньги до зарплаты, если та не успевала получить небольшую прибавку за переводы, с удовольствием общалась с ней, зазывала к себе на чай и охотно слушала ее рассказы о работе, клиентах, начальстве…

Последнее время, правда, они почти не виделись, ну, да, новая работа не оставляла девушке времени на праздные беседы. Саша лишь изредка звонила и интересовалась, как дела. А какие могут быть дела у пожилой женщины? Ну, на рынок сходила, пирогов напекла, уборки-постирушки затеяла…Только с отсутствием Саши, Вера Ивановна поняла, как привязалась к ней. Женщине не хватало теплого взгляда соседки, ее жизнелюбия и стойкости, ненавязчивой заботы… Касторская скучала. И сейчас, после долгой разлуки увидев Сашу, разволновалась и едва сдерживала слезы.

— Хороший, Вера Ивановна, хороший, — улыбнулась Александра, отвечая на вопрос.

— А живете вы где?

— Да, в той же усадьбе, в которой я работала.

— Подожди, так ты уволилась?

— Нет, Вера Ивановна, — засмеялась Саша, — меня уволили.

— А как же…

— Ну, муж не захотел, чтобы я продолжала на него

работать, — лукаво улыбнулась девушка.

— Так это ты за хозяина дома замуж вышла?

— Угу.

— А он хоть не из этих, олигархов современных?

— Нет, — усмехнулась Саша, — не из них. Вера Ивановна, вы поправляйтесь, я еще заеду. Все, что нужно из лекарств, у вас теперь есть. Выздоравливайте.

— Сашенька, я тебе потом все отдам, — взволнованно пообещала Касторская.

— Вера Ивановна, не переживайте, ничего возвращать не надо, с деньгами у меня сейчас проблем нет.

— Богатый? — проницательно посмотрела на нее соседка.

— Состоятельный, — уклончиво ответила девушка. Ей было не очень приятно осознавать, что она живет на деньги Оборского. Ну, ничего, вот подрастут дети…

— А ты изменилась, Саш, — тихо заметила женщина.

— Это плохо? — с улыбкой, спросила Александра.

— Нет, что ты. Просто, непривычно немного. Будто не год тебя не видела, а лет пять. Повзрослела, — задумчиво глядя на нее, выговорила Касторская.

— Ой, Вера Ивановна, скажете, тоже — пять лет! — засмеялась девушка. — Ладно, побегу я, а вы поправляйтесь.

Она попрощалась и быстро вышла из палаты. Слова соседки пробудили не самые приятные воспоминания. Повзрослеешь тут…

Звонок мобильного вырвал ее из раздумий. Глеб.

— Саш, ты где сейчас? — раздался негромкий голос мужа.

— В больнице, — не задумываясь, ответила Александра.

— Что случилось? В какой именно больнице? Я сейчас приеду… Саша, ты почему молчишь?

— Глеб, успокойся, со мной все в порядке. Просто, я соседку навещала, она в пятой городской лежит, на Герцена. Сейчас возьму ребят, и мы поедем домой.

— Помощь не нужна?

— Нет, все нормально, не волнуйся. Как дети?

— Спят. Пробовали возмущаться, но недолго.

— Скоро буду. Ужасно соскучилась по ним.

— Ладно, не задерживайся.

Глеб отключил телефон и невесело усмехнулся. Вот так. Соскучилась. По детям. А по нему она не скучает. Наоборот, отдыхает.

Неприятные мысли кружили в голове, подзуживая и не давая покоя. Да, непросто все у них с Сашей. А как хочется, чтобы как у других настоящих пар — полная гармония и взаимопонимание…

Оборский вспомнил своих родителей. Те прожили в любви и согласии долгие годы. Он видел их трепетное отношение друг к другу. «Наташенька», «ангел мой», «любимая» — обращался к матери отец. А та отвечала ему с нежностью — «Дружочек мой», «Сашенька», «любовь моя», «единственный мой»…

А у них с Александрой ни одного нежного слова не проскользнет. И Саша молчит, и он из себя ничего выдавить не может — не привык, да, и сложно переламывать характер. Бывает, и хочется сказать что-то ласковое, только вот, страшно становится — ну, как, не поверит, или посмеется…

Да, не с того он начал отношения со своей парой, вот, теперь и расхлебывает…

И тут же его мысли переключились на родителей Саши. Что скрывает Станкевич? О чем молчит Александра? Его ребята, бьющиеся над загадкой семьи Станкевичей, так ни к чему и не пришли.

Кроме общедоступных фактов, ничего раскопать пока не удалось. Но это пока. Оборский верил, что, рано или поздно, он узнает, что произошло с его женой в прошлом.

Саша едва успела нажать отбой, как мобильный зазвонил снова.

— Да, Глеб, — не посмотрев на экран, ответила Саша.

— Что ж, дорогая, мне жаль тебя разочаровывать, но это не твой богатенький муж.

Александра поперхнулась.

— Узнала?

— Что вам нужно?

— Хочу встретиться с тобой, сладенькая. В прошлый раз мы не договорили.

— Я не собираюсь с вами встречаться.

— А придется. Или ты хочешь, чтобы Оборский узнал о твоем прошлом?

— Вы не посмеете!

— Завтра в двенадцать, в кафе «Надежда», на Герцена.

— Не дождетесь!

— Если не придешь, твой муж узнает, что женился на шлюхе. Подумай хорошенько, сладенькая.

Саша обессиленно опустила телефон. Прошлое опять настигло ее…

Глеб… Он не простит… А дети?.. О, нет!..

Виктор с тревогой наблюдал за хозяйкой. Он видел, как девушка взволнованно говорила по телефону, как, опустив мобильный, побледнела и отчаянно прикусила губу.

— Александра Павловна, что-то случилось?

— Нет, Витя, все нормально, — через силу, улыбнулась Александра, — а где Денис?

— Сейчас будет.

— Поехали домой.

— Как скажете.

Приехав в особняк, Саша, первым делом, направилась к детям. Малыши не спали. Тема внимательно разглядывал висящий над его кроваткой мобиль, а Катя таращила глазенки на мягкую игрушечную сову, которую ей вручила Татьяна. Девочка пыталась удержать в маленьких ручонках игрушку, но та выскальзывала, и Катюша повторяла попытку вновь. Увидев маму, дети тут же завозились и расхныкались.

— И чего мы сразу развыступались? — ласково укорила их Саша, — не ругайтесь, сейчас возьму вас на ручки. Я тоже ужасно соскучилась.

Стоило только девушке подхватить карапузов, как ее одарили две довольные улыбки. Раньше, у Александры не было опыта в общении с младенцами, но, со своими детьми, она интуитивно чувствовала, что нужно делать и как. А еще, ей казалось, что те тоже очень хорошо чувствуют и ее настроение, и ее любовь.

— Саш, ты вернулась? — в комнату вошел Глеб.

— Да, недавно.

— И как поездка?

— Хорошо. Заехала на квартиру, потом в больницу съездили.

— Ну, ладно. Не засиживайся с детьми, скоро ужинать будем.

Оборский вышел из комнаты, а Саша расстроенно посмотрела ему вслед. Что же делать? Если Глеб узнает…

За ужином она была молчалива и старательно избегала смотреть мужу в глаза. Метельский, оставшийся на ночь в усадьбе, о чем-то спорил с Сигизмундом, Тамара подавала на стол, а Глеб задумчиво наблюдал за притихшей женой. Он чувствовал, что она чем-то расстроена и пытался понять, что могло произойти в городе, что так огорчило его Сашу.

После чая, Александра извинилась и покинула мужчин, а Оборский, незаметно проводив ее взглядом, остался в столовой.

Поздно вечером он вызвал к себе Дениса с Виктором и заставил в мельчайших подробностях описать все передвижения Саши — где была, с кем общалась, кто обидел…

Когда Дэн рассказал о переводе соседки в платную палату, Глеб только хмыкнул — что ж, доброта жены была ему известна. А вот, при известии о телефонном звонке, после которого Александра расстроилась, внутреннее чутье обострилось. Не все так просто. Что-то случилось — мужчина почувствовал это еще несколько часов назад. Страх, боль, стыд, отчаяние — этот

гремучий коктейль он ощутил благодаря усилившейся в последнее время связи.

Поблагодарив парней за проделанную работу, Оборский отпустил их и принялся обдумывать услышанное. Через десять минут он набрал знакомый номер.

— Стэн, для тебя есть работа. Мне нужны все данные на человека, звонившего моей жене приблизительно в два часа дня. Хорошо. Жду.

Откинувшись на спинку кресла, Глеб замер в ожидании.

Звонок мобильного нарушил тишину кабинета.

— Да. Понятно. Факсом? Хорошо. Спасибо, Стэн. До связи.

Зажужжавший, спустя минуту, аппарат, выдал все необходимые данные. Оборский присвистнул от удивления.

Перебудько Виктор Семенович. Замгубернатора одной из южных областей. Известная фигура… Начинал учителем истории, потом пристроился к комсомольскому лидеру района, в девяностых стал его правой рукой в новосозданном агрокомплексе, а там, карьера покровителя пошла в гору, и, на этой волне, вслед за своим начальником, Перебудько оказался у вершин областной власти. Головокружительный взлет. Предан своему боссу, неподкупен — как утверждают источники, консервативен. Женат, воспитывает двоих сыновей.

И что же связывает его с Сашей?..

Глеб задумчиво смотрел на переплетенные пальцы рук. Старая привычка, оставшаяся со времен эмиграции, помогающая собрать мысли воедино.

Время шло, по оконным стеклам зашелестели капли дождя, и Оборский, придя, наконец-то, к определенному решению, поднялся с кресла и вышел из кабинета.

Саша проснулась от ласкового прикосновения. Глеб, нежно касаясь ее лица губами, ласково прошептал:

— Прости, Саш, не хотел тебя будить, но не смог удержаться. Ты спи.

Ага, спи! Какой тут сон, когда все тело мгновенно вскипает от прикосновений мужа. Девушка даже представить себе не могла, что такое возможно. Стоит только Глебу дотронуться до нее, как внутри разгорается дикая жажда, заставляющая приникать к мужчине, искать его объятий и сходить с ума от его ласк.

— Сашенька… — тихий шепот обжигает, как и губы, скользящие все ниже и ниже. Стон, раздающийся в ответ, распаляет мужчину, и он все жарче целует впадинку на шее, ключицы, грудь… Твердая горошина соска оказывается в плену его губ, и девушку пронзает острое наслаждение.

— Да… — бессвязно стонет она. — Гле-е-еб…

Чуть позже, лежа в объятиях мужа, Саша с трудом сдерживает слезы. Только сейчас, когда она рискует лишиться Оборского, Александра поняла, насколько он ей дорог. Ненависть, злость, обиды… То, что она лелеяла долгое время, давно растворилось в прошлом.

Глеб стал близок, она прикипела к нему душой и телом. Отчаяние, поселившееся внутри со времени злополучного звонка, заставляло ее сильнее прижиматься к мужчине, искать защиты в его крепких объятиях. Не удержавшись, она повернулась в руках Глеба и прикоснулась к его губам в несмелом поцелуе. Оборский на мгновение замер. Никогда Александра не целовала мужа первой. Она лишь принимала страсть оборотня, сгорая в огне его ласк, а сейчас… Девушка страстно приникла к губам мужчины и обхватила лицо Глеба ладонями.

— Сашка… — изумленно прошептал Оборский, — Сашенька…

Ночью они не сомкнули глаз. Страсть, захватившая обоих, перешла в нежность и трепетность.

Александра целовала мужа, ласкала каждый сантиметр совершенного тела, отдавала всю себя, а Глеб, поражаясь преображению жены, отвечал ей тем же.

Первые лучи рассвета проникли сквозь неплотно задернутые шторы. Саша приподнялась на локте и внимательно всмотрелась в лицо Оборского. Она любовалась тонкой красотой совершенных черт, ласкала взглядом, запоминала… прощалась…

Глава 22

За завтраком, Александра отпросилась у мужа в больницу к Вере Ивановне. Глеб кивнул, задумчиво глядя на жену, а потом поинтересовался:

— Ты теперь каждый день к ней ездить будешь?

— Ей нужна моя поддержка.

— Саш, кто она тебе? Эта женщина — всего лишь соседка. Не стоит тратить силы и время на чужих людей.

— Прости, Глеб, но твои рассуждения отдают снобизмом. Я знаю Веру Ивановну уже несколько лет, она всегда меня поддерживала и помогала в трудную минуту, а сейчас ей нужна моя помощь.

Оборский несколько минут молчал, вглядываясь в глаза жены, а потом качнул головой.

— Если тебе это так нужно… Езжай.

— Я постараюсь не задерживаться, — улыбнулась ему Саша.

Черный джип покинул усадьбу через полчаса. Александра смотрела на пролетающие мимо деревья и в волнении стискивала руки. То, что ей предстояло сделать, тяжким грузом ложилось на плечи, заставляя чувствовать себя обманщицей.

— Ребят, подождите меня здесь, — холл больницы был пуст, не считая молодой парочки, в обнимку сидящей на кожаном диванчике.

— Александра Павловна, может, подняться с вами?

— Нет, не стоит. Не хочу смущать Веру Ивановну.

— Как скажете.

Саша быстро взбежала на второй этаж и прошла в палату к Касторской. Пожилая женщина обрадованно улыбнулась при виде девушки.

— Сашенька, ты пришла!

— Здравствуйте, Вера Ивановна. Как самочувствие?

— Спасибо, деточка, гораздо лучше.

— Я рада, — Александра погладила сухонькую ручку соседки, — Вера Ивановна, я совсем ненадолго, мне уходить надо. Я только хотела убедиться, что с вами все в порядке.

— Конечно, Сашенька, я все понимаю. Да, и не стоило тебе волноваться, я себя уже намного лучше чувствую.

— Вот и отлично. Я забегу еще на днях, поправляйтесь.

— До свидания, деточка, удачи тебе, — Касторская внимательно посмотрела на девушку и незаметно вздохнула.

Выйдя из палаты, Саша направилась к грузовому лифту. На первом этаже она внимательно огляделась и направилась к

служебному выходу. Охранники остались в холле, не подозревая, что пара их альфы удаляется от больницы все дальше. Заказанное заранее такси везло Александру к кафе «Надежда»

— А, вот и ты, моя сладенькая, — иронично протянул мужчина, — как судьба-то нас сводит, а?

— У меня мало времени. Говорите, зачем позвали.

— Ну, кто же так со старыми друзьями разговаривает? Нехорошо, Саша, нехорошо…

— Если вы не хотите, чтобы мой муж оказался здесь через десять минут, советую поторопиться.

— А ты изменилась, сладкая, — задумчиво посмотрел на девушку высокий, представительный мужчина, — повзрослела, похорошела…

— Что ж, я поняла. Сказать вам нечего. Прощайте, — молодая женщина развернулась, намереваясь уйти.

— Сядь, — раздался резкий окрик.

Вздрогнув, как от выстрела, девушка сникла и села на краешек стула, непроизвольно сжав руки.

— Значит так. Твой муж собирается заключить сделку с американцами. Мне нужны копии договора. Даю тебе две недели. Не сумеешь их достать — Оборский узнает все о твоем прошлом. Позвонишь по этому телефону, — мужчина протянул визитку, — как только сумеешь сделать копии.

— Вы так уверены, что у меня получится? — пересилив себя, иронично поинтересовалась девушка.

— Не нужно себя недооценивать, сладенькая, — ухмыльнулся мужчина, — жду твоего звонка.

Саша рывком поднялась с места и, не прощаясь, покинула кафе.

Сидя в такси, она изо всех сил пыталась не заплакать. «Мразь…Какая же он мразь… Ненавижу!» — билось внутри. Взгляд, брошенный на часы, заставил нервничать еще больше. Только бы оборотни не заподозрили неладное! Расплатившись и выскочив из машины, Александра кинулась к служебному входу.

Спустя пару минут, она спокойно спускалась по лестнице со второго этажа.

— Все, ребята, можно ехать, — бодро обратилась она к охранникам.

Дэн как-то странно посмотрел на нее, незаметно принюхиваясь, но ничего не сказал, лишь согласно кивнул и направился к выходу. Виктор осторожно пристроился рядом с Александрой.

Саша шла между охранниками и благодарила судьбу. «Успела. Уложилась в полчаса». Повезло, что Виктор Семенович

назначил встречу недалеко от больницы. Случайность? Или за ней следили?

Дома девушка прошла в свою спальню и закрылась в ванной. Шум воды заглушил сдавленные рыдания. Спустя десять минут, Александра вышла из комнаты. Собранная, с сухими, лихорадочно блестящими глазами и решимостью, написанной на лице.

Глеб был у себя. Как ни странно, последние два дня Оборский, в отличие от жены, практически не покидал дом. Саша, остановившись на миг перед кабинетом мужа, собралась с силами, постучала и потянула на себя массивную дубовую дверь.

— Я хочу поговорить, — пройдя к креслу и присев в него, произнесла девушка. Оборский внимательно посмотрел на жену. Нервничает, боится, дрожит. Что происходит? Чем дольше он смотрел на Сашу, тем сумрачнее становился его взгляд и плотнее сжимались губы.

— Что же, я тебя слушаю.

— Я прошу дать мне развод, — без предисловий, выпалила Александра.

В комнате повисла тишина. Глеб пристально смотрел на сидящую напротив девушку, пытаясь разобраться в нахлынувших эмоциях. И ее, и своих. Молчание затягивалось. Саша замерла неподвижным изваянием, молясь про себя, чтобы Оборский согласился. Тиканье настенных часов становилось оглушительным.

— Почему? — нарушил тишину мужчина.

— Я не могу быть с тобой. Та ночь… Она всегда будет стоять между нами. Я думала, что сумею забыть, но нет… Мне снятся кошмары, в которых я снова и снова переживаю все, что случилось и дико ненавижу тебя (прости, любимый, за эту ложь), а потом я просыпаюсь, а рядом — ты… Я не могу так больше, Глеб, я сойду с ума.

— Саша…

— Пожалуйста, отпусти… Так будет лучше для нас обоих.

— А дети?

— Ты сможешь видеть их, когда захочешь, я не буду препятствовать.

— То есть, детей ты собираешься забрать?

— Глеб…

— Саша, ты понимаешь, о чем просишь меня? Пойти на развод, отдать детей, расстаться со своей парой… Не слишком ли много?

— А ты вспомни ту ночь… Это плата за нее.

— Вот как… Значит, сегодня ты притворялась, да? Зачем?

Зачем, Саш? Если я тебе так противен?..

— Противен, — согласилась девушка(нет, не верь мне… Хороший мой, любимый, не верь… Господи, больно-то как… Что же я делаю?..) — приходилось притворяться.

— Уйди, Саш, — глухо проронил Глеб, не глядя ей в глаза, — я подумаю и вечером дам тебе ответ. Уходи…

Александра, не оборачиваясь, вышла из кабинета мужа. «Так нужно! Так будет лучше для всех… Хотя, кого я обманываю?» — грустно вздохнула она.

Пройдя к себе, девушка принялась собирать вещи. Саша была уверена — Глеб ее отпустит. Она специально ударила по самому больному — по его мужской гордости. Оборский никогда не будет с женщиной, которой он противен. А еще, он не простит предательства и лжи. Все. Это конец. Только что, она сама, своими руками, разрушила надежду на семейное счастье.

Саша обреченно опустилась на кровать и выпустила из рук стопку футболок. Господи, как больно! Сердце разрывалось при мысли, что она никогда больше не прикоснется к Глебу, не утонет в его объятиях, не сможет обнять и поцеловать мужа. Невольные слезы потекли по ее щекам, но девушка не чувствовала их. Она должна уйти. Нельзя подставлять Глеба под удар, нельзя жить, постоянно ожидая подвоха. Он не заслуживает всей той грязи, которая окружает ее.

Решительно вытерев глаза, девушка принялась складывать вещи в сумку.

Вечером, Глеб зашел к ней в комнату и остановился напротив собранных сумок.

— Я дам тебе развод, — коротко бросил он, а потом, помолчав, словно через силу спросил: — ты уже решила, где будешь жить?

— В своей квартире.

— Она слишком мала.

— Нам с детьми хватит.

— Хорошо. Когда собираешься уехать?

— Сегодня.

— Дэн вас отвезет, — Оборский развернулся и, не прощаясь, вышел из спальни.

Саша обреченно уставилась на захлопнувшуюся дверь. Все получилось так, как она и рассчитала — Глеб не стерпел оскорбления. Но почему же так больно?

Спустя несколько дней их развели. Как уж Оборский обошел все обычные правила, но ее присутствие в суде даже не понадобилось. И на тот факт, что детям нет одного года, тоже никто не обратил внимания.

Очередной раз Александра убедилась, что Глеб может все.

Новая жизнь налаживалась сложно. Саша впала в какую-то странную апатию. Ничего не хотелось, ничто не интересовало. Часть души, накрепко привязанная к мужу, словно, так и осталась вместе с ним. Только дети скрашивали ее непроходящую тоску.

Звонок в дверь вывел девушку из привычной задумчивости.

— Александра Павловна, а я к вам, — с порога заявила ей Татьяна.

— Здравствуй, Таня, — вяло улыбнулась Саша, — ты в гости? Проходи, сейчас чай поставлю, пока малыши спят.

Она посторонилась, пропуская женщину в квартиру, и пошла на кухню.

— Садись, я сейчас.

Быстро набрав воды в электрический чайник, девушка поставила его на подошву и принялась выставлять на стол чашки, сахарницу, порезанный лимон на блюдечке…

— Александра Павловна, я с вами поговорить пришла, — Татьяна села за стол и быстрым взглядом окинула кухню. Чисто, светло, уютно…

— О чем? — отозвалась Саша, нарезая батон тонкими ломтями.

— Глеб Александрович велел мне помочь вам с детьми.

— Тань, я тебе очень благодарна, правда, но, ты сама видишь, жить здесь негде, да и платить мне тебе нечем, — Александра подняла взгляд от разделочной доски и посмотрела на Татьяну.

— Плохо вы Глеба Александровича знаете, — усмехнулась та, — жить я буду в соседней квартире, и оплата мне не нужна — альфа обо всем позаботился.

— Так это ты теперь живешь в сто тридцатой? — девушка с любопытством уставилась на гостью.

— Да. А еще Денис с Виктором.

— Можно было догадаться, — покачала головой Саша, — а я поверила, что он оставит меня в покое.

— Ну, это вы зря. У нас свою пару не бросают, — улыбнулась Татьяна.

— Мы разошлись, Тань, мы больше не вместе.

— Ну, если вам хочется так думать… Ладно, не буду, — осеклась женщина, увидев, как помрачнела Саша.

Чай пили в напряженной обстановке. Александра замкнулась и односложно отвечала на вопросы гостьи.

— Александра Павловна, так, как мы решим — во сколько мне приходить утром?

— Подходи к девяти, Тань, — подумав, ответила Саша, — ну, и после восьми сможешь уходить.

— Хорошо, договорились. А сейчас вам помощь нужна?

— Нет, спасибо, я справляюсь, — через силу улыбнувшись, ответила Саша.

— Да, Александра Павловна, там хозяин велел передать вам кое-что, — Татьяна достала из сумки толстую папку и отдала ее девушке, — сказал, что это ваше.

Уже поздно вечером, проводив Татьяну и укачав детей, Саша взялась за изучение содержимого темно-синей папки.

Документы на дом в пригороде, номер счета в банке, открытый на ее имя, акции «Трансарта», акции нефтяной компании «Темпико», дарственная на квартиру в Москве, документы на машину и ключи от нее в пластиковой упаковке, а еще ключи от квартиры и дома… Оборский сошел с ума!

Саша растерянно смотрела на разложенные на столе бумаги и не могла прийти в себя. Глеб, точно, свихнулся! Это же целое состояние!

Набрав знакомый номер, она услышала любимый голос:

— Слушаю.

— Глеб, я не могу все это принять.

— Не обсуждается. Это принадлежит тебе и нашим детям по праву.

— Но…

— Никаких возражений. Если узнаю, что ты экономишь на еде или одежде… В общем, я предупредил. Мои дети не должны ни в чем нуждаться.

Саша не успела ответить — Оборский нажал отбой.

Девушка огорченно вздохнула. Глеб, несмотря на обиду, поступил благородно. А она… хуже последней мрази… Опустив голову на скрещенные руки, Александра горько, навзрыд, заплакала. Правда, долго жалеть себя не пришлось — раздавшееся, спустя несколько минут, детское хныканье вынудило ее забыть о своих проблемах и бежать в комнату, к капризничающим малышам.

— Тихо, маленькие, тихо, — приговаривала она, подхватывая на руки разошедшихся детей. То ли переезд был виноват, то ли Сашино состояние, но малыши, с того времени, как Александра забрала их из усадьбы, вели себя беспокойно. Они плохо спали, неохотно брали грудь и часто плакали. Саша устало укачивала двойняшек, расхаживая по комнате, а в голове у нее продолжал звучать голос мужа. Этой ночью она снова видела Глеба во сне. Грязного, оборванного, с перевязанной головой, лежащего на какой-то старой телеге… А рядом шел пожилой солдат и отчаянно приговаривал: — «Вы уж держитесь, Ваше благородие, недолго осталось. К вечеру на месте будем…»

Такие сны приходили к ней регулярно. То, она видела Оборского на балах — молодого, веселого, беззаботного, кружащегося в танце с очередной красоткой и напропалую флиртующего с ней. То, перед ней представали картины боев — грохот канонады, взрывы, ржание коней, месиво из земли и оторванных конечностей и среди всего этого — Глеб. Исхудавший, черный лицом, с сурово сведенными бровями… А пару раз, привиделись какие-то незнакомые люди — седой, представительный мужчина и тонкая, моложавая женщина с веселыми янтарными глазами. И снова Глеб — смеющийся, рассказывающий им что-то, бурно жестикулирующий…

Эти сны мучили ее, заставляли страдать, она просыпалась в слезах и с именем мужа на губах. Саша похудела, осунулась, потеряла аппетит…

А еще, ее донимал Перебудько. Он звонил каждый день, настойчиво интересуясь, когда получит копии контракта. На заверения Александры, что Оборский с ней развелся, и она не имеет доступа к его сейфу, мужчина лишь недоверчиво хмыкал и советовал не играть с огнем. Вот и сегодня, он долго рассказывал, чего ждет от Саши, а потом добавил:

— Я ведь выполню свою угрозу, сладенькая, — вещал ненавистный мужской голос, — и твой муж узнает, на ком женился.

— Виктор Семенович, делайте, что хотите, мне все равно, — безразлично ответила девушка и нажала отбой.

Нет, ей, конечно же, было не все равно. Она панически боялась, что Перебудько выполнит свою угрозу, и Глеб обо всем узнает, но пусть лучше так, по крайней мере, она не навредит ему своим присутствием.

Уложив детей и примостившись на краешек дивана, Саша устало прикрыла глаза. Она боялась новых сновидений и, одновременно, жаждала их, цепляясь за единственную возможность увидеть мужа. Веки тяжелели, свет ночника становился все тусклее, звуки ночного города медленно удалялись, и на комнату опустилась сонная тишина. Постепенно, дыхание девушки выровнялось, и она медленно погрузилась в забытье.

… Шум и крики толпы доносились сквозь полыхающий гул пожара. Зарево от горящего дома было видно на всю округу. Саша в недоумении огляделась по сторонам. Люди разъяренно кричали что-то, трясли кулаками, кто-то смеялся, кто-то плакал… Горело небольшое здание, расположенное слева от усадьбы.

— Данила, справа заходи, — кричал какой-то мужик в расстегнутом кафтане, — не дай Бог, супостаты прорвутся!

— Да, где им, мертвы ужо все! — отвечал неведомый Данила, — мы их хорошо приложили, не очухаются!

— А ежели и очухаются, так нипочем выбраться не смогут, дверь там крепкая, — поддакнул ему бородатый мужичок в рубахе навыпуск.

— Что же вы делаете, нехристи?! Креста на вас нет! — кричала дородная женщина, которую Саша смутно помнила по прошлым снам. Точно — кухарка.

— Иди-иди, старая ведьма! Все вы тут заодно! — грубо оттолкнул ее Данила. — Или тоже хочешь к господам? А то смотри, на тот свет вместе со своими сплуататорами отправишься!

— Тетка Марья, пойдем, — плача, уговаривала кухарку тоненькая девчушка, цепляясь за подол ее платья, — пойдем отсюда, все равно ничем хозяевам не поможешь!

— Иди, Нютка, — пыталась отцепить ее от себя женщина, — иди к мамке. Не могу я уйти. Александр Николаевич с Натальей Анатольевной там, как же я их брошу? Ой, лишенько… Да, что ж это деется-то, а? Люди добрые, что же вы творите? — раскачиваясь, запричитала кухарка. Она смотрела на горящее здание, и грязные дорожки слез текли по ее чумазому от копоти лицу…

Глава 23

На следующий день, ровно в девять, в квартиру позвонила Татьяна.

— Доброе утро, Александра Павловна, — бодро поздоровалась она, — ну, как там наши ребятишки?

— Проходи в комнату, Тань. Они уже не спят.

— А кто это тут у нас такой хорошенький? — ласково приговаривала женщина, подходя к кроваткам. — Ой, как вы выросли уже! А какие кудри отрастили!

Кудри, и правда, были знатные. Саша удивлялась той скорости, с которой росли ее дети. Они родились с небольшими завитками на макушках, а сейчас, ярко-рыжая шевелюра Темы и черные кудряшки Кати умиляли всех, кто видел двойняшек впервые.

Вера Ивановна, выписавшись из больницы и заглянув к Саше в гости, долго не могла поверить, что малышам всего по два с половиной месяца.

— Не может быть, Сашенька, — удивленно восклицала пожилая соседка, — они такие крупненькие. А взгляд какой взрослый…

С тех пор, Касторская частенько заходила в гости, помогая Александре присматривать за детьми. Саша поначалу сопротивлялась, боясь нагружать больную соседку, но та мигом отмела все возражения девушки:

— Не волнуйся, деточка, я с ними душой отдыхаю. Да, и спокойные у тебя малыши. Мой Кирюшка, когда маленький был, орал так, что уши закладывало, а твои смирные, без дела не выступают.

Кирюшка, к слову, давно уже сам стал папой, но навещал мать редко, да, и внуки от силы раз в год показывались у бабушки. А Вере Ивановне так хотелось понянчиться с малышами, потетешкать их, побаловать. В общем, Сашины детишки нашли себе хорошую бабушку и няню.

Александра, видя, как расцветает соседка рядом с Катей и Артемом, перестала волноваться и оставляла детей с Верой Ивановной, если нужно было выйти в магазин, или еще куда-то.

Сейчас, с появлением Татьяны, свободного времени станет в разы больше, и можно будет взяться за переводы, как и раньше. Пусть небольшие деньги, но лишними они не будут. А там, дети подрастут, и она подыщет себе какую-нибудь подходящую работу. Тратить на себя средства, выделенные Глебом, Саша не собиралась. Эти деньги пойдут только на детей, уж они-то ни в

чем не должны нуждаться.

— Александра Павловна, Денис просил вам передать, что вы можете на него рассчитывать, — Таня, подхватывая на руки Артема, повернулась к Саше, — ну, если нужно что-то донести, или в магазин сходить, или проводить куда-нибудь.

— Передай ему спасибо, Тань, — кивнула Александра, — и скажи, пусть в гости с Виктором заходят, чего им дома сидеть?

— Передам. Они обрадуются, — улыбнулась Таня, — соскучились все по вас. И по малышам. А Глеб Александрович…

— Не надо, — перебила ее Саша, — не говори об Оборском. Я ничего не хочу знать.

— Ладно, — примирительно посмотрела на нее женщина, — не буду.

Она не стала говорить хозяйке, что ее ни на минуту не выпускали из виду все это время. Еще бы! Да, Глеб головы снимет своим людям, если с его парой что-либо случится! Разумеется, Саша не замечала присутствия оборотней в своей жизни, а те не стремились афишировать ненавязчивое присутствие. А сейчас, вот, пришло время выйти из тени — девушка успела остыть после расставания с мужем и уже не так яростно сопротивлялась старому окружению.

Так и потянулись суматошные дни новой жизни. С утра, до прихода Татьяны, Саша успевала покормить детей и быстро убраться в квартире, а потом, когда появлялась няня, девушка бежала по магазинам. В этих торопливых походах ее сопровождал Денис. На все возражения Саши он неизменно отвечал — «я обещал Глебу Александровичу», и на этом все Сашины доводы заканчивались. Охранник довозил девушку в любое указанное место, аккуратно парковался и терпеливо ждал ее возвращения. Александра постепенно привыкла к его безмолвному присутствию и перестала обращать внимания на огромную фигуру оборотня. Несколько раз к детям приезжал Оборский. Саша, в такие дни, заранее уходила по магазинам, подстраивая свое расписание под визиты бывшего мужа, чтобы не мешать Глебу и не причинять себе лишнюю боль. Предательское сердце тосковало и тянуло домой, уговаривая глупую хозяйку хоть одним глазком посмотреть на Оборского, но Александра не сдавалась — хватит и того, что муж постоянно снится ночами, не хватало еще увидеть его и вживую.

Сегодня в планах у Саши было посещение торгового центра — дети росли с каждым днем, пора было присмотреть им обновки.

Торопливо поцеловав малышей, девушка выскочила из квартиры под заливистый плач двойняшек. Те никак не желали

отпускать маму и устраивали истерику всякий раз, стоило ей отлучиться хоть ненадолго.

— В «Мега-молл» — быстро произнесла Саша, садясь в машину. Денис послушно тронулся с места. После того, как Александра обнаружила документы на машину, она отдала ключи Дэну и попросила перегнать автомобиль со стоянки сервис-центра, где он стоял все это время.

Новенькая, ярко-красная Ауди пришлась ей по душе, но сама Саша за руль так и не села — она не считала эту машину своей и не хотела привыкать к ней.

Оббежав за час несколько детских магазинов, Александра устало направилась к эскалатору. Уже почти дойдя до него, краем глаза заметила знакомую фигуру. Глеб. Ее бывший муж стоял у фонтана, рядом с японским рестораном, и задумчиво смотрел вниз, на суетящихся, на первом этаже молла, людей. Что он здесь делает? Что забыл в этом столь мало подходящем ему месте? Ответ не заставил себя долго ждать.

— Привет, дорогой! — раздался мелодичный голос, который Саша узнала бы из тысячи. Алина. Красавица-блондинка подошла к Оборскому и поцеловала его в щеку, закинув на шею мужчины ухоженные руки. Внутри у Саши вскипела лава. Едва удержавшись от того, чтобы не броситься на соперницу, девушка, огромным усилием воли, сдержалась и отвернулась от вызывающего боль видения. «Уйти! Скорее! — она ринулась вниз по эскалатору, задевая прохожих и цепляясь за них пакетами. — Что ж, вот и расставила жизнь все по своим местам. Недолго Глеб страдал… И утешение далеко искать не пришлось…» Злые слезы обожгли горящие щеки. «Ну, и пусть. Не нужен он мне. У меня есть дети, а большего и не надо»

Вылетев на парковку, Саша побежала к машине. Ветер неприятно холодил мокрые щеки, развевал выбившиеся из прически волосы, задирал подол тонкого платья.

— Домой, — выдохнула Александра, кинув сумки на заднее сиденье и усаживаясь вперед. Дэн не успел даже рта открыть, как она добавила:

— Денис, пожалуйста, давай быстрее.

— Александра Павловна, что-то случилось? — напряженно спросил мужчина.

— Нет, все в порядке. Поехали, мне к детям нужно.

— Не беспокойтесь, через полчаса будем на месте, — спокойно ответил Дэн и выехал со стоянки.

Квартира встретила их тишиной. Дети спали, Татьяна читала какую-то книгу, на плите тихонько булькал компот из сухофруктов, а довольный Тошка спал рядом с кроватками

малышей. Волк с трудом помещался в небольшой квартирке, и Саша с ужасом думала о том, что будет дальше. Не иначе, как придется засунуть куда-нибудь свою гордость и воспользоваться щедрым подарком Глеба — дом в пригороде был просторным и вполне мог вместить все ее разросшееся семейство. Туда даже Анфису можно будет забрать. Саша с болью рассталась с красавицей-кошкой, понимая, что в небольшой квартире просто нет места для всего многочисленного зверинца, и часто вспоминала рыжую бестию. Правда, Александра утешала себя тем, что кошки больше привыкают к дому, нежели к хозяевам, да, и котятам в усадьбе будет лучше, а значит, рыжуха не почувствует особого дискомфорта от ее отсутствия.

Звонок мобильного раздался, когда девушка снимала куртку.

Взглянув на экран, Саша забыла, как дышать. Глеб. Что ему нужно на сей раз?

— Да, — коротко выдохнула она.

— Саша, мне нужно с тобой поговорить, — без предисловий начал бывший муж.

— Хорошо, — как можно спокойнее, ответила девушка, — где и когда?

— Заеду к тебе через полчаса.

Внутри у Саши все оборвалось. Она не была готова к тому, чтобы увидеть Оборского. Нет. Только не сейчас.

— Прости, Глеб, сегодня я не смогу с тобой увидеться, у меня есть дела. Если хочешь, поговорим завтра. Подъезжай после обеда, я буду тебя ждать.

Долгое молчание повисло между ними свинцовыми гирями. «Ну, давай же, пожалуйста, соглашайся» — молилась про себя Саша. Ей нужно было успокоиться, прийти в себя перед встречей с мужем. Ей нужно было время.

— Хорошо, — ответил, наконец, Глеб, — я приеду завтра.

Девушка опустила онемевший мобильный и устало присела на банкетку. Руки налились тяжестью, в голове шумело, к горлу подкатывала едкая тошнота. Отдышавшись, девушка поднялась на ноги и поплелась на кухню.

Картина, увиденная сегодня в торговом центре, стояла у нее перед глазами, убивая своей гармоничностью и естественностью. Пара оборотней смотрелась великолепно. Алина подходила Оборскому по всем статьям — яркая, видная, статная. Настоящая альфа-самка. Именно такая, какой и должна быть жена главы волков. Устало опустившись в кресло, девушка прикрыла глаза. Видеть никого не хотелось. Внутри плескалась обжигающая кислота, выедая сердце лютой тоской. Хриплый вой готов был сорваться с ее губ, но она сдерживалась, глотая горькие

безмолвные слезы. Саша отчетливо понимала, что рано или поздно, Глеб все равно ушел бы от нее к той, что могла быть равной ему во всем. К Алине.

Оборский разгневанно расхаживал по кабинету. Нет, это бред какой-то! Распечатки звонков с мобильного Александры лежали перед ним на столе, и Глеб, время от времени, возвращался к ним, пытаясь понять скрытый за словами смысл.

О чем она говорит? Что несет этот сукин сын? Какие копии? Какие условия? При чем тут договор с американцами? В голове постепенно складывалась картина шантажа, и Глебу становилось страшно. Что стоит за уходом Саши? Почему она ничего не сказала ему об угрозах Перебудько?

Мужчина попытался успокоиться и подумать трезво. Он с усилием сдерживал мечущегося внутри волка, не выдерживая его напора.

Последние четыре недели выдались тяжелыми. Зверь почти не подчинялся ему, воя и царапая когтями внутренности. Постоянная борьба со зверем измучила Оборского, но она же и отвлекла от невыносимых мыслей. Последние слова Саши так и повисли в воздухе, обжигая своей неприкрытой ненавистью. Терпела, притворялась, лгала…

Чего стоило Глебу выслушать ее просьбу и осознать смысл сказанного?! Развод. Само это слово ранило острее самого острого ножа. А он пошел на это. Сделал все, чтобы его женщина была счастлива. Так что, счастлива ли она теперь?

Многочисленные фотографии Александры, рассыпанные по столу, утверждали обратное. Усталое, бледное лицо, горькая складочка между бровями, заледеневшие синие глаза и неестественное, катастрофическое спокойствие. Вот результат ее свободы. Ни на одной фотографии, даже там, где она гуляет с детьми, нет и тени былой Саши.

Смешав лежащие перед ним снимки, Оборский устало опустился в кресло. Потянувшись, он еще раз прокрутил в голове то, что узнал.

Перебудько активизировался ровно за день до того, как Саша заговорила о разводе. А накануне он был в том же «Атолл-холле», что и Глеб с женой. Могли они пересечься? И если да, то почему Саша промолчала? И не потому ли ей стало плохо? А ее поспешные сборы? Она сбегала из дома, не глядя ему в глаза.

Вопросы, вопросы…

Картина вырисовывалась неприглядная. Перебудько шантажировал Сашу тем, что он, ее муж, узнает нечто такое, что опорочит ее в его глазах. И требовал достать копии документов. А Саша попросила у него развод и ушла из дома. Почему? Потому

ли, что, действительно не смогла больше терпеть, или, все же, решила сохранить свою тайну, даже такой ценой, как расставание с мужем?

Переплетя пальцы рук, Глеб сосредоточенно уставился в потухший камин. Что виделось ему в остывшем очаге, какие образы проносились перед уставшими глазами?.. Сгустившаяся тишина осторожно опустилась на согнутые плечи, укрывая мужчину от скопившихся проблем, и ласково тронула седую прядь у виска. Тени, эти безмолвные свидетели ушедшего прошлого, неслышно столпились в углах комнаты, взволнованно переглядываясь между собой.

* * *

Старый Дом тоскливо вздохнул. Хлопнуло открытое окно на втором этаже, заскрипели половицы, легкое дуновение коснулось неподвижных гардин и закружило их в неспешном танце… Лунный свет отбрасывал неясные блики на старинную мебель, заставляя ее оживать и таинственно мерцать в его серебристых лучах.

Особняк скучал. Долгие годы он дремал, неохотно, сквозь сомкнутые веки, наблюдая за пролетающими годами, приходящими и уходящими людьми, мелкой суетой и утекающими мгновениями чужой и неинтересной жизни…

Морщился, когда в его стены вгрызались злые инструменты, терпел, когда чужие люди сносили стены, закладывали окна, выкидывали такую родную и привычную мебель…

Кряхтел, когда приходили долгие зимы и грелся на солнышке под теплыми лучами короткого и нежаркого лета… Дом терпеливо ждал. Проходили годы и десятилетия, уходили в прошлое исторические вехи и события, забывались лица бывших хозяев, а он все ждал…

Но вот, настал тот миг, когда Дом устал верить и отчаялся. Надежда становилась все дальше, все призрачнее, все эфемернее… Он засыпал, теряя связь с реальностью и впадая в странное забытье.

Жизнь Старого Особняка угасала, рассыпаясь крохотными частичками небытия, и ожидание конца стало единственным смыслом его существования.

Но однажды, он почувствовал, как что-то изменилось. Нежный девичий голос разливался по пустынным коридорам и комнатам, ласковые добрые руки касались его стен, вкусные ароматы выпечки поселились в заброшенной кухне…

Неторопливо встряхнувшись, Старый Дом приоткрыл засыпанные песком времени глаза и огляделся по сторонам. А потом, не поверив увиденному, торопливо выпустил свою сущность наружу. Так и есть! Девушка. Молодая, красивая, чистая. «Хозяйка» — загудело внутри, задевая лестницы и перекрытия чердака, проносясь по старым венам труб и окнам, гремя черепицей и поскальзываясь на новенькой кровле…

«Не может быть!» — восторженно выдохнул Особняк, рассматривая свою новую Хозяйку. Добрая, ласковая, заботливая. Довольное урчание пронеслось по приведенным в порядок комнатам. Да… Это было именно то, чего так долго ждал Старый Дом, то, о чем мечтал холодными одинокими ночами. Она здесь! Она нашла его! Теперь в его стенах вновь забьется жизнь, зазвучит музыка души, затеплится огонь горячего сердца… А там, и Хозяин вернется, уставши скитаться по чужбине, а потом, глядишь, и детишки пойдут! Особняк представил топот маленьких ножек, который нарушит его тишину и радостно улыбнулся — жизнь продолжается!

Он всячески помогал молоденькой Хозяйке, следя за тем, чтобы ей доставалось меньше работы. Нежные маленькие ручки девушки порхали, убирая, приводя в порядок, расставляя все по своим места, а добрая сущность Дома осторожно подправляла, придавала сил, заботилась и сохраняла все в идеальном состоянии. Негоже Хозяйке надрываться! Ей еще столько предстоит впереди…

Ликование Дома оказалось недолгим. Хозяин не сумел удержать свое счастье — Хозяйка, забрав маленьких непосед, ушла и больше не вернулась, и внутри снова поселилась тоска. Дом скучал и тоскливо вздыхал по ночам, наблюдая за сгорбившимся в кресле мужчиной. Тот не спал, уже которую ночь, неподвижно сидя перед потухшим камином в нетопленном особняке и глядя в пустой очаг отчаявшимся взглядом.

* * *

С утра Саша лихорадочно убирала квартиру. Предстоящий визит Глеба вызывал нервозность и страх. Александра не знала, сумеет ли удержать свою обиду и боль, сможет ли спокойно разговаривать с мужчиной, зная, что тот уже нашел ей замену.

Да самого обеда она не находила себе места. Татьяна понимающе отводила взгляд, Денис, заметив, что Александра не отвечает на вопросы, отстал от нее и ушел в соседнюю квартиру, Тошка ходил за хозяйкой по пятам, но она не обращала на него

внимания. Наконец, не выдержав собственной нервозности, Саша обреченно уселась в кресло и уставилась в окно.

Глеб приехал ближе к двум. Уставшая и измученная ожиданием Александра встретила его в прихожей.

— Здравствуй, — коротко поздоровался с ней Оборский.

— Здравствуй, — неловко ответила Саша.

Они стояли в узком пространстве прихожей и не знали, что делать дальше.

— Проходи, — опомнилась Александра.

Мужчина, не разуваясь, направился в комнату.

Расположившись на диване, он потрепал по голове подбежавшего Тошку и попросил Татьяну выйти. Та понятливо кивнула и, прихватив детей, покинула квартиру, оставив бывших супругов наедине.

— Садись, Саш, — напряженно глядя на жену, проговорил Глеб, — разговор нам предстоит долгий.

Александра примостилась в кресле и уставилась на свои стиснутые руки.

Тишину комнаты нарушало лишь еле слышное тиканье часов.

— Саша, я должен знать, — Глеб запнулся, помолчал немного, а потом, решившись, продолжил: — какие отношения связывают тебя и Виктора Семеновича Перебудько?

— А ты еще не в курсе? — иронично поинтересовалась Александра.

— Я серьезно.

— Никаких, — отрезала девушка.

— А откуда он тебя знает? — не отступал Глеб.

— Так у него и спроси, — сердито посмотрела на него Саша.

— Не сомневайся, спрошу. Но, сначала, я хочу услышать твою версию.

— Он старый знакомый моего отца, — бесстрастно ответила девушка.

— И какие у вас с ним общие дела?

— У нас нет общих дел. И быть не может.

— Уверена?

— Да.

Глеб пристально смотрел на свою пару и видел темные круги под глазами, прозрачную кожу, крепко стиснутые руки и усталое выражение глаз. А внутри разливалась щедрая смесь страха, боли и тоски. То, что чувствовала сейчас Саша. Их связь, несмотря на разлуку, стала только крепче, и Глеб сполна ощутил все эмоции своей жены. Diable! Что же они творят?!

Не удержавшись, мужчина мгновенно перекрыл разделяющее их расстояние и сгреб Александру в охапку.

— Санечка, родная, что же ты делаешь со мной? Я ведь с ума схожу, не могу без тебя… — как безумный, шептал он, обнимая свою пару, захватывая в плен ее губы, запуская руку в рыжие волосы и срывая с них заколку, — Сашка…

Александра со стоном отвечала на поцелуй, не менее жадно, чем Глеб, впиваясь в любимые губы и растворяясь в крепких объятиях.

— Не отпущу, никогда больше не отпущу… Никому не отдам…

Саша застонала в ответ на это властное заявление, а потом, ее словно током пронзило, и вчерашняя картинка появилась перед глазами. Разом протрезвев, девушка принялась выбираться из рук мужчины.

— Пусти, Глеб, — прошептала она.

— Нет, Саш, не отпущу.

— Я не могу, — обреченно уткнулась в его плечо Александра.

— Саш, только не надо лгать, что тебе противно.

— Не буду. Но и с тобой я быть не могу.

— Так. Что ты там себе напридумывала, а? — Оборский, тяжело дыша, отстранился и легонько встряхнул девушку за плечи, — ты можешь объяснить, что с тобой происходит?

— Глеб, поверь, так будет лучше, — попыталась настоять на своем Саша.

— Знаешь, я больше не хочу повторять свою ошибку. Я не буду верить твоим словам.

Мужчина немного помолчал, а потом добавил:

— Я буду верить вот этому — он взял руку Алекасндры и поднес к своим губам, — и этому — его губы переместились к ее, — а еще вот этому — его ладонь легла на левую половину груди девушки, туда, где гулко билось растревоженное сердце.

Саша, завороженная выражением глаз мужа, не отрываясь, смотрела на него.

— Собирайся, мы возвращаемся домой, — притянув ее к себе, властно скомандовал он.

— Но, Глеб, — попробовала возмутиться Александра.

— Все, Саша, хватит. Чем бы ни шантажировал тебя Перебудько, меня это не интересует. Свое я привык защищать и, если этот подонок посмел тебе угрожать, то он еще пожалеет. Я расплачусь с ним за каждый прожитый в разлуке с тобой день. Сполна.

— Глеб, это не все… — потупилась девушка.

— Что еще?

— Алина… Я видела вас вчера. Я не могу… — тут голос у Саши прервался, и она не сумела договорить.

— Что ты видела? — в голосе Оборского появились стальные нотки.

— Ты и она… В кафе…

— Мне нужно было поговорить с ней, и Алина назначила встречу в «Минами». Я должен был выяснить подробности ее нападения на тебя и предупредить на будущее, чтобы она даже думать забыла о том, что между нами что-то возможно. А еще, велел держаться от тебя подальше. Только и всего. А ты чего себе напридумывала? Неужели, ревновала? — Глеб удивленно улыбнулся. — Санька…

Александра уткнулась мужу в грудь и смущенно спрятала покрасневшие щеки.

— Любимая моя, — тихо шепнул мужчина, — Сашенька…

— Глеб, но я же все равно тебе когда-нибудь надоем. Тебе нужна другая жена, такая же, как ты… Ну, из ваших…

— Тшш, — Оборский приложил к ее губам палец, не давая договорить, — не нужно… Забудь обо всем, что ты придумала. Волк любит только один раз. Ты — моя единственная, ты — моя пара. Без тебя, я — ничто. Меня просто нет. Если умрешь ты — умру и я. Это закон. Всесильный закон Луны. Величайшее счастье для волка и его величайшая награда — найти свою пару. Как ты можешь даже думать о том, что я готов отказаться от мечты и променять ее на подделку? Забудь о своих сомнениях. Забудь о своих страхах. Просто, доверься сердцу. Оно бьется в унисон с моим. Ты ведь чувствуешь меня, слышишь меня, ощущаешь мою любовь. Так, почему не веришь себе?

— Я боюсь ошибиться.

— А ты отбрось эти человеческие страхи. Позволь своей душе почувствовать моего волка, и тогда, не будет больше необходимости что-то объяснять словами.

Саша подняла глаза на мужа и увидела расплавленный янтарь, льющийся прямо на нее.

— Глеб…

— Не двигайся, — раздался предупреждающий шепот.

Чем дольше Александра вглядывалась в ярко-желтую бездну, тем сильнее погружалась в водоворот эмоций и ощущений. Нежность, любовь, обожание, преклонение… Саша увидела себя, но как бы со стороны. Вот, она стоит у стола, раскладывая приборы — в синем форменном платье, с туго заплетенной косой, с грустным выражением лица, а вот — в легком сарафане, с округлившимся животом, с мечтательной улыбкой на лице, а следом, спешит другая картинка, где она склонилась над двойняшками и приговаривает что-то ласковое, меняя пеленки… Да, то была она, и, все же, не совсем она. Александра видела себя

через призму другого, любящего взгляда, который добавлял ей красоты, нежности, очарования… Видения пролетали мимо, и девушка почувствовала, как ее охватывает эйфория, страсть, опьянение… И эти чувства тоже были не ее. А потом, она увидела его. Волка. Огромный черный зверь покорно смотрел на нее пронзительными желтыми глазами и безмолвно ждал ответа. И Саша поняла, о чем он ее спрашивает. Она смотрела в такие знакомые глаза и понимала, что уже никогда не сможет отказаться от них. Девушка улыбнулась и, решившись, от всей души, ответила: — «Да». Водоворот непередаваемых эмоций закружил ее в диком вихре, заставляя забыть обо всем — о времени, пространстве, о своих страхах и опасениях… Спустя вечность, она поняла, что так и стоит, обняв мужа обеими руками и глядя ему в глаза.

— Я люблю тебя, — прошептали любимые губы.

— Я люблю тебя, — откликнулась она в ответ.

Робкий кашель нарушил незабываемый момент.

— Глеб Александрович, — неловко крутил в руках телефон Денис, — Алексей Николаевич звонит, говорит, что очень срочно.

Оборский разочарованно рыкнул, и, не выпуская из объятий жену, взял мобильный.

— Слушаю.

— Глеб, тут возникли небольшие сложности. Ты нам нужен.

— Где вы сейчас?

— В офисе.

— Буду через полчаса.

Отдав телефон охраннику, Оборский коротко поцеловал жену и тихо приказал:

— Укладывай вещи, мы едем домой.

Саша кивнула и кинулась собирать сумки. Она складывала в них только самое необходимое, понимая, что Глеб торопится.

— Дэн, скажи Татьяне, пусть оденет малышей, мы уезжаем.

— Слушаюсь, Глеб Александрович, — радостно оскалился охранник и мгновенно испарился из квартиры.

Спустя десять минут, все расселись по машинам и разъехались в разные стороны: черный Хаммер повез хозяина в офис, а ярко-красная Ауди свернула на кольцевую и двинулась в сторону усадьбы.

Саша, глядя на знакомые указатели, почувствовала, как радостно забилось сердце. Она возвращается домой.

Глава 24

— Сашенька…

— Глеб…

— Любимая моя… Господи, как же я соскучился по тебе…

— Я люблю тебя…

— Скажи это еще раз…

— Я люблю тебя… Люблю… Мой несносный, ненасытный оборотень…

Жаркий шепот раздавался в тишине спальни. Время давно перевалило за полночь, а супруги никак не могли насытиться друг другом.

Их близость приобрела совсем другой оттенок. Страсть, нежность, чувственность и…доверие. Пали последние оковы сдержанности, ушли недомолвки и сомнения, исчезли обиды и непонимания. Мужчина и его женщина. Они были вместе, они были неразделимы, они были единым целым.

Эта ночь стала для супругов откровением, позволив им почувствовать, всю глубину чувств друг друга.

— Глеб, прости меня за те слова… Я не хотела…

— Тшш… Тихо… Не нужно об этом…

— Но я должна объяснить…

— Саш, ты ничего мне не должна. Все. Забудь обо всем, что было.

Глеб проложил дорожку поцелуев от маленького ушка жены к чувствительному местечку в основании шеи.

— Гле-е-еб, — раздался протяжный стон.

— Вот, такие разговоры мне нравятся гораздо больше… — довольно прошептал Оборский и удвоил усилия. Хриплые стоны, срывающиеся с губ жены, участились, и он, победно рыкнув, стал спускаться ниже, заставляя Сашу призывно изгибаться в его объятиях.

Уже гораздо позже, насытившись друг другом, они обессиленно лежали рядом и просто наслаждались спокойным отдыхом. Рука мужчины запуталась в рыжих локонах жены, а Александра положила ладонь на грудь мужа, чувствуя, как размеренно бьется его сердце.

Идиллию нарушило тихое кряхтение. Тема. Он всегда объявлял побудку первым. Спустя пару минут, завозилась и Катерина, торопясь вслед за братом потребовать свою порцию внимания. Саша хмыкнула и попыталась встать с постели, но Глеб опередил ее. Одним гибким движением соскользнув с кровати, он подхватил малышей на руки и уложил их рядом с женой.

Двойняшки мгновенно замолчали, стоило им только почувствовать, что мама рядом. Беззубые улыбки расцвели на довольных мордахах, заставляя Сашу улыбнуться в ответ. Маленькие хитрецы. Они всеми силами стремились туда, где им было хорошо — в объятия любимых рук. Дети синхронно потянулись и попытались сдвинуться с места. Крошечные кулачки мельтешили в поисках опоры, прозрачные янтарные глазки сонно моргали, два настойчивых ротика тянулись к желанному теплу, пока не уткнулись в мягкую мамину грудь. Александра покормила малышей, а потом, подвинув к себе Катю, кивнула мужу на сына. Глеб улыбнулся и аккуратно устроился на другой половине кровати, прижав к себе Тему. Спустя полчаса только довольное сопение детворы нарушало тишину комнаты. Покой и умиротворение опустились на спальню мягким покрывалом, укрывая спящих от всех забот и тревог.

Всю следующую неделю Глеб был занят. Он уезжал из дома ранним утром и возвращался поздно ночью. На вопросы Александры, что происходит, ловко отшучивался и советовал не забивать голову чепухой, а потом, быстро пресекал все вопросы старым проверенным способом — поцелуем, влекущим за собой более серьезное продолжение. В эти ночи, он любил жену исступленно и неистово, как будто открывая ее заново. И Саша, отбросив сомнения и скромность, полностью растворялась в муже, отдавая ему всю себя, без остатка.

Одной из таких жарких ночей, Оборский серьезно посмотрел на Александру и предупредил:

— Саш, мне нужно будет отлучиться на пару дней.

— Далеко?

— Не волнуйся, из страны не уеду.

— Что-то серьезное?

— Нет, просто нужно уладить кое-какие дела. С тобой останется Алекс. Ну, и все ребята, разумеется.

— А как же ты?

— У меня есть охрана, не переживай.

— Глеб, — Саша уткнулась носом в плечо мужа и втянула родной и неповторимо-прекрасный запах.

— О, все-таки подействовало, — удовлетворенно прошептал мужчина.

— Ты о чем?

— Ну, как же? Мы ведь пара, а ты совершенно не реагировала на мой запах.

— Ты знаешь, у меня ощущение, что я, вообще, на все запахи реагировать сильнее стала. И вижу как-то по-другому — четче, объемнее…

— Аллилуйя! — Глеб комично воздел руки. — Наконец-то! Я боялся, что из-за всего произошедшего ты не сможешь принять нашу связь.

— Так что, я теперь тоже стану оборотнем? И смогу… — девушка не договорила, удивленно глядя на мужа.

— Нет, Саш, — улыбнулся Глеб, — оборотнем нужно родиться. Вот, наши дети — да, они смогут оборачиваться. Но твой организм теперь отличается от обычного, человеческого — долголетие, скорость, улучшенные реакции, тонкое обоняние, чуткий слух, острое зрение…

— А долголетие, это сколько?

— Ну, в среднем, оборотни живут до трехсот, некоторые дольше, а ты, как моя пара, не будешь стареть до тех пор, пока жив я, а потом, просто проживешь оставшиеся годы человеческой жизни.

— То есть, я буду двадцатипятилетней очень долго?

— Угу.

— М-да… Ну, здравствуй, вечная молодость…

— Ты не рада?

— Я растеряна. Никогда не думала, что такое возможно…

— Привыкай, — Глеб легонько чмокнул жену в нос и легко рассмеялся. Саша удивленно посмотрела на мужа — совсем другой человек. Он будто скинул несколько лет и стал свободнее, веселее, раскованнее… И счастливее.

Наутро Оборский уехал.

Два дня после отъезда мужа Саша провела в какой-то непонятной тревоге. Она ощущала странные отголоски злости, нетерпения и ненависти. Что творилось с мужем, девушка не знала, но то, что она чувствовала, повергало ее в панику. Александра пыталась узнать у Алекса, где сейчас Оборский, но тот упорно не отвечал на ее вопросы, отшучиваясь и рекомендуя не забивать голову ерундой.

— Работа у него, Саш, работа, — беспечно отмахивался он от девушки.

Глеб звонил каждый вечер, был ласков и нежен, говорил, что скучает, но Александра чувствовала исходящее от него напряжение.

Наконец, к вечеру четвертого дня, Оборский вернулся. Усталый, осунувшийся, и заросший щетиной.

— Глеб, — девушка повисла на шее у мужа, целуя того в колючие щеки.

— Тихо, тихо, — попытался успокоить жену оборотень, — все нормально, Саш, чего ты?

Он вытирал слезы Александры, а она никак не могла прийти

в себя — все напряжение, которое скопилось за время разлуки с мужем, прорвалось сейчас обильными слезами.

Мужчина обнял жену покрепче и зарылся лицом в ее душистые волосы, как вдруг, пошатнулся и стал падать.

— Глеб, — испуганно выдохнула Саша, пытаясь удержать мужа.

— Алекс, Дэн, сюда! — закричала она, понимая, что не справляется.

Подбежавшие охранники подхватили безвольное тело своего альфы, а Метельский быстро набрал номер Нелидова.

— Бор, мы сейчас подъедем, Глеб опять потерял сознание.

И, уже обращаясь к мужчинам: — Укладывайте его в мою машину.

Через пару минут, внедорожники Метельского и охраны сорвались с места и понеслись по лесной дороге. В клинике их уже ждали. Саша с тревогой проводила глазами каталку с мужем, которую увезли в одну из процедурных, и прислонилась к стене. Время шло, а вестей все не было.

Девушка обеспокоенно расхаживала по коридору, останавливаясь ненадолго у окна, и снова возобновляла ходьбу вдоль палат, с волнением ожидая результатов обследования. У нее не укладывалось в голове, как Глеб мог довести свой организм до такого. Муж никогда не допускал и малейшей слабости, а сейчас, она узнала, что это уже не первый его обморок, и Нелидов, оказывается, давно уговаривал племянника пройти обследование.

Через час Борис Анатольевич разрешил ей навестить мужа.

А еще через некоторое время, пожилой врач вошел в палату и поставил своего пациента в известность, что он везунчик и баловень судьбы.

— Вот, скажи мне, как ты умудрился выжить с осколком снаряда в теменной кости, да еще и проносить его столько лет?

— Ты о том ранении?

— Да, Глеб. Сколько раз я просил тебя пройти обследование? Но ты ведь у нас бесстрашный… Вот, и дотянул… Значит так. Операцию я назначил на завтра, все необходимое мы подготовим и с утра, перекрестясь, как говорится…

— Ты уверен, что эта операция нужна?

— Ну, если не хочешь оставить Александру вдовой, то — да.

Разумеется, Нелидов преувеличивал, рассчитывая больше на Сашу. Уж она-то сможет убедить упрямого мальчишку хоть в этот раз отнестись к своему здоровью серьезно.

— Глеб, не упрямься, — вмешалась девушка, видя, как сошлись на переносице брови мужа.

— Советую прислушаться к жене, — кивнул Нелидов, — иначе, я ничего не обещаю.

Остаток дня Саша провела с мужем, только ненадолго вернулась домой, покормить детей и оставить им «еду» на ночь, а потом снова вернулась к Глебу.

Утром Оборскому сделали операцию. Те несколько часов, что прошли в неизвестности, стоили Саше больших усилий. Она пыталась сдерживать волнение, понимая, что нельзя раскисать, что Глебу нужна ее поддержка и помощь, но внутри, нет-нет, да и проскальзывал противный страх, нашептывающий, что мужу станет хуже, что он не выживет. «Он же оборотень, он обязательно справится. И он нам нужен. Мне, детям… Он никогда не сможет нас оставить» — уговаривала она саму себя. Нервно расхаживая перед операционной, Саша ни на кого не обращала внимания.

— Александра, ну, хватит мельтешить, — не выдержал Метельский, — иди, присядь.

— Не могу, — отозвалась девушка, — так легче.

— У меня уже в глазах двоится, — недовольно буркнул Алекс, пересаживаясь на другую сторону дивана.

— Не смотри, — машинально огрызнулась Саша, не глядя на мужчину.

Просторный холл, в который выходили двери операционной, был безлюден в этот час, и только Метельский с Александрой нарушали царящую вокруг сонную тишину.

Прошло полтора часа, а операция все не заканчивалась.

— Алекс, а Борис Анатольевич не сказал, сколько времени понадобится… — девушка не успела договорить.

— Успокойся, Саш, все в порядке, — перебил ее мужчина, — нужно просто подождать.

Александра кивнула и продолжила свое хождение из угла в угол. Семь шагов в одну сторону, десять — в другую. «Все будет хорошо, — повторялось в такт шагам, — Глеб обязательно поправится»

А время неумолимо летело вперед…

Наконец, двери операционной открылись, и оттуда вышел уставший Нелидов.

— Ну, что? — одновременно кинулись к нему Метельский и Александра.

— Можно сказать, что все прошло хорошо, а вот остальное зависит только от Глеба.

Саша облегченно выдохнула: — «Все… Обошлось…»

Спустя несколько часов Оборского перевели в палату. А к вечеру он уже вполне пришел в себя и даже пытался шутить, видя волнение жены. Регенерация оборотня не подвела — Глеб хорошо

перенес операцию и теперь уверенно шел на поправку.

В тишине палаты четко раздавался звук падающих капель, косой луч света проникал в приоткрытую дверь, заставляя лежащего на кровати мужчину морщиться и пытаться отодвинуться от раздражающего чувствительное зрение отблеска.

Когда в комнату вошла медсестра, пациент заворочался на постели, пытаясь подняться.

— Глеб Александрович, что вы? Вам нельзя двигаться! — всполошилась сиделка.

— Вытащите вы уже все эти иголки, я нормально себя чувствую, — раздраженно рыкнул мужчина.

— А ну, уймись, — в палату неслышно вошел Нелидов, — хватит моих сотрудников запугивать. Я не для того в твоей дурной башке ковырялся, чтобы ты потом все мои труды похерил. Лежи спокойно.

— Бор, я нормально себя чувствую, — попробовал возразить Глеб, — вполне могу и дома отлежаться.

— Это я решу, где тебе отлеживаться, — безапелляционно отрезал Нелидов, — побудешь здесь пару дней, понаблюдаем за тобой, если все пойдет нормально, отправишься к своей ненаглядной.

— Перестраховщик, — еле слышно, проворчал Глеб.

— Зато, я не разгуливаю с осколками в черепушке, в отличие от некоторых. Сколько раз говорил тебе, что наплевательское отношение к своему здоровью до добра не доведет, — наставительно произнес пожилой врач.

— Ой, Бор, не начинай, — скривился Оборский, — а то у меня что-то голова разболелась.

— Ладно, отдыхай, — смилостивился Нелидов, — Лена, поменяешь препарат в системе, а потом зайдешь ко мне, — приказал он медсестре.

— Хорошо, Борис Анатольевич, — отозвалась женщина.

Врач вышел из палаты, оставив Оборского наедине с сестрой. Та заменила флакон, задернула шторы, чтобы свет уличных фонарей не мешал пациенту и, пожелав добрых снов, ушла. Мужчина, тяжело вздохнув, уставился в потолок.

Глеб отдал бы все, чтобы быть сейчас рядом с женой и детьми. Он, словно воочию, видел, как Саша укачивает детей, сидя в кресле-качалке, а потом, укладывает их в кроватки, что-то тихо приговаривая при этом. Как долго стоит над ними, не решаясь отойти и вглядываясь в маленькие сопящие личики. Семья… Его семья… Единственное, ради чего стоит жить. Единственное, за что стоит бороться.

Когда Саша была далеко, оборотень ощущал смутное

беспокойство. Его снедала тревога и странное, иррациональное чувство страха. Александра. Его пара, его жена, его любимая… Она стала для него всем. Его миром, его жизнью, его счастьем и его болью. То, что он чувствовал по отношению к Саше, невозможно было описать словами. Она просто заполнила собой весь мир. Оказалась недостающей половиной души. Лучшей половиной.

Он мучился от неуверенности, боясь, что, вернувшись домой, уже не застанет там свою пару. Нет, когда жена была рядом, и он видел на ее лице отражение искренних чувств, все опасения отходили на второй план, затаиваясь, до поры, до времени. А вот потом… В одиночестве… Потаенные страхи выползали на свет, заставляя Оборского нервничать.

Глеб не верил в то, что Саша простила ему ту страшную боль, которую перенесла по его вине. Да, и как можно было в это поверить? Как такое можно простить? Он сам себя не простил. Та ночь постоянно всплывала в памяти своими кровавыми подробностями, заставляя оборотня сходить с ума от боли. Глеб не мог понять, как совершил подобное преступление. Обнимая жену, он каждый раз ожидал, что та вздрогнет и отшатнется от него. И только после того, как Александра безбоязненно прижималась и ласково смотрела в глаза, страх отступал, позволяя наслаждаться прикосновениями любимой. Этот внутренний раздрай мучил его и приводил в отчаяние. Такие преступления, как совершенное им, не должны оставаться безнаказанными. Глеб понимал это очень хорошо. И, в то же время, он не знал, что делать, как загладить свою вину и добиться прощения.

Как она смогла простить такое?… После всего, что Оборский узнал о ее прошлом… Бедная девочка… Глеба до сих пор колотило, при воспоминании о наглых глазах зарвавшегося «слуги народа»

Ночь прошла в невеселых размышлениях.

Утром Нелидов осмотрел племянника и довольно заметил, что тот идет на поправку.

— Ну, что? Еще денек полежишь, а там, позвоню Алексу, пусть забирает тебя домой.

— Может, не стоит ждать?

— Нет, Глеб, мне кое-что уточнить надо. Побудь-ка ты пока здесь, под рукой. Не бойся, дольше необходимого не задержу.

Оборский кивнул, не рискуя спорить с Борисом, — когда дело касалось здоровья, Нелидов был неумолим. Глеб просто прикрыл глаза и попытался отключиться. Сейчас, при свете дня, терзавшие его всю ночь демоны исчезли, давая возможность отдохнуть и

забыться.

Пожилой врач тихо закрыл за собой дверь палаты и пошел в ординаторскую.

— Люда, там результаты не пришли еще?

— Все у вас на столе, Борис Анатольевич, — откликнулась молоденькая улыбчивая девушка.

— Хорошо, — мельком взглянул на нее Нелидов, — меня сейчас ни для кого нет.

— Я поняла, — кивнула дежурная медсестра.

В ординаторской Борис, первым делом, прошел к столу, на котором лежали результаты анализов Оборского. По мере просмотра бумаг, лицо врача становилось все серьезнее.

— Люда, Сергеева ко мне, срочно, — распорядился он, нажимая кнопку.

Когда молодой врач вошел в ординаторскую, Борис Анатольевич ждал его, сидя за столом.

— Ну, что, коллега, вы были правы, — без предисловий начал он, — все-таки, это аконит. И еще две-три интересные добавочки. Посмотрите, — он протянул Сергееву распечатку.

— Это то, что я думаю? — приподнял белесую бровь молодой врач.

— Именно.

— Но зачем?

— А вот это еще нужно будет выяснить, — Нелидов задумчиво уставился в окно. Нет, Глебу пока говорить об этом рано, а вот Алексу… Решившись, Борис Анатольевич набрал номер Метельского.

Глава 25

— Сашка, — Оборский подхватил выскочившую из дома жену и сжал ее в крепких объятиях.

— Осторожно, Глеб! — Александра попыталась утихомирить мужа, но тот не обращал внимания на ее слабые попытки. Мужчина вдыхал такой родной и привычный запах жены и млел от счастья. Он дома!

— Глеб, сейчас же отпусти, — смеялась Саша, — тебе нельзя напрягаться.

Правда, при этом, девушка сама вцепилась в мужа мертвой хваткой и покрывала его лицо поцелуями. Наконец-то, этот кошмар закончился! Глеб дома.

Она не могла поверить, что еще недавно беспомощный после операции муж, сегодня чувствует себя абсолютно здоровым. Чудеса! Нечеловеческая сила и регенерация оборотней — не сказка! Они, действительно, обладают особой силой и могучим здоровьем.

— Саш, со мной все в порядке, — усмехался Оборский, глядя на взволнованное лицо жены. Правда, за этой усмешкой скрывалось многое: и радость от встречи, и острое наслаждение от того, что Александра так обнимает его, и тоска…

Вечером, ужиная в узком семейном кругу, Глеб по-новому посмотрел на окружающее — теплый огонь очага, красиво накрытый стол и прекрасная женщина, сидящая рядом.

Он взял руку жены и поднес ее к губам. Медленно, искушающе глядя прямо в глаза Александры, мужчина поцеловал вздрагивающую ладонь, а потом, неторопливо перецеловал все пальчики, подбираясь выше, к запястью.

Саша рвано выдохнула. Как можно так завестись от обычной ласки?

Как Глебу удается пробудить в ней страсть всего несколькими касаниями?

Она подалась к мужу, и тот притянул жену к себе на колени.

— Так гораздо удобнее, — пояснил он, прикасаясь к ее губам.

Это прикосновение — нежное, ласковое, сдержанное — быстро переросло в настоящий ураган. Стоило их губам встретиться, как все вокруг исчезло. Не было больше столовой, накрытого стола, света от хрустальной люстры и треска камина… Здесь и сейчас, были только двое — мужчина и его женщина…

Гораздо позже, в темноте супружеской спальни, Саша решилась задать вопрос, который давно ее мучил. Уж больно реалистичным было то недавнее сновидение.

— Глеб, а в усадьбе раньше были еще строения?

— Почему ты спрашиваешь?

— Просто, я не так давно сон видела… — девушка запнулась, не решаясь продолжить.

— И что тебе снилось? — подтолкнул ее муж.

— Пожар… Горело небольшое здание, слева от усадьбы… Там еще флюгер на крыше интересный такой был, в виде кораблика…

— Это все? — напряженно спросил Оборский.

— Нет, еще люди были. Весь двор был заполнен ими. Кто-то кричал, кто-то плакал, кто-то ругался… Я так поняла, что в том здании… там оставались… остались хозяева усадьбы…

— Мои родители, — каким-то глухим, безжизненным голосом произнес Оборский, — у отца был тиф, поэтому его перенесли из большого дома во флигель, а мать постоянно была рядом, ухаживая за больным. На тот момент, никого из наших в усадьбе не оказалось, и этим воспользовались так называемые «революционеры», — Глеб презрительно скривил рот. — Соседские крестьяне, опьяневшие от свобод и вседозволенности, вообразившие себя вершителями справедливости, ворвались в дом и убили моих родителей. Мать ничего не смогла сделать — она пыталась защитить мужа, но не успела — нож вошел ей прямо в сердце. Обезумевшие люди знали куда бить, предатель, бывший среди них, хорошо изучил уязвимые места оборотней. Отца убили следом. Он так и не пришел в себя.

— Но как же так? — потрясенно прошептала Саша, — Глеб, вы же не болеете… И смерть… Вот ты… Сколько ты с этим осколком проходил?

— Ты не понимаешь, Саш. Мы смертны. Большинство болезней нам не страшны, а остальные проходят легче и быстрее, но есть и такие, которые опасны для оборотней. К сожалению, чума и тиф не щадят нашу расу. Нет, шанс на выздоровление есть, но болезнь проходит тяжело и отступает неохотно, — мужчина надолго замолчал, погрузившись в тяжелые воспоминания.

— А ты? — робко прервала его раздумья Саша, — где был ты в тот момент?

— Воевал, — неохотно ответил Оборский.

Он немного помолчал, а потом, добавил:

— В то время, как я защищал разваливающуюся страну, никто не смог защитить моих родителей… Оборотней не было в усадьбе, а крестьяне испугались за свою шкуру и не стали вмешиваться. Моих родителей погубила вера в людей, — горько заключил он, — мать отпустила всех наших, понадеявшись на «родных крестьян», а те ее предали…

— Но как же так? Кто-то же должен был остаться…

— Рядом бои шли, нужна была помощь… — Глеб устало посмотрел на жену, — ты не представляешь, какая тогда неразбериха царила. Молодняк рвался воевать, старики спорили до хрипоты, кто прав, кто виноват в происходящем, многие наши стали на сторону красных… В имении оставались единицы, да, и те не смогли унять «праведный гнев» и пришли к хозяйке «на войну проситься»… В общем, отпустила она их.

— Глеб, — Саша не удержалась, порывисто обняв мужа. Его застарелая боль отдавалась внутри огнем ярости.

— Я нашел их всех — и предателя, и тех, кто убивал моих родителей, и тех, кто поджигал флигель… — глухо произнес Оборский, — только мою семью этим было уже не вернуть… Я не смог их защитить, когда они во мне нуждались…

— Не нужно… Ты ничем не мог помочь, не мучай себя.

Саша гладила жесткие черные волосы мужа, от всей души желая забрать его боль, его ненависть, его потерю…

Она попыталась разговорить Оборского, заставить его рассказать о родителях побольше.

Глеб, поначалу неохотно отвечающий на вопросы жены, незаметно увлекся, и Саша узнала много интересного о его детстве, юности, отношениях с родными… Слушая мужа, девушка невольно сравнивала семью Оборского со своей. От рассказа Глеба веяло безмятежным счастьем, которое разрушилось лишь со смертью близких. Ему повезло родиться и жить в окружении любящих его людей. Не то, что ей. Саша отогнала от себя неприятные воспоминания, стараясь не думать о том, что могло бы быть… Все это неважно. Главное то, что у нее есть сейчас… Но, невольно, образы прошлого всплывали перед глазами, заставляя болезненно сжиматься сердце…

Саша устало прикрыла глаза. Те воспоминания, которые неожиданно проснулись, благодаря рассказу Глеба, сейчас не давали ей уснуть.

Семья… Как много она значит в жизни любого человека. Свою семью Александра не могла назвать счастливой. Отец, сколько девушка его помнила, никогда не проявлял к ней особой любви или нежности. Его отношение к дочери было сродни военному — жесткое, бескомпромиссное, не терпящее слабости и вольностей. Впрочем, к жене Павел Владимирович относился так же. Маленькая семья Станкевичей жила по раз и навсегда заведенному для нее распорядку. Любые нарушения карались главой жестко и бескомпромиссно. Саша не помнила, чтобы мама хоть раз повысила голос или поспорила с отцом. Всегда тихая, спокойная, невозмутимая… Она напоминала Саше ледяную

королеву. Лишь однажды дочь увидела, как ее мать вышла из себя.

В тот день они вернулись с дачи, и Александра, убирая на место вещи, дотянулась до антресолей и попыталась закинуть туда сумку. Грохот упавшей, с верхней полки, шкатулки разнесся по квартире и заставил Екатерину Сергеевну выглянуть из кухни. Саша неловко подобрала раскрывшуюся от удара деревянную вещицу и принялась собирать выпавшие оттуда письма и рассыпавшиеся бусины.

— Сашенька, не трогай, я сама, — оглянувшись на звук маминого голоса, девочка испуганно застыла. Екатерина Сергеевна трясущимися руками сжимала на груди блузку и смотрела на лежащие на полу вещи каким-то больным, отчаявшимся взглядом.

— Мама, — потянулась к ней дочь.

— Санечка, иди к себе, — заплакав, велела женщина, — я сама все соберу.

Она выпроводила дочь из прихожей, но не заметила, что девочка не ушла в свою комнату.

Александра застыла за выступом коридора, наблюдая, как Екатерина Сергеевна дрожащими руками собирает в шкатулку выпавшие оттуда вещи и пытается собрать разлетевшиеся по всей прихожей бусины. А потом, громко всхлипнув, закрывает лицо руками и, раскачиваясь из стороны в сторону, громко, надрывно плачет. Саша не выдержала этого зрелища. Она выскочила из своего укрытия и кинулась к матери.

Маленькие хрупкие руки обняли вздрагивающие плечи, и женщина уткнулась дочери в плечо, пытаясь удержать бегущие слезы.

— Все хорошо, мамочка, — испуганно шептала девочка, не понимая, что происходит.

— Да, Сашенька, все хорошо, — повторяла за ней Екатерина Сергеевна, но слезы все текли и текли по ее щекам…

…Александра прерывисто вздохнула. Она, словно воочию, увидела застывших в объятии мать и дочь, и ей стало невыносимо грустно от этой картины.

— Саш, ты чего не спишь? — раздался голос Глеба.

— Да, что-то никак не могу уснуть, — пожаловалась девушка.

— Иди сюда, — оборотень подгреб ее к себе под бок и крепко обнял.

— Спи, — выдохнул он, — не думай ни о чем.

В теплых объятиях мужа Саша успокоилась, размеренное дыхание Глеба подействовало на нее усыпляюще, и, спустя некоторое время, девушка закрыла глаза и незаметно погрузилась

в сон. Этой ночью никакие видения не тревожили ее покой.

— Саш, я хотел посоветоваться, — Глеб оторвался от чашки кофе и искоса посмотрел на жену.

— О чем?

— Думаю, хватит нам ютиться в твоей спальне, на втором этаже полно места, да и для детей там можно сделать отдельную детскую, — Оборский не успел договорить и прервался на полуслове: — Саш, что случилось? Я что-то не то сказал?

— Извини, но я предпочитаю ютиться в своей спальне, — резко ответила девушка.

— Сань, что не так?

— Все. Мне не нравится твоя комната, мне не нравятся воспоминания, связанные с ней, мне не нравится количество баб, перебывавшее в твоей постели… Дальше продолжать?

— Прости. Я думал об этом, поэтому и хотел предложить тебе переделать все по своему вкусу. Кстати, о количестве. Кроме двух известных тебе особ там никого не было. Так что, не нужно представлять всякие ужасы. А ребята сделают любой ремонт и перепланировку, если ты согласишься.

Глеба передернуло от воспоминаний о собственной глупости — сам притащил и Нату, и Алину в родительский дом, куда должен был ввести только жену. Злость пересилила доводы рассудка — хотел вывести на эмоции Сашку. Вывел…

— Перепланировку, говоришь? — Александра недобро прищурила глаза. — Ну, что же, ты сам предложил…

С этого дня в усадьбе начались масштабные работы по переделке дома. Саша разошлась вовсю. Она словно испытывала Оборского на прочность. На время ремонта, все переехали в дом, расположенный недалеко от города. Обычный новострой. Элитный и бездушный. А в старой усадьбе работала бригада специалистов из «Трансарта». Прежняя спальня хозяина была полностью переделана, соседняя с ней комната — превращена в детскую с объединяющей их общей дверью, ванная приобрела гигантские размеры, вместив в себя новую душевую кабину и огромное джакузи. На вопрос Саши зачем им такой монстр, Оборский только загадочно улыбнулся и многозначительно посмотрел на девушку. Под его взглядом, Александра медленно покраснела. Картинки, которые промелькнули у нее перед глазами, заставили гулко забиться сердце и мгновенно затвердеть соски.

— А ты спрашиваешь — зачем, — довольно ухмыльнулся Глеб, притягивая к себе жену.

С головой ушедшая в переделку дома Саша не замечала таинственных отлучек мужа, зачастившего по вечерам

Метельского, напряженных лиц охранников… Нет. Все это прошло мимо ее сознания. Спустя две недели, ремонт был завершен, и семья вернулась под кров обновленного дома.

— Глеб, смотри, — восторженно тащила за собой мужа Саша, а он довольно улыбался, видя неподдельную радость девушки.

Посмотреть было на что. От прежней обстановки второго этажа почти ничего не осталось, но, в то же время, дух старого особняка оказался сохранен. Множество мелочей подчеркивали преемственность поколений. Картины, привезенные Глебом из Франции, книги, плотный шелк портьер и тусклый блеск старинных канделябров… Прошлое и настоящее гармонично переплелись в убранстве дома, подчеркивая связь времен.

— Глеб, ты здесь? — Саша вошла в кабинет Оборского и огляделась. Никого. Комната была пуста.

Девушка собралась уходить, но передумала и подошла к письменному столу мужа — она давно собиралась рассмотреть выставленные на нем фотографии, а тут, и повод появился. Вот, ее снимок — ветер развевает волосы, глаза прищурены, мечтательная улыбка тронула губы… Когда Глеб успел поймать момент? Саша не помнила, чтобы позировала перед камерой. А вот, фотография детей — Тема насупился и сердито смотрит в объектив, а Катя улыбается широкой беззубой улыбкой, стискивая в кулачке погремушку. Засмотревшись на фото малышей, Саша обошла стол и зацепила ногой не до конца задвинутый ящик. Там тоже лежали снимки. Потянувшись, девушка достала их и замерла. «Не может быть!.. Он все-таки сделал это!»

Фотографии выскользнули из дрожащих рук и рассыпались по полу. Саша испуганно застыла, не в силах наклониться и поднять ненавистные снимки. На фото была она. Вернее, не совсем она, но кого это волнует? Девушка со снимков позировала обнаженной в довольно откровенных позах, то в объятиях одного мужчины, то — нескольких сразу. Чувственные изгибы тела, порочная томная грация… Господи, как теперь объясняться с мужем?! Он не поверит! Никто не верит…

Александра невидяще уставилась в окно. Мерзость, лежащая у ее ног, вызывала неконтролируемое желание порвать, уничтожить, выбросить все эти ненавистные снимки. А с ними вместе — и не менее ненавистные воспоминания…

Скрип открывающейся двери заставил девушку испуганно вздрогнуть. Саша дернулась, но тут же распрямилась и посмотрела прямо на входящего в комнату мужа.

В ее взгляде было многое — злость, растерянность, страх, просьба о помощи…

— Сашка, ты что? — Оборский мгновенно считал все ее

эмоции. — Даже не думай!

Одним прыжком мужчина оказался рядом и сгреб жену в охапку.

— Зачем ты, вообще, прикасалась к этой мерзости? — он прижимал к себе напряженное тело девушки, поглаживая и пытаясь успокоить. «Идиот! Надо было сразу уничтожить эту гадость!» — пронеслось у него внутри.

«Мерзость… Мы даже слова одинаковые подобрали…» — отстраненно подумала Саша. Она понимала, что это последние мгновения подобной близости мужа и сдерживала слезы, стараясь встретить удар судьбы достойно. Вряд ли Глеб поймет…

— Санька, не вздумай, — предупреждающе прошептал ей на ухо муж, — если ты сейчас скажешь, что уходишь, или еще что-то в этом же духе…

— Глеб, но ты же видел снимки…

— И что?

— Зачем тебе вся эта грязь?..

— Во-первых, даже если бы на этих снимках была ты, это не сыграло бы для меня никакой роли. А во-вторых, я знаю, что это монтаж. Виртуозный, высококлассный монтаж. Так что, хватит выдумывать проблемы на пустом месте.

— Но…

— Саш, та мразь, что сделала это, уже получила свое.

— Перебудько? — удивленно подняла глаза Александра.

Глеб кивнул.

— Но как ты узнал?

— Думаешь, я не понял, почему ты ушла от меня? Он угрожал тебе этим? — кивок в сторону рассыпанных по полу снимков.

— Да…

— Поверь, больше он тебя не тронет. Никого не тронет.

— Но…

— Все, Саш, перестань, — Глеб крепко обнял жену и погладил ее по голове, — со мной тебе не нужно ничего бояться. Твоя жизнь — это моя жизнь. Все, что происходит — хорошее или плохое — мы разделим на двоих и переживем вместе. Главное, не скрывай от меня свои страхи…

Девушка затихла в его руках, пытаясь поверить словам мужа, а потом, вздрогнула и судорожно вздохнула. Так долго сдерживаемое напряжение, наконец-то, отпустило, и Саша разрыдалась. Все, что мучило ее раньше, все те неприятные воспоминания и боль, что скопились на протяжении последних лет, вылились сейчас в слезах, заставляя девушку вздрагивать и крепче обнимать Оборского.

— Сашенька, родная, все хорошо, — шептал Глеб, пытаясь

успокоить жену, — мы справимся, все наладится…

Он не мог подобрать нежных слов, не мог заставить себя произнести обычные ласковые утешения, лишь прижимал Александру к себе, и всей душой мечтал вырвать из ее сердца неприятные воспоминания и страхи.

А Саша, отогреваясь в объятиях мужа, не могла поверить, что тот кошмар, который преследовал ее на протяжении долгого времени — всплывающие наружу подробности ее жизни, Глеб, с презрением отказывающийся от шлюхи, как это сделал отец, дети, которых у нее отбирают… — наконец-то закончился, и ей нечего больше бояться.

— А Перебудько… Что ты с ним сделал?

— Забудь о нем.

— Ты… Он жив?

— Саш, не думай об этом, — поморщился Глеб, — и не вздумай его жалеть.

— Но…

— Он посмел угрожать тебе, такое я не прощаю. И таких врагов, как Виктор Семенович, лучше не оставлять за спиной.

Глеб не стал рассказывать Александре, сколько подробностей всплыло при детальном расследовании всей деятельности влиятельного чиновника. Сколько подобных снимков и шантажа других жертв обнаружилось в бумагах Перебудько, сколько мерзких фактов всплыло при личном допросе… Нет, всего этого Саше знать не нужно, пусть спит спокойно, не для нее подобные откровения. Жаль, что не уничтожил сразу найденные снимки и его жене пришлось еще раз все вспомнить… Хотя, с другой стороны, иначе, она бы никогда не решилась рассказать ему о своем, как она считала, «позоре»…

Глеб крепче обнял жену и повел ее прочь из кабинета.

Александра машинально переставляла ноги, но мысли ее были далеко — в том злосчастном году, когда ей исполнилось семнадцать, и она впервые столкнулась с человеческой подлостью и предательством.

…Тот год, когда погибла Екатерина Сергеевна, выдался тяжелым и мрачным для семьи Станкевичей. Полковник замкнулся в своем горе и никого не хотел видеть; бабушки, которую так любила Саша, к тому времени, уже не было в живых, а дед, со стороны отца, давно перестал общаться с внучкой, еще тогда, когда стало ясно, что Саша внешне похожа на его бывшую жену, как две капли воды. Анастасия Андреевна была редкой красавицей и ветреницей. Толпы поклонников, многочисленные воздыхатели, подарки и цветы… Дед терпел все это, не желая развода, но легкомысленная супруга сама разрушила семью,

укатив однажды с каким-то заезжим артистом. После этого, имя Анастасии Андреевны оказалось под запретом в немногочисленном клане Станкевичей на долгие годы, а Саша, повзрослевшая и вошедшая в пору своего девичьего цветения, вызывала у деда лишь неконтролируемое раздражение и злость.

Слишком многое взяла она от своей бабушки, слишком ярко горели восторженные васильковые глаза, слишком звонко звучал ее смех под сводами просторного дедовского дома. Несмотря на прошедшие годы, мужчина нет-нет, да и вспоминал свою легкомысленную супругу, а внучка, подрастая, становилась похожа на Анастасию Андреевну, как две капли воды.

И однажды, Станкевич-старший не выдержал. Он поговорил с сыном, и тот перестал привозить Александру на лето в курортный южный городок. Это случилось незадолго до гибели Екатерины Сергеевны, и, когда произошло это страшное событие, Саша осталась совершенно одна. Отец не обращал на нее внимания, разом постарев и замкнувшись в себе, а подруги постепенно отдалились, предпочитая общество более веселых сверстниц. Нет, поначалу они пытались поддержать Сашу, но проходило время, а ее тоска никуда не девалась, и, постепенно, девушку перестали приглашать на веселые вечеринки и тусовки, а там и выпускные экзамены подошли, занимая все свободное время и отнимая все силы. А дальше — поступление в ВУЗ, первые дни учебы, забота о доме и ведении осиротевшего хозяйства…

Подруги отошли на второй, а потом, и на третий план.

После смерти мамы, Александре пришлось резко повзрослеть — все прежние беззаботные интересы отодвинулись в сторону, открыв за собой изнанку той жизни, от которой раньше защищало присутствие тихой и незаметной Екатерины Сергеевны.

В те нелегкие дни, в их доме впервые появился Виктор Семенович Перебудько. Старый знакомый отца зачастил к Станкевичам, утешая полковника в его горе. Мужчины допоздна сидели на кухне большого дома, курили, пили, подолгу молчали или негромко вспоминали прошлое. Когда-то их связывали узы дружбы, но, со временем, судьба развела друзей в разные стороны, оставив лишь редкие приятельские встречи. А сейчас, в момент обрушившегося на Павла Владимировича горя, Перебудько снова появился в его жизни. Хотя, лучше бы не появлялся…

Саша не сразу заметила нездоровый интерес «дяди Вити» к своей персоне. Нет, поначалу она принимала его ласковое обращение к себе искренне и безо всякой задней мысли. И, лишь спустя время, ее стали настораживать странные взгляды мужчины, попытки прикоснуться, приобнять, взять за руку. При

Павле Владимировиче, Виктор Семенович не допускал подобного, но, вот в его отсутствие…

Александра стала избегать влиятельного друга отца, стараясь поменьше попадаться ему на глаза, но не тут-то было. Перебудько словно задался целью добиться внимания девушки — ненавязчиво оказывался рядом, прикасался, пожирая ее голодным взглядом, интересовался учебой, намекая, что не прочь посодействовать со сдачей сессии… Дальше — больше. В ход пошли руки, которые жадно касались Саши, стоило только оказаться рядом, настойчивые губы, шепчущие, что она самая сладкая шлюшка на свете и пытающиеся поцеловать ее… Александре было противно и страшно. Дико, до дрожи. А вокруг не было никого, кто мог бы ей помочь. Жаловаться отцу было бесполезно, а обращаться к кому-то из друзей… Девушка замкнулась в себе, стараясь не выходить из комнаты во время участившихся визитов Виктора Семеновича, но отец часто просил поухаживать за гостем, накрыть на стол, и Саше приходилось изображать из себя невозмутимую и заботливую хозяйку, в то время как внутри все обмирало от страха и омерзения. С каждым днем, ей становилось все сложнее и сложнее сдерживать свои эмоции… С каждым днем, «друг семьи» вел себя настойчивее и развязнее… Правда, умудрялся обставить все таким образом, что полковник не замечал сгущавшегося напряжения. Казалось, Перебудько заводила эта игра, и он искренне наслаждался безвыходностью Сашиного положения.

А потом произошло то, что в корне изменило жизнь Александры.

Тот вечер запомнился девушке какой-то особенной тишиной. Вот, как перед грозой бывает — такое вязкое, неестественное затишье. Павел Владимирович уехал в командировку на два дня, Бора — немецкая овчарка — приболела и вяло лежала в своей будке, отдыхая от промывания, устроенного вызванным хозяйкой ветеринаром, а за окном зарядил нудный мелкий дождь, навевая тоскливые мысли и ощущение безнадежности существования. Александра удивилась, когда услышала шум открывающейся входной двери. Неужели, отец что-то забыл и вернулся? Выглянув из спальни, Саша окаменела — в прихожей разувался Виктор Семенович.

— Ну, что, хозяюшка, чаем напоишь? — поинтересовался мужчина, глядя на нее каким-то странным взглядом.

До чая дело не дошло. В два шага оказавшись рядом с Александрой, Перебудько подхватил девушку на руки. На все попытки Саши освободиться, он лишь усмехался и непреклонно двигался в сторону хозяйской спальни.

— Что, такую же недотрогу, как твоя мать строишь, да? Не прикидывайся, ты — не такая, как Катенька! Это она своего счастья не видела, все Пашу боялась, а ты… Ты смелая… И сладкая… Ты ведь сама меня провоцировала, я это сразу понял… Сейчас… Ты покажешь все, на что способна… Все… А ты на многое способна, я знаю… — мужчина принялся целовать ее, вызывая чувство гадливости и ужаса. — Маленькая шлюшка… Такая сладкая…

Александра, от неожиданности и страха, не могла выдавить из себя ни звука. Она словно одеревенела вся. При чем тут мама? С чего он решил, что Саша его провоцировала?..

Кровать в темной родительской спальне прогнулась под их весом. Чужие влажные губы принялись шарить по груди девушки, и тут Саша, наконец-то, сумела выйти из ступора.

— Нет, — закричала она, пытаясь вырваться из удерживающих ее объятий, — не трогайте меня, отпустите!

Треск разрывающейся одежды, грохот упавшей с тумбочки вазы, скрип кровати…

— Пытаешься играть в недотрогу? Ну-ну… мне нравится… — мужчина предвкушающе улыбнулся и отстранился от девушки.

— А вот это ты видела? — щелкнул выключатель, Виктор Семенович достал из кармана пиджака несколько фотографий и положил их перед Сашей. Со снимков на нее смотрела… она сама… Обнаженная, в объятиях то одного, то сразу нескольких мужчин…

Застыв от неожиданности, девушка перевела взгляд на Перебудько. — Будешь сопротивляться, эти фотографии увидит твой отец, — жестко отрезал Виктор Семенович, — ты же не хочешь доставить ему неприятности? А я ведь могу Павлу Владимировичу и по работе проблемки создать… Ну, кто сейчас может похвастаться чистотой биографии? Ты понимаешь, что я хочу сказать?

Саша понимала. Она знала, что не все методы работы ее отца были… законными, и, при желании, всегда можно найти, за что уцепиться. А уж такому, как Виктор Семенович… Этот не бросает угроз на ветер…

Александра онемела от подобной перспективы. Мысли лихорадочно разбежались, мешая сосредоточиться и решить, что делать. Отец… Он же не может поверить этим фальшивкам? Не с его опытом и профессионализмом повестись на этот бред. И, в то же время, одна только возможность того, что Павел Владимирович увидит подобную мерзость, внушала Саше ужас. А его работа… Это ведь единственный смысл всей жизни полковника. Лишись он своей должности, и все…

— Решай, сладкая, — усмехнулся Перебудько, прерывая ее душевные метания, — сама меня поцелуешь, или придется поучить тебя, как это делается?

Он двинулся к Саше, но не успел прикоснуться к ней.

— Что здесь происходит? — голос отца раздался внезапно, заставив девушку испуганно вздрогнуть и запахнуть на груди разорванную кофточку.

— А, Паша, — ничуть не смутился Перебудько, — что-то ты рановато вернулся.

— Что ты здесь делаешь? — снова спросил Станкевич.

— Да, вот, зашел Сашеньку проведать, — спокойно ответил Виктор Семенович, — девочка не любит оставаться одна. Да, и побеседовать кое о чем хотел. Не собирался тебя в это впутывать…

Взгляд Станкевича остановился на разбросанных по кровати фотографиях, и Саша с ужасом увидела, как меняется выражение его лица.

Сначала на нем промелькнуло недоумение, потом — брезгливость и гнев. Станкевич поднял глаза на дочь и презрительно процедил:

— Выйди отсюда.

Александра, растерянно уставившись на отца, попыталась что-то объяснить, но тот не стал ее слушать.

Саша молча поднялась с кровати, сжала руками распахивающуюся блузку и вышла из комнаты. То, что папа поверил… Это подкосило и без того напуганную произошедшим девушку, и Александра молча принялась собирать вещи. Она не знала, о чем разговаривали мужчины, не видела ярости отца, не слышала, как он выпроводил из дома Виктора Семеновича…

Спустя два часа, девушка прошла на кухню, где полковник в одиночестве пил водку, и положила перед ним ключи.

— Куда собралась? — мрачно спросил мужчина.

— Не хочу жить в доме, где меня считают шлюхой, — глядя на него сухими глазами, ответила Саша.

— А-а… Бежишь… Как и твоя мамаша… Та тоже все от меня сбежать пыталась… К своему проклятому… Шалава… Все вы… шалавы… И ты… Такая же, как она… Иди! Давай, беги… Все равно приползешь обратно… — речь Станкевича становилась все невнятнее, он еще продолжал что-то говорить, но Саша больше не слушала. Развернувшись, она вышла из кухни, а потом, и из дома.

А дальше — аэропорт, Москва, старая подруга мамы, у которой девушка жила первое время, и… работа-работа-работа… Это уже позже Александра поступила на экономический факультет одного из престижных ВУЗов страны, добилась

успехов, сумела устроиться на нормальную должность… А тогда, в том далеком году, у нее не было ничего, кроме упрямства, гордости и надежды на лучшее.

Память о произошедшем постепенно стерлась, оставив по себе лишь горькую обиду на отца, да непереносимость мужских прикосновений. А также, полное отсутствие какой-либо личной жизни… Нет, Саша пробовала встречаться с парнями… но ничего хорошего из этого не получалось — как только дело доходило до поцелуев и объятий, на нее накатывали отвращение и тошнота, хотелось поскорее сбежать и закрыться в душе, смывая с себя следы чужих рук и губ… Постепенно, она перестала реагировать на мужчин, никого не подпуская близко, хотя, где-то в глубине души мечтала о том дне, когда сможет безбоязненно посмотреть в самые любимые глаза на свете и ответить «да» на заданный вопрос…

— Саш, о чем задумалась? — голос Глеба вырвал ее из неприятных воспоминаний.

— Да, так… О прошлом…

— Забудь обо всем плохом. Больше тебя никто не обидит. Я рядом.

Александра прижалась к мужу плотнее, заряжаясь от него уверенностью и спокойствием. Лишь с Глебом ей удалось преодолеть тот старый страх чужих прикосновений. Лишь рядом с мужем ее охватывало умиротворение и вера в то, что все будет хорошо. Если бы еще… Ну, да, это лишнее…

Глава 26

— Ты уверен? Все проверили?

— Да, Глеб, ошибки быть не может, это Ник.

— Не ожидал… Кто-кто, но только не он… Столько времени водил нас за нос… И чего ему не хватало?

Этот разговор состоялся между Оборским и его бетой ранним утром следующего дня. Сведения, полученные Алексом от Нелидова, подтверждали предположения, сделанные раньше — среди них есть предатель. Только кто-то из своих мог в течение длительного времени незаметно добавлять в еду альфы яд на основе аконита. Негласное расследование, тянувшееся со времен побега Александры, наконец-то, подошло к своему завершению, сведя воедино все разрозненные события. Ошибки быть не могло — один из охранников замешан в покушении на жизнь Оборского.

Взяли Николая быстро и без шума. Увидев взгляд хозяина, Ник не стал сопротивляться и рассказал все, как было. И то, что Константин давно уже завербовал недовольного жизнью в Черном клане охранника, и то, что тот согласился доносить альфе Серых на своего вожака. И Алине, в свое время, он же позвонил, доложив, что Оборский уехал, оставив Александру одну, и в усадьбу волчицу пропустил, воспользовавшись отсутствием Игоря и большей части охраны, а остальных вырубив на время… Да, это он, день за днем наблюдая за отношениями альфы и его пары, узнал слабые места Александры и подсказал Алине, что нужно сделать, чтобы глупая девчонка сама сбежала из усадьбы, вынудив Оборского наказать ее и отобрать детей… А уж то, что альфа озвереет от поступка любимой не вызывало сомнений — действие аконита на волка вызывало безумие, заставляя совершать немыслимые вещи. По всему, альфа должен был сам растерзать свою Сашеньку… А уж отраву-то Глебу Александровичу в любимую фляжечку Ник добавлял регулярно… Незаметно, по капельке… Жаль, что Оборский таким крепким оказался, сумел преодолеть действие яда.

Глядя хозяину в глаза, Николай понимал, что пощады ему не будет.

— Почему? — на короткий вопрос альфы оборотень усмехнулся и цинично ответил:

— Новые времена приходят, Глеб Александрович. Никто больше не хочет жить по вашим старым правилам. Иерархия, честь, пары, дистанция с людьми… Все это уходит в прошлое. Слишком долго вы держались за остатки ушедшей эпохи… Пришло время молодых, тех, кто создаст новые правила, без

оглядки на былое и на все эти гребаные традиции… Наше время — наша власть…

Резкий рывок — и обезглавленное тело свалилось под ноги альфы. Предательства волки не прощали…

Ветер долго разносил по лесной поляне серый пепел, и еще долго остывала выжженная огромным костром земля.

Павел Владимирович устало закрыл глаза. За окном давно уже царила глухая ночь, а он все никак не мог уснуть. Одиночество… Что может быть страшнее? В огромном пустом доме стояла мертвая тишина. Да, и кому было нарушать ее? Даже Бора, старая любимица Саши, сдохла недавно от старости и тоски. Станкевич подозревал, что больше, все же, от второго. Тот краткий приезд Александры несколько месяцев назад, стал последней каплей для психики собаки. Еще одной разлуки она не выдержала. А вот полковник держался… Да, и что ему оставалось? Сам выгнал дочь, сам не смог защитить ее от оборотней… Тяжело перевернувшись на другой бок, Павел Владимирович смял подушку.

Эх, если бы можно было повернуть время вспять…

Когда молодой старлей Станкевич впервые увидел Катеньку Арцишевскую на одном из танцевальных вечеров, он сразу понял, что эта девушка должна быть его. Веселая, заводная хохотушка долго не соглашалась пойти на свидание с серьезным взрослым парнем, но Павел был настойчив. Он окружил девушку вниманием и заботой, стал ее молчаливой тенью, отгонял от нее всех ухажеров и, однажды, его старания были вознаграждены — Катенька согласилась пойти с ним в кино. Мало-помалу, Станкевич из просто знакомого стал другом, а там, и женихом. Семья Катерины, поначалу с осторожностью отнесшаяся к взрослому кавалеру дочери, быстро изменила свое мнение, познакомившись с Павлом поближе.

Взрослый, рассудительный, серьезный, крепко стоящий на ногах. Именно такой и нужен их Катеньке, решили Арцишевские. Только дед Катерины неодобрительно скривился, увидев будущего родственника и мрачно предрек: — «Намучаешься ты с ним, Катюша», да, только, кто же его слушал?

Молодые поженились теплым весенним днем, свадьбу праздновали шумно, всей веселой молодежной компанией. Станкевич был счастлив. И первые несколько лет его счастье ничто не омрачало. Только одно тревожило молодых супругов — отсутствие детей. Но, на пятом году брака, Катя поделилась с мужем долгожданной новостью — она беременна, у них будет ребенок!

Павел не мог надышаться на жену. Беспокоился, сам ходил за

покупками, убирал квартиру, всячески баловал свою Катюшу и исполнял любой ее каприз. Со стороны это выглядело очень трогательно — огромный, серьезный мужчина заглядывал хрупкой маленькой жене в глаза и выполнял любой ее каприз.

А потом… Потом, вся налаженная жизнь четы Станкевичей в одночасье рухнула. Катерина встретила Сергея Сташевского. Интересный, харизматичный парень, приехавший в их институт из Новосибирска, с первого взгляда выделил Катю Станкевич из толпы сотрудников. И Катерина, впервые, почувствовала, как встрепенулось и зашлось в суматошном ритме сердце, как заалели щеки, как остро захотелось жить.

Вспыхнувшая между едва знакомыми людьми страсть поглотила их, заставив забыть и об оставшемся где-то за стенами института муже, и о беременности, и обо всех остальных, таких малозначимых, как казалось, на тот момент, вещах…

Счастье и безумие длились недолго. Первая же совместная ночь, случившаяся во время командировки Станкевича, оказалась полна сюрпризов. Катерине пришлось узнать о существовании оборотней. Да-да, оборотней. Ее изумлению не было предела. А то, что она оказалась парой одного из них…

Сергей коротко рассказал возлюбленной о таинственной расе людей-волков, поведал историю существования оборотней и объяснил, что отныне — они женаты по закону стаи и это навсегда. А метка, украсившая шею Кати, подтверждает ее статус пары оборотня. Как ни странно, девушка спокойно отнеслась к невероятной истории, рассказанной возлюбленным. А он спокойно воспринял ее известие о беременности от мужа, уверив Катю, что для волков потомство — это самое лучшее, что может подарить женщина, и без разницы, чей это ребенок.

— Не бойся, воспитаю, как своего, — убеждал мужчина, — да, и стая нам поможет.

Влюбленные планировали совместную жизнь. Решали, как лучше рассказать обо все Павлу, когда уехать в Сибирь… но судьба распорядилась по-своему.

Павел Владимирович, почувствовав неладное, стал следить за женой и узнал все подробности ее измены. А потом, с помощью прослушки, выяснил и тайну Сташевского. Все-таки, работа в комитете госбезопасности — не пустой звук…

Решение Станкевич принял молниеносно — отдавать жену какому-то зверю он не собирался. Напрасно молодая женщина ждала своего возлюбленного у него на квартире — Сергей исчез. Ни в институте, ни по адресу прописки Сташевский больше не появился, и Катя вынуждена была вернуться в семью.

С тех пор молодая женщина сильно изменилась. Исчезла

прежняя задорная хохотушка. Муж, ни разу не упрекнувший ее за измену, пытался расшевелить жену, но все его усилия оказались напрасны. Бледная тень прежней Кати ходила по дому. Потухший взгляд, сгорбившаяся спина, замедленные движения, полная апатия и безнадежность… Мир для Екатерины потух.

Лишь спустя долгое время, Катя выяснила, что Сергея больше нет в живых. Узнала она об этом случайно, услышав разговор сотрудников о найденном в одном из скверов теле Сташевского.

Жизнь для нее закончилась. И даже рождение чудесной маленькой девочки не смогло вернуть прежнюю Катерину.

А муж был рядом. Терпел, ухаживал, уговаривал… И люто ненавидел оборотня, разрушившего его счастье… Станкевичу приходилось напоминать жене, что нужно есть, кормить ребенка, выходить из дома… Катя почти не реагировала на его слова, ее словно не стало, как будто, со смертью Сергея, из нее душу вынули. Павел страдал, но молчал. А потом, по прошествии времени, ввел дома жесткую дисциплину, заставив и жену, и подрастающую дочь жить по строгому распорядку, надеясь хоть так удержать существование семьи в нормальных рамках…

Станкевич тяжело вздохнул… Видимо, это судьба… Жену не уберег, а теперь, и дочь потерял…

А все они, оборотни… Мужчина сжал кулаки. Лютая ненависть прожигала душу, заставляя корчиться от боли. Не сумел… Не уберег… Кто ж знал, что упрямая девчонка пошла характером в него? Не собирался он ее выгонять, просто, не смог видеть эти фотографии, этот позор, так остро напомнивший об измене жены… Вот, и сорвался. А его гордячка собрала вещи и ушла… Ну, так и он… столько лет обиды лелеял, не мог переступить через себя… Нет, следил, конечно, помогал, как мог. И с поступлением в институт, и с работой, и с квартирой… Ленку тогда припугнуть пришлось, чтобы деньги для Саши брала… Та еще баба, упрямая, как мул оказалась. Ну, да, ничего, полковника никто переспорить не мог… Ради дочери на многое пойдешь… Помогал, а как же? Все связи задействовал, следил, ждал… Еще и изворачивался, чтобы Александра не узнала о его помощи…

Решительно поднявшись с постели, полковник закурил и уставился в темное окно. «Сашка вся в него… Никогда не пойдет на примирение первой… Хотя, пошла же. Когда дело детей коснулось — сразу про гордость забыла… Дети… Его внуки… Наполовину оборотни, — полковник поперхнулся. Вспомнился внимательный взгляд желтых глаз Артема, ямочки на щеках Кати… — ишь, как бабку назвали…»

Теплое, щемящее чувство затопило все внутри, требовательно просясь наружу, скручиваясь тугой, гибкой пружиной…

Станкевич яростно потер зачесавшиеся глаза и удивленно уставился на мокрую руку — слезы. Первые в его жизни. Даже, когда жену хоронил, не плакал, а теперь вот…

Мужчина задумчиво постоял у окна и медленно направился в кабинет.

— Валентин Николаевич, Станкевич беспокоит, — поднял он трубку радиотелефона, — ты, уж, дай мне недельку… Да, в счет отпуска…

— Катя, отпусти Тошку, — Саша подхватила весело смеющуюся дочь и усадила ее в манеж. Девочка сморщилась, готовясь заплакать, но появление рядом брата заставило ее успокоиться и переключиться на новое развлечение — Тема протягивал сестре мягкого плюшевого зайца, делясь своей игрушкой. Тоха, выпутавшись из объятий маленькой любимицы, лениво растянулся рядом с манежем. Любовь к своей хозяйке он перенес и на ее дочь, отличая Катерину особым расположением. Только ей он позволял делать все, что угодно и со своим хвостом, и с густой шерстью, в которую малышка любила вцепиться крохотными пальчиками.

Саша с улыбкой наблюдала за увлекшимися детьми. Поразительно… Им нет еще и полугода, а они уже уверенно ходят. Да, и выглядят гораздо старше своих сверстников. Маленький манеж очень скоро перестал быть для двойняшек преградой, и Глебу пришлось заказывать новый — большой, высокий и просторный. Дети росли спокойными и понимали все, что им говорили. Правда, не всегда маленькие сорванцы соглашались с требованиями родителей и няни, показывая характер, но, в большинстве случаев, с ними удавалось договориться. Временами, Саше казалось, что еще немного, и малыши заговорят чисто и без ошибок. Уж больно разумным был взгляд одинаковых янтарных глаз двойняшек.

— Саш, ты идешь? — в детскую заглянул Оборский.

— Сейчас, — откликнулась девушка. Она не могла оторваться от детей, наблюдая, как те без слов понимают друг друга, ведя разговор на каком-то понятном только им языке.

— Ы… — теплые медовые глаза Артема уставились на сестру.

— Ака тя… — ответный взгляд похожих глаз, и беззубая улыбка тянется во всю мордаху Катерины.

— Гуга… Агысь… — серьезный Тема хмурится и тычет сестре в грудь мягкой лапой большого медведя.

— Лясь… — встряхивает головой Катя, хватая зайца и запуская его в брата.

Засмотревшись на детей, Саша не заметила, как муж подошел к ней, очнувшись только тогда, когда две крупные ладони легли

на ее талию.

— Саш, — теплое дыхание коснулось чувствительного ушка, — за ними можно наблюдать бесконечно, но мы опаздываем.

— Идем, — вздохнула Александра, не трогаясь с места.

— Са-а-аш, — провокационный шепот и поцелуй в чувствительное местечко на шее заставили девушку прерывисто вздохнуть. Секунда — и Саша уже поворачивается в объятиях мужа, приникая к его губам.

Поцелуй вышел долгим, глубоким, заставляющим терять голову от страсти…

— Мы же опаздываем, — спустя несколько минут, опомнилась Александра.

— Ну, полчаса у нас еще есть, — искушающе протянул Глеб, глядя в глаза жены.

Огромный банкетный зал отеля «Костас» был полон людей — юбилей основателя фирмы «Линкос» собрал большое количество гостей. Глеб с Сашей немного опоздали к началу торжества и сейчас пробирались, сквозь толпу приглашенных, к юбиляру.

— Глеб Александрович, Александра Павловна, очень рад, — поприветствовал их высокий плотный мужчина в темно-синем костюме, — спасибо, что нашли время…

— Петр Аркадьевич, поздравляем, — крепко пожал ему руку Оборский, — от души.

Саша с интересом рассматривала стоящего напротив мужчину. Темноволосый, статный, с проницательным взглядом карих глаз… Виновник торжества чем-то напоминал Глеба. Та же властность и сила, то же исходящее от него едва уловимое чувство опасности.

За время, проведенное среди оборотней, Саша поняла, что они очень сильно отличаются от людей. У волков свои законы и своя мораль, свое понятие о чести и достоинстве. Вся их жизнь подчинена простым и строгим правилам. Есть сильные и слабые. Первые — всегда лидеры, вторые — служат вожаку беспрекословно. Но, при этом, получают защиту и гарантии безбедной жизни. Оборотни, в большинстве своем, предпочитают жить в клане, лишь немногие из волков отваживаются на одиночество. А еще, в их среде не любят слабость. Особенно, слабость духа.

— Александра Павловна, как дети? Подросли? — обратился к ней юбиляр.

— Да, спасибо, — откликнулась Саша, — уже пытаются бегать.

— Шустрые, — улыбнулся Петр Аркадьевич, — как-нибудь на

днях заеду, полюбуюсь на ваших ребятишек.

Александра кивнула, а Глеб заговорил с именинником о каких-то общих знакомых, уводя разговор от своей семьи.

Девушка отвлеклась от их беседы, рассеянно оглядывая зал. Люди, оборотни, снующие повсюду официанты… Внезапно, она почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд. Алина. Молодая волчица смотрела на нее с неприкрытой ненавистью, даже не пытаясь изобразить равнодушие. Ярко-желтые глаза горели яростным холодным огнем. А сколько презрения читалось на холеном красивом лице блондинки! Александра не стала отводить взгляд. Пусть себе бесится! Этой красотке ничего не светит.

Разобравшись в законах оборотней, Саша знала теперь, что с появлением в жизни волка пары, все остальные особи женского пола перестают для него существовать.

Девушка еле заметно кивнула бывшей сопернице и позволила себе легкую улыбку. Саше показалось, что она явственно расслышала скрип зубов Алины. Равнодушно отвернувшись от неприятной ей блондинки, Александра взглянула на мужа. Да, по закону волков Глеб был ее мужем. Человеческие формальности мало заботили оборотней, и те уделяли им внимание только постольку, поскольку это было необходимо.

— Я отойду ненадолго, — шепнула она Оборскому.

— Саш, ты куда?

— Мне нужно.

— Пойдем, я тебя провожу.

— Да, зачем? Я сама…

— Подожди. Сейчас найду Алекса…

— Глеб, не сходи с ума, я скоро вернусь, — она улыбнулась мужу и пошла по направлению к холлу.

Оборский оглянулся в поисках своего зама и, наткнувшись на взгляд Метельского, кивком указал ему на уходящую Александру. Друг понятливо сверкнул глазами и направился следом за девушкой. Он незаметно пристроился в трех шагах от нее, провожая жену своего альфы и быстро окидывая окружающих цепким взглядом серых глаз.

Саша, не замечая ненавязчивого сопровождения, спокойно прошла холл и завернула в небольшой коридорчик к дамской комнате. Алекс, не желая выдавать свое присутствие, остался в холле.

Спустя несколько минут, девушка вернулась, и Метельский незаметно пристроился чуть поодаль от нее, идя следом за парой своего альфы.

— Глеб Александрович, вы не знакомы с Георгием

Николаевичем Дербеневым? — вопрос юбиляра заставил Оборского отвлечься от неприятного ощущения, царапающего внутренности. Зверь беспокойно ворочался, заставляя оборотня напряженно прислушиваться к происходящему вокруг.

— Нет, не имел чести, — отозвался Глеб. Он пожал руку подошедшему мужчине, коротко кивнул ему и уже собирался продолжить разговор, как вдруг… Хорошо знакомый звук ударил по взвинченным нервам набатом. Не-е-ет!.. Господи, только не она!

…Саша неторопливо возвращалась к мужу. Она видела, как к нему подошел какой-то незнакомый человек, как Оборский скупо улыбнулся ему и пожал протянутую руку, а, в следующий момент, одновременно случились три вещи — Александру сбило с ног, раздался приглушенный неясный звук и рядом рухнул Глеб, накрывая ее собой. Саша оглушенно смотрела на красное пятно, расползающееся на сером пиджаке мужа, и давилась безмолвным криком.

— Нет! — изо всех сил оттолкнув попытавшегося поднять ее Алекса, закричала она и подползла к откатившемуся в сторону Глебу. Тот тяжело дышал сквозь стиснутые зубы и пытался зажать рукой быстро намокающую ткань на груди. — Глеб, Глебушка…

— Алекс, уведи ее, — еле слышно прошептал Оборский.

Вокруг суетились люди, оборотни быстро освободили пространство вокруг альфы Черного клана, где-то раздавались крики и шум, но Саша ничего этого не воспринимала. Она видела истекающего кровью мужа, его затухающий взгляд, направленный на нее и дикий, парализующий страх сковывал ее сердце.

— Нет, Глеб, не смей! — сипло прошептала она. — Не смей умирать, слышишь? Даже не вздумай, проклятый оборотень! Я же тебя с того света достану! Ты обещал мне, что все у нас будет хорошо! Обещал! — уже кричала она, не обращая внимания на поднимающих Оборского охранников, на Метельского, пытающегося оторвать ее от мужа, на оборотней, быстро оцепивших место происшествия, на взятую в кольцо Алину, на выпавший из ее рук пистолет… — Нет, Глеб, пожалуйста… Ты не можешь… Ты не бросишь меня… Я ведь люблю тебя… Люблю…

Последние слова девушка почти провыла, с лютой тоской наблюдая, как синеют губы мужа, как мертвенная бледность покрывает его лицо, как стекленеет взгляд теплых янтарных глаз…

— Нет, пожалуйста… Пожалуйста…

Глава 27

Темнота… Холодная темнота… Вязкий туман клубится вокруг него, поглощая волю, разум, воспоминания… Затягивая, обещая блаженное небытие, свободу от боли, забвение и покой…

Из светлеющего марева появляются тени. Тихие, безмолвные, бестелесные… Отец, мать, слуги… Деды и прадеды… Они пришли за ним… Они здесь… Бесплотные руки тянутся обнять его, бескровные уста расцветают бледными улыбками… Они ждали… Они любят его…

Он чувствует, как истончается плоть, как становится невесомым тело, как внутри разливается потусторонний холод… Он готов уйти… Туда, к ним… К людям, по которым тосковал, к предкам, которые ждали его…

— Сынок… — слышится ему шепот бесплотного голоса. — Ты здесь… Ты снова с нами…

Мама… Любимое лицо. Родные руки… Он тянется обнять ее и тут…

Молнией прошившее затухающий мозг воспоминание — всполох рыжих волос, отчаянный взгляд васильковых глаз, самых любимых, пробирающих до глубины души… Теплые губы, застывшие в гримасе боли, залитое слезами лицо, обращенное к нему… Сашка! Дети… Она не справится без него!

А холод проникает все глубже, разъедая внутренности, забирая у плоти ее силу и мощь, превращая крепкие мышцы в прозрачное ничто… И лишь тонкая нить, тянущаяся от правой руки в серый туман, удерживает его от полного превращения…

Проходят дни, недели, месяцы… Он потерял счет времени, паря в этом вязком мареве, но нить все еще держит его, не давая уйти за грань…

— Саша, отпусти его… — уставший голос Нелидова доносится до сознания девушки, но не задерживается там надолго, — ему ничем не поможешь. Мы сделали все, что могли, нужно смириться с неизбежным — от выстрела в сердце оборотни погибают. Чем держится Глеб — непонятно, но долго это не продлится. Пойдем, тебе нужно отдохнуть.

— Я не уйду, — механически двигая губами, отзывается девушка.

Александра не обращает внимания на окружающих. Вцепившись в руку мужа, она придвигается к нему ближе, вслушиваясь в невесомое дыхание. Он жив. Он не сдастся. Не нужно рассказывать ей, что ранение в сердце для оборотня смертельно, нет! Он выживет! Он не может не выжить… И пусть

все законы этой гребаной оборотнической жизни говорят о невозможности подобного, Глеб выживет! Уже два часа все убеждают ее, что сделать ничего нельзя, уже два часа все твердят, что это закон жизни и суровая справедливость судьбы — оборотень умирает, едва металл касается его сердце… Нет! Пусть верят в свои глупые россказни… Они говорили, что человек и волк не могут быть парой, они говорили, что она не сумеет выносить детей… Они много чего говорили, а получилось все наоборот!

Глеб не может сдаться, что бы они не думали…

Страшная ночь подходила к концу, после операции прошло уже несколько часов, а состояние Оборского не становилось лучше. Саша ни на что не обращала внимания. Все произошедшее вспоминалось, как в тумане. Искаженное безумием лицо Алины, поездка на бешеной скорости до клиники, решительно сдвинутые брови Нелидова, сурово сжатые губы Алекса, посеревшие охранники… Несколько часов перед дверью операционной… Снова эти белые стены… Снова ожидание… И страх. Парализующий, расползающийся по онемевшему телу лютым холодом, подбирающийся к сердцу и заставляющий его сжиматься в страшном предчувствии… А потом, реанимационная палата и уставшие голоса врачей, с удивлением констатирующие — все еще жив. И холодная, безжизненная рука мужа, в которую она вцепилась, едва его вывезли из операционной.

В этой руке для нее заключалась сейчас вся жизнь Оборского. Пока Саша держала ледяную ладонь, ей думалось, что еще не все потеряно. Что он не может оставить ее, что чудо, все-таки, случится…Господи, зачем он кинулся к ней? Если бы Глеб не прикрыл ее от выстрела Алины, все могло бы быть по-другому…

…Александре казалось, что она всего лишь на секунду закрыла глаза, не справившись с тяжелыми веками, но, еле ощутимое движение пальцев мужа, заставило ее очнуться.

— Глеб… — неверяще прошептала она, — Глебушка…

Дрогнувшие веки были ей ответом.

Саша заполошно жала кнопку вызова сестры, не отрывая взгляд от мужа. Он приходит в себя!

— Александра Павловна, посторонитесь, — полная медсестра аккуратно отодвинула ее в сторону.

Палата наполнилась врачами. Раздавались приглушенные возгласы, негромко отдаваемые приказы, шорох шагов… Саша ни на кого не обращала внимания. Ее глаза были прикованы к мужу. Бледное, небритое лицо, плотно сомкнутые веки, бескровные губы… Безжизненный вид мужчины медленно убивал Александру. Ей не могло показаться! Его рука, правда,

шевельнулась… Правда…

«Глеб, пожалуйста… Не оставляй меня…» — Саша отчаянно смотрела на Оборского, не желая признавать, что ошиблась.

По лицу оборотня скользнула гримаса боли, и он медленно открыл глаза. Пустой, какой-то потусторонний взгляд остановился на суетящихся вокруг людях, медленно обвел их и замер на стоящей в стороне Александре. Искра узнавания разорвала страшное беспамятство, янтарные глаза вспыхнули, и с бледных губ слетел еле слышный шепот:

— Сашка…

— Александра Павловна, вас там какой-то мужчина спрашивает, — к сидящей у постели мужа Саше подошел Виктор, один из охранников.

— Он представился?

— Нет, но очень просил вас позвать. Что ему ответить?

— Я сама поговорю с ним, — девушка кинула быстрый взгляд на спящего Глеба, решительно встала и направилась к выходу. Какое-то странное волнение подталкивало ее вперед, заставляло торопиться и сбивало дыхание.

Она быстро спускалась по лестнице, пытаясь успокоиться и перестать нервничать. Вид стоящего у поста медсестры мужчины заставил Александру замедлить шаг, и устало провести рукой по волосам. Нет… Только не сейчас…

— Саша, — голос говорящего был непривычно мягок.

Девушка сделала еще несколько шагов, и замерла напротив высокого, седого мужчины.

— Здравствуй, папа, — спокойно поздоровалась она.

— Мне нужно поговорить с тобой, — взгляд отца был, как и прежде, строгим и решительным, но где-то, в самой глубине его глаз, Саша увидела какое-то тщательно скрываемое чувство. Обострившееся восприятие подсказывало ей, что полковник волнуется и не может собраться с мыслями, — я не знал, что у вас произошло. Мы можем отойти в сторонку? — покосился он на застывшего за спиной Александры охранника.

— Да, конечно, — девушка приглашающе указала рукой на стоящие в холле кресла.

Отец и дочь, не сговариваясь, заняли места напротив друг друга. Несколько минут прошли в молчании. Наконец, Станкевич-старший не выдержал и, откашлявшись, заговорил:

— Саша, я должен извиниться перед тобой… Ну, за тот случай, — полковник неловко крутил в руках портсигар, — я был неправ.

Ему ужасно хотелось закурить, чтобы избавиться от сосущего, неуютного чувства вины, но он не рискнул достать сигарету.

Александра пристально смотрела на своего отца и молчала.

— Понимаю, тебе сейчас не до этого… Но… Сань, прости меня, а? — Павел Владимирович тяжело сглотнул, — я не хотел… Просто, фотографии увидел и нахлынуло… не собирался я тебя выгонять…

— Знаю, — тихо ответила Александра, — я потом уже поняла. Только, гордость не позволила вернуться.

— Простишь? — с затаенной надеждой, поднял на нее глаза полковник.

Саша вглядывалась в лицо отца, замечая появившиеся глубокие морщины на лбу, набрякшие мешки под глазами, седину, посеребрившую некогда рыжеватую шевелюру, горькую складку у рта… Чувство сожаления шевельнулось глубоко внутри. От Павла Владимировича разило одиночеством и какой-то безнадежностью.

— Да. И ты меня прости, ладно? — глядя ему в глаза, вымолвила Александра.

Сейчас, когда у нее у самой были дети, она поняла, что не имела права так категорично обрезать все нити, связывающие ее с отцом. Ну, да, что уж теперь… Гордость — фамильная черта Станкевичей — передалась и ей.

— Как твой муж?

— Лучше. Врачи надеются, что все обойдется. Главное, он пришел в себя.

— Ну, они, вообще, живучие…

— Папа…

— Да, нет, это я так. Хорошо, что ему легче.

— Ты где остановился?

— В гостинице. Саш, я хотел бы увидеть внуков. Ты позволишь?

Девушка пристально посмотрела на отца и, едва заметно, кивнула.

— Я распоряжусь, чтобы тебя поселили в усадьбе.

— Сань, если нужна какая-то помощь… Ты же знаешь, у меня есть возможности…

— Нет, мы справляемся… Хотя… — Александра слегка улыбнулась, — если решишь помочь Татьяне с детьми, будет очень кстати. Витя, передай Дэну, чтобы отвез Павла Владимировича в особняк и помог устроиться, — обернулась она к охраннику, — Тамару я предупрежу.

— Сделаем, Александра Павловна, — кивнул оборотень.

— Езжай, пап… — Саша посмотрела на отца и тихо добавила: — И спасибо тебе.

Станкевич кивнул, неловко обнял дочь и, передернув

плечами, пошел вслед за Виктором.

— Саш, — Глеб обеспокоенно смотрел на входящую в палату жену, — что случилось? Что тебя встревожило?

— Все хорошо, — девушка быстро прошла к кровати и легонько притронулась к щеке мужа, — правда.

Сейчас, она, как никогда, жалела, что Глеб так хорошо чувствует ее. Встреча с отцом взволновала Александру, а мужу волноваться как раз и не стоило.

— Ты мне веришь? — улыбнулась она. — Правда, у нас все хорошо. Нет. Замечательно.

Оборский недоверчиво посмотрел на нее.

— И именно потому, что у нас все замечательно, твое сердце стучит, как у зайца?

— Угу. А еще потому, что я тебя очень, слышишь, — девушка наклонилась и легко коснулась губ мужа, — очень сильно люблю.

— Что-то я не успел этого понять, — задумчиво протянул Глеб, — может быть, попытаешься быть более убедительной?

Руки жены, обнявшие его, и глубокий поцелуй были ему ответом. Мужчина удовлетворенно рыкнул и притянул девушку к себе поближе, перехватывая инициативу, заставляя Сашу задыхаться от загоревшегося в крови желания, от ощущения горячих губ, крепких рук у себя на талии…

— Я вам не мешаю, молодые люди? — раздался ехидный голос Нелидова.

Глеб еле слышно выругался и приподнялся на постели, не выпуская жену из объятий.

— Ты, как всегда, на редкость деликатен, — неодобрительно посмотрел он на дядю.

— Работа у меня такая, — развел руками старый врач, — ну, что… Собирай вещи и езжайте домой.

Держать тебя здесь я не вижу никакого смысла. Да, и надоел ты мне уже, хуже горькой редьки.

— Взаимно, — усмехнулся Глеб.

— Ну, так, постарайся больше не попадать сюда ближайшие несколько лет. Глядишь, успеем соскучиться друг по другу, — хмыкнул Нелидов, скрывая за иронией любовь к племяннику, — Саша, ты уж проследи, чтобы эта дурья башка больше никуда не лезла. Это ж надо так умудриться — выпутаться из одного смертельного ранения, и получить другое. Прямо, рок какой-то.

— А когда это ты успел стать таким суеверным? — улыбнулся Оборский.

— С тобой станешь, — проворчал Борис Анатольевич, — все, собирайся уже, хватит тут место занимать, у меня, и без тебя, пациентов хватает.

Глеб, усмехаясь, поднялся с кровати и, обняв Сашу, повел ее к выходу из палаты, подмигнув на ходу Нелидову.

— Идите помедленнее, — не удержался Борис, проводив племянника взволнованным взглядом.

— Не переживай, Бор, со мной все будет в порядке, — обернулся к нему Оборский, — И… спасибо…

— Иди уже, — отмахнулся старый оборотень.

Усадьба встретила чету Оборских тишиной. Саша с наслаждением втянула свежий лесной воздух, не в силах поверить, что страшные дни ожидания позади. Вот он — Глеб, рядом с ней, живой и невредимый, забывший и думать о былых проблемах, довольный и счастливый. Даже, как будто, помолодевший.

Александра удивленно прислушивалась к тишине, не в силах понять, почему во дворе не слышно ни звука и куда делись все обитатели усадьбы. Правда, стоило им с мужем войти внутрь родного уже особняка, как со всех сторон раздались приветственные возгласы и радостные пожелания. Оказывается, все домочадцы собрались в холле, встречая вернувшихся домой хозяев.

— Глеб Александрович, с возвращением, — Тамара, не скрывая слез радости, подошла к Оборскому и, от души, обняла его.

— Спасибо, Тома, — скупо улыбнулся Глеб, — я тоже рад тебя видеть. И всех вас, — обвел он глазами родные лица.

Оборский, действительно, впервые за долгое время, снова почувствовал, что у него есть дом, в котором его ждут и где ему искренне рады. Вдруг, послышался какой-то шум, и толпа раздалась в стороны — в образовавшемся живом коридоре неторопливо вышагивал Тошка, а за ним важно топали двойняшки. Желтые глаза малышей вспыхнули при виде родителей, и раздавшийся следом двухголосный визг заставил всех улыбнуться. Глеб подхватил детей на руки и счастливо рассмеялся. Тема мгновенно вцепился папе в волосы, а Катя гладила своими ладошками улыбающееся ей лицо и пристально смотрела в отцовские глаза. А потом, переведя взгляд на Сашу, отчетливо произнесла:

— Мама… — и потянулась к ней.

Александра, смахнув выступившие от неожиданности слезы, протянула к дочери руки и легко перехватила ее из объятий Глеба.

— Мама, — решил не отставать от сестры Артем и принялся выбираться из рук отца.

— Соскучились? — Саша смотрела на своих детей, чувствуя,

как внутри разливается теплое, щемящее чувство. Первые слова… Ее дети впервые сказали «мама»… Невероятно… Так рано… И так вовремя…

Вечером, когда окончился праздничный ужин и все разошлись по своим комнатам, супруги, наконец-то, оказались наедине.

— Глеб, ты как? — Саша обеспокоенно смотрела на мужа.

— Отлично, — предвкушающе улыбнулся тот, — иди ко мне…

— Ты уверен, что это хорошая идея?

— Знаешь, еще никогда и ни в чем я не был так уверен, — Оборский медленно взял жену за руку и притянул к себе.

— Глеб, а…

— Хватит разговоров. Мы и так, столько времени потеряли.

Шорох снимаемой одежды и тихий женский стон нарушили тишину темной спальни.

Старый особняк довольно загудел — его хозяева дома. Все снова будет хорошо.

Константин Каяров гневно расхаживал по кабинету. Такой план сорвался!..

Дура малолетняя! Надо же было ей именно на этот прием потащиться!

Альфа Серого клана раздраженно хрустнул пальцами. Чтоб их всех!

Столько лет, столько усилий… Нет, послушал эту глупышку — «Ах, Костя, он мне так нравится! Я хочу быть с ним! Мы подходим друг другу…» — передразнил он Алину… Вся операция псу под хвост… И сестра теперь у этого волчары… Еще вытаскивать ее придется…

Когда Каяров, после смерти отца, получил в свое распоряжение весь Серый клан, первой его мыслью было, любыми способами, добиться того, чтобы малочисленная прежде стая увеличилась и заняла подобающее ей место. Несколько лет ушли на выполнение этой задачи. А впереди были грандиозные задумки по привлечению на свою сторону Черного клана, глава которого вот уже сколько лет таскался по Европе и Америке в поисках пары. Придурок… Зачем нужна одна единственная, когда вокруг полно женщин, с радостью готовых на все? Зачем самого себя ограничивать на всю оставшуюся жизнь? Нет, он, Константин, никогда не пойдет на подобную глупость…

Молодой и амбициозный волк не задумывался о том будущем, когда ему нужны будут наследники. Нет. Слишком далек он был от подобных мыслей, слишком многое хотел успеть и испробовать…

И ведь победа была так близко! Когда провалилась попытка привязать Оборского к сестре, с помощью особого зелья, провоцирующего волка пометить подвернувшуюся волчицу, Костя не отчаялся. Что же, второй вариант, предусматривающий сумасшествие Черного альфы его устраивал куда больше. Тем более, что и при первом варианте Глеба пришлось бы, со временем, устранять именно таким способом… Иначе, он точно заподозрил бы что-то из-за отсутствия детей… Но когда рухнул и этот план…

Ну ничего, есть еще возможности…

— Марат! — резко позвал мужчина.

Бесшумно появившийся на пороге кабинета раскосый брюнет молча склонил голову.

— Скажи Антону, чтобы машину подогнал. Я сам за руль сяду.

Короткий кивок — и Марат так же бесшумно исчез.

Костя собрал в папку рассыпанные по столу документы, небрежно подхватил портфель и вышел из кабинета. Злая улыбка скривила красивое лицо — все еще узнают, кто такой Константин Каяров, альфа Серых волков!

В Парижском храме на rue Petel было многолюдно. Гости, переговариваясь вполголоса, ждали приезда невесты и с нетерпением поглядывали на двери собора. Всем было любопытно взглянуть на женщину, покорившую одного из самых завидных женихов Европы и завоевавшую неприступного Глеба Оборского. Сам виновник торжества невозмутимо стоял у алтаря, обводя взглядом знакомые лица, и только очень хорошо знающие его люди могли понять, что он волнуется…

А в белом лимузине, движущемся по улицам Парижа, сидела красивая рыжеволосая девушка, в белоснежном платье, и с нетерпением ждала мига, когда вся суета останется позади, и она снова утонет в медовых глазах, уверенно отвечая «да» на заданный вопрос.

Саша вспоминала, как растерялась от неожиданности, когда обычно сдержанный и скупой на слова Глеб опустился перед ней на колено и попросил ее руки. По всем правилам. Девушка видела, что он переживает, чувствовала затаенную в его душе надежду и, во все глаза, смотрела на Оборского.

— Саш, я так долго ждал этого мига. Мне очень хотелось бы, чтобы все у нас было по-другому, более светло и радостно, без ненужных бед и недомолвок, так, как положено. И, пусть это предложение немного запоздало… Но… Ты выйдешь за меня замуж?

Глеб ждал ее ответа, а она словно онемела. Перед глазами

пролетали события последних дней, ранение Глеба, его затухающий взгляд, отчаяние, при мысли о его гибели… А потом, счастье снова видеть затягивающую янтарную бездну и непреодолимое желание прикоснуться к любимым губам… Она не удержалась и потянулась к мужу.

— Саш, это «да»? — обняв ее, спросил Глеб.

— Да, — глядя в его сияющие глаза, ответила она.

А потом была чудесная ночь. Они любили другу друга медленно, полностью отрешившись от всего. Чувственные прикосновения, поцелуи, томительные ласки…

Саша ощущала, всей душой, что ей нестерпимо хочется очутиться рядом с Глебом, и, наконец, соединиться с ним, чтобы никогда больше не разлучаться.

Вдали показался собор. Лимузин подъехал к самому входу, и девушка вышла из машины. С помощью отца, она поднялась по лестнице, а потом, Саша запомнила только блеск икон, вьющийся из кадила дым от ладана, глубокий бас протодиакона, невесомую тяжесть венца на голове и теплый медовый взгляд мужа, в котором она тонула без остатка. Заветное «да» прозвучало громко и четко под сводами храма. И Глеб, и Саша, без раздумий, произнесли самое главное слово…

После пропетого хором многолетия, все гости устремились к молодым. Все смешалось — оборотни и люди, близкие и дальние, знаменитые и не очень… Они желали супругам счастья и долгих лет жизни, на что молодожены только загадочно улыбались и украдкой обменивались понимающими взглядами…

Поздравления, поцелуи, счастливые лица оборотней, взволнованное — отца… Все это прошло мимо Саши, как в тумане. Она держала мужа под руку, и чувствовала, что сердце готово выпрыгнуть из груди, от счастья. Они смогли! Они переступили через все свои обиды и боль, сделали шаг навстречу друг другу и стали одним целым. Оборотень и его пара. Глеб и Александра. Чета Оборских.

В это же время в Москве.

— Костя, я не хочу никуда ехать, — капризно надула губы Алина.

— А тебя никто и не спрашивал, — грубо ответил Каяров, — умудрилась вляпаться во всю эту историю, теперь расхлебывай. Без тебя со мной и разговаривать не будут. Метельский поставил условие, я не могу приехать один.

— Они меня достали! — закричала девушка. — Я трое суток просидела в этом гребаном подвале, а теперь, им еще что-то от меня нужно! Не поеду!

— Поедешь. Как миленькая, — прошипел Константин, — и

сделаешь все, что скажут. Ты соображаешь, что нас ждет? Как тебя на месте не убили — ума не приложу. Дура малолетняя!

Мужчина схватил сестру за руку и потащил за собой. Та упиралась, но Каяров не обращал на это внимания.

— Не беси меня, — он запихнул сестру на заднее сиденье своего Порше и захлопнул дверцу.

Через пару секунд, машина сорвалась с места, но не успела проехать и нескольких метров — мощный взрыв раскидал горящие обломки по всему двору загородного особняка Каяровых.

Черный клан не прощал долгов. Законы оборотней не имели двойного прочтения — всякий, кто вознамерился забрать чужую жизнь, лишится своей.

Пять лет спустя. Канны. Франция.

Вспышки фотокамер, блеск драгоценностей, вечерние наряды дам и дорогие смокинги мужчин, белозубые улыбки и благожелательные лица.

Ежегодный кинофестиваль собрал огромное количество гостей.

Александра шла под руку с мужем и с достоинством отвечала на приветствия знакомых — нынче здесь было много глав европейских кланов. Еще бы! Значимое событие года.

Глеб обернулся, собираясь что-то сказать жене, и тут Саша почувствовала, как странная белая пелена застилает ей глаза, мешая видеть окружающих. Что за?.. Тонкая полоса расширялась, становилась все плотнее, захватывала Сашу целиком, и девушка почувствовала, как подгибаются колени, и она летит куда-то… Все быстрее, все ниже, все стремительнее…

«Глеб…» — было последнее, что успела прошептать Александра, теряя связь с реальностью.

Эпилог

Саша вздрогнула и открыла глаза. «Глеб…» — выдохнула она и в недоумении огляделась вокруг.

Ее старая спальня, теплый свет лампы, падающий на раскрытую книгу, простое шерстяное платье, тихое сопение Тошки…

Тошка?! Что происходит?

Александра растерянно смотрела на щенка, лежащего у ее ног. Не может быть… А как же…

Она переводила взгляд с одного знакомого предмета на другой, и неконтролируемый ужас охватывал все ее существо! Этого не может быть! Где ее дети? Где вся ее жизнь?! Где Оборский? Неужели… Нет!

Саша в отчаянии стиснула руки. Не может быть…

Постепенно, осознание произошедшего, проступало на ее лице, и девушка расстроенно закусила губу. Приснилось…

Господи, но как же так?! Она никогда не видела таких реалистичных снов…

И почему так тяжело дышать? И отчего так тоскливо сжимается сердце?

Слезы — непрошенные, нежданные, горькие — полились по лицу девушки. Все это ей всего лишь привиделось… Реальное прошлое сплелось с вымышленным будущим и вылилось в невероятную, несуществующую историю.

Нет никакого Глеба, нет детей, нет того счастья, что она ощущала внутри… Снова одна… Снова беспросветное одиночество… Господи, ну как же так?!

А все тот портрет виноват… Увидела янтарные глаза и пропала, нафантазировала себе невесть что! Дура!

Но как реалистично все было в том странном сне!..

Саша отчетливо помнила каждую мелочь, она знала мысли всех людей, с которыми столкнулась в этом захватывающем видении, ощущала их эмоции, желания, страхи… Так не бывает! Нет, ну, правда же — не может такого быть! Девушка не хотела верить в то, что целая жизнь — яркая, трудная и… счастливая, несмотря ни на что, оказалась вымыслом.

Тоскливое чувство разливалось внутри. Только что, у ее ног был весь мир. Только что, она любила и была любимой…

Сердито вытерев мокрое лицо, девушка решительно встала с кресла. Хватит мечтать! Тошка заворчал и приподнял морду. Весь его вид говорил — и чего тебе, хозяйка, не спится?

Внезапно, Саша замерла и прислушалась — с кухни

доносился какой-то шум. Александра усмехнулась — надо же, сон в руку, так же начинался, — и направилась на раздающиеся звуки…

… Она вошла в кухню и почувствовала, как слабеют колени. Глеб!

Вот же он, такой родной и близкий, сидит за столом и уминает приготовленные на завтра деликатесы. Уставший, вымотанный, заросший щетиной, но бесконечно любимый. Не осознавая, что делает, Саша шагнула вперед, глядя в знакомые янтарные омуты и неверяще прошептала:

— Глеб, Глебушка… Ты вернулся…

Мужчина поднялся из-за стола и, как завороженный, двинулся ей навстречу. Он смотрел на незнакомую девушку и чувствовал, как сладко заходится ставшее таким живым сердце. Оно стучало, толкая Оборского вперед, прямо к этому сияющему любовью лицу, к этим мягким и нежным губам, к упоительно пленительному телу…

— Моя! — отозвалось внутри. Пьянящий аромат окутал его, лишая рассудка и привычного хладнокровия.

Губы, которые мужчина смял в поцелуе, охотно раскрылись ему навстречу, и Глеб утонул в их сладости, теряясь от ощущения бесконечного узнавания. Она… Он ее знает… Тихий стон, раздавшийся в тишине кухни, свел мужчину с ума. Волк, сидящий внутри, в нетерпении рыкнул, побуждая к действию, и Оборский не выдержал — он с трудом оторвался от губ незнакомки и сипло произнес:

— Если ты хочешь передумать, скажи сейчас, сразу, потому что больше я тебя не отпущу. Никогда. Просто не смогу…

— Не отпускай, — глядя на него сияющими глазами, прошептала девушка, — никогда не отпускай.

Она помнила последние прозвучавшие в белой пелене сна слова — «постарайся избежать ошибок» — и решилась. Она не может отступить. Нет. За свою судьбу нужно держаться двумя руками. Крепко. И никуда ее не отпускать.

Старый особняк умиротворенно прикрыл усталые веки. Получилось! У него получилось! Он все сделал правильно, сумел! Да-а, тяжеловато пришлось, теперь долго восстанавливаться придется… Еще бы — показать Хозяйке вариант развития будущего… Это вам не просто так… Ну, да, ничего…

Подумаешь! Вот, отдохнет немного и вернет потраченные силы… Главное, оно того стоило!

Хозяйка смогла! Она все сделала правильно! А Хозяин… О, уж оборотень-то свою пару из рук не выпустит… Он такой… Ни за что свое не отдаст…

Хе-хе… сколько горячих ночей предстоит этой парочке… Сколько шума и стонов будет раздаваться в просторных комнатах… А потом… Первый крик детей, первый лепет, первые шаги… И взросление, и первый оборот… Аххх…

А там, и еще одна парочка маленьких оборотней на свет появится…

Дом тихо вздохнул и втянул внутрь довольную сущность. Жизнь продолжается…